

ГУБЕРНСКИЙ

ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

3/96



КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

3/96

Время Общество Знание

- Два монолога о Буйском музее 3
Семейный альбом. Трудились для Отечества 6
Подвижники нашего времени 8
Моя родословная. Паровозы, паровозы... 14
В гостях у Флерова 15

Свидетельства Архивы Документы

- Имя в русской истории 21, 33, 44
Василий Смирнов. От Молвитина до Буя 24
Павел Друлис. Как железную дорогу строили 37
"Мною усмотрено..."
Из эпистолярного наследия Буйского уездного исправника 50
Обычаи и обряды. Красна изба пирогами 52

Литература Искусство Культура

- Мария Готовцева. Житье-бытье на Кореге 53
Литературное семейство Жадовских 61
"Родные дебри тянули к себе". О художнике Алексее Писемском 69
Виктор Куликов. "Мне стихов выдумывать не надо" 72
Константин Абатуров. Глава из повести "Моя Шача" 75
Собиратели и хранители. В наследство — песни 78

Учредитель – администрация Костромской области.
Попечители: областной государственный архив,
Костромское епархиальное управление, объединение "Костромакурорт",
областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).
Регистрационный номер Т-0162.



Фольклорная группа детской школы искусств
пос. Чистые Боры Буйского района (руководитель Татьяна Кавадина)
на праздновании Дней славянской письменности и культуры в Костроме.

О других интересных коллективах и талантливых людях буйской земли,
о 460-летней истории и культуре города Буй читайте в этом номере журнала.



СОХРАНИТЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В эти дни мы отмечаем 460 лет нашему родному городу. В далеком 1536 году, по велению малолетнего царя Ивана Грозного, его матерью Еленой Глинской было основано укрепление — крепость, Буй-городок на Кореге. Поселение предназначалось для защиты местных жителей от набегов татар, мордвы, чувашей и других поволжских кочевников, а также было форпостом северо-восточных границ Московского государства.

За прошедшие четыре с лишним века город из захолустья, места ссылки превратился в красивый современный центр одного из крупнейших районов области с большим экономическим потенциалом и крепкой материально-технической базой социальной сферы.

В настоящее время Буй является одним из крупных городов Костромской области, административным центром Буйского района. Город расположен на левом берегу реки Костромы при впадении в нее реки Вексы. Буй — железнодорожный узел на крупнейшей магистрали страны Москва-Владивосток. Город расположен в 104 км от Костромы и связан с областным центром автомобильной дорогой республиканского значения.

Ведущими направлениями хозяйственной деятельности современного Буя являются перевозка грузов и пассажиров железнодорожным и автомобильным транспортом, химическая, легкая промышленность, деревообработка, переработка сельскохозяйственной продукции, строительство.

В 15 км от города расположен поселок Чистые Боры.

Сегодня в Буе и Чистых Борах проживает 35,7 тысячи человек, в



том числе более 11 тысяч — дети и молодые люди до 30 лет.

Бесценен вклад в развитие города многих поколений буйвлян, огромны богатства, созданные их умом и руками. Светла память о тех, кто уже ушел из жизни. Спасибо большое тем, кто жив, кто трудится рядом с нами.

Буйская земля — середина России, истинно русская провинция. Исторические документы, музейные экспонаты, труды ученых рассказывают о славных событиях и вкладе буйвлян в становление и защиту Российского государства. Нашей гордостью стали поэтесса Ю.В.Жадовская, декабристы М.М.Нарышкин, Ф.Ю.Шаховский, М.М.Корсаков, книгоиздатель И.Д.Сытин, сподвижник В.Беринга Д.Л.Овцын и другие земляки.

Во время Великой Отечественной войны 15,5 тысяч человек отправил на фронт буйская земля, около восьми тысяч не дождалась

назад, 12 воинов стали Героями Советского Союза. Все заводы, фабрики, артели, колхозы работали для фронта. Через Буй обеспечивались бесперебойные перевозки воинских частей, военной техники, боеприпасов. Город принимал детей из детских домов, раненых с фронта, эвакуированное население.

Низкий поклон всем, кто выстоял и победил в той жестокой войне.

И сегодня рядом с нами живут и трудятся замечательные люди, водят поезда и автобусы, изготавливают мебель, строят жилье, учат детей. Это Почетные граждане нашего города: директор краеведческого музея Т.В.Ольховик, учительница школы № 9 Л.М.Науменко, ветераны железнодорожного транспорта П.К.Иванов и В.С.Набатов. Это 10 заслуженных учителей, 5 заслуженных врачей, 8 заслуженных работников культуры Российской Федерации, 6 заслуженных работников железнодорожного транспорта и много других уважаемых людей.

В беспокойное время мы живем. Главное сейчас — не разрывать связь времен, передать новым поколениям все самое ценное из накопленного опыта, сохранить гражданское согласие в обществе, сохранить человека в человеке. Это посильная задача, если возьмемся за нее вместе всем миром.

Желаю дорогим буйвлянам, всем читателям журнала здоровья и благополучия, добра и мира. Надеюсь, что исторические и нравственные корни нашей древней земли помогут нам в преодолении трудностей и в созидательной работе по возрождению Отечества.





ДЛЯ ИСТОРИИ ПОЛВЕКА СРОК НЕБОЛЬШОЙ...

*Краеведческий музей в Бую отметит нынче свое 50-летие.
Для истории полвека — срок небольшой, а вот для музея...
Судите сами по двум монологам —
научного сотрудника музея 1946-1947 годов и нынешнего директора.*

МОНОЛОГ ПЕРВЫЙ.

Вспоминает Владимир Тимофеевич Друлис, племянник создателя и первого директора музея П.М. Друлиса:

— Официально датой создания Буйского музея считается март 1946 года. Но я помню, как перед самой войной дядя радовался, что ему для музея выделили маленькую комнатку, как мы, мальчишки, помогали ему перетаскивать громоздкие экспонаты из его квартирки в не сохранившийся сегодня дом, кстате, напротив нынешнего музея. Но тут грянула война, и отведенная музею комнатка была приспособлена под армейский вещевого склад. До сих пор жалею огромную икону с поразившими меня сценами рая и ада, которую солдаты успели расколоть и истопить в печке, некоторые другие исчезнувшие экспонаты. Остальное было возвращено снова в квартирку Павла Михайловича. Когда война подходила к концу, неутомный старик взялся снова за свое. Поехал в Москву с намерением добиться поддержки у самого Калинина. К "весоюзному старосте" он не попал, но, очевидно, до какого-то начальства там досту-

чался, потому что через некоторое время пришло из столицы "указание", и музей неожиданно быстро открылся. Опять была выделена для него комната, уже в ДКЖ, и две ставки: директора музея и младшего научного сотрудника.

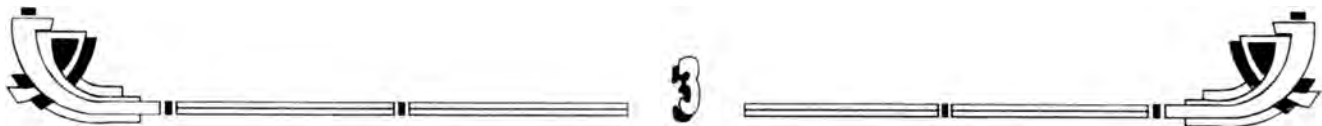
К этому времени я, мальчишка, ушедший в 43-м прямо со школьной скамьи на фронт, после госпиталя инвалидом вернулся домой. И вот дядя пришел ко мне: "Приходи — будем собирать, будем работать вместе". Так я и стал первым научным сотрудником только что открывшегося музея.

У Павла Михайловича было не ахти какое образование, закончил он до революции школу лесных кондукторов, почти всю жизнь и проработал в лесу, только уже на закате жизни сбывлась его давняя мечта — открыть в Бую краеведческий музей, и он без колебаний перешел сюда работать, хотя и потерял много, если говорить о материальной стороне жизни. Дядя был наделен поразительной любознательностью и такой же природной настойчивостью. Это и помогло ему в конце концов своего добиться.

Начинали мы с оформления экспозиции. Делали все сами. Вот и

сегодня в музее осмотр начинается с макета древней крепости Буй, правда, уже в другом исполнении. А идея его создания пришла Павлу Михайловичу в то время. Он такой разносторонний человек был, что занимался и геодезией, был у него и свой нивелир, и какие-то другие приборы. Вот взяли мы их, мерную ленту и пошли измерять земляной вал (он тогда еще отчетливо виден был). Помню, когда дошли по берегу до "Стрелки", сообразили, что Буй в XV веке был совсем не такой по площади. Ведь берег-то рушится на "Стрелке", чуть не на полметра каждый год сокращается, а четыреста лет назад где этот берег был?.. Сметнули, прикинули. Потом этот план с бумаги в папье-маше переводили.

А сколько по району ходили, собирая старинные предметы, книги, крестьянскую утварь! Дядя был такой путешественник, что ему дорог не нужно: надо ему в Романцево — вышел за Вексу, посмотрел на компас, засек азимут, руки за спину — и напрямик. И всех он знал, и его все знали. В Вологодской области есть так называемые дьяновские села — за Вохтогу километров, наверное, двадцать





Тамара Васильевна Ольховик.

пять. Там у дяди лесник знакомый был. И вот пришло от него известие, что нашлась какая-то старинная книга. Так вот Павел Михайлович говорит: "Завтра в эти демьяновские села отправляйся". Вот и ходил, помню, километров за шестьдесят в эти села, и принес эту книгу...

Походы, в которые водил дядя нас, мальчишек, еще перед войной, раскопки, которые мы вели, — все это вызывало у нас восторг, развивало нашу любознательность. И

вот недавно я получил письмо от своего одноклассника — журналиста из Твери. Вспоминает он те походы в мельчайших подробностях и пишет, что они определили его будущую профессию...

Поэтому справедливо, что сегодняшняя экспозиция нашего музея открывается фотографией: старик, своей внешностью и шапочкой очень напоминающий старого профессора, с лупой в руках склонился над столом. П.М.Друлис, большой знаток буйского края, куда его деда занесла судьба в ссылку после польского восстания 1830 года, очень полюбил эту землю и хотел, чтобы живущие на ней люди лучше узнали и полюбили ее. И наш музей вот уже полвека живет и работает ради этого.

МОНОЛОГ ВТОРОЙ

Рассказывает нынешний директор Буйского филиала Костромского музея-заповедника заслуженный работник культуры Российской Федерации Тамара Васильевна Ольховик:

— Получилось все довольно неожиданно. В 1971 году я ушла на пенсию из Дома культуры железнодорожников, и вдруг в горком партии уговорили поработать в музее.

Конечно, специфики музейного дела я не представляла. Но даже мне было видно, что экспозиции

давно не менялись, обещали. Посетители это замечали и даже писали об этом в книге отзывов. А уж про помещение что и говорить! Три небольшие комнаты, которые назвать залами язык не поворачивается, половину их занимали печи. Дрова, которыми мы топили эти печи, были вечно сырые, так что было дымно, пахло затхлостью, проникали запахи и из соседних жилых помещений. Ходуном ходили под ногами посетителей и скрипели половицы...

Музей требовал ремонта, требовал другого к себе отношения. И, проработав в таких условиях два года, мы решили бороться за хороший музей. Вот тут-то пригодились мне и опыт, и умение разговаривать с разными людьми и убеждать их, и авторитет, который у меня в городе уже был. Для посетителей пять с половиной лет, пока шел капитальный ремонт, музей был закрыт, но для нас эти годы были очень благотворными. После П.М.Друлиса собирательской работой музей практически не занимался, и мы много стали ездить по району, немало экспонатов удалось приобрести и в городе. Так что, когда был отремонтирован старый особняк купцов Милославских, сделана к нему пристройка, мы стали разбирать наши фонды, и потребовалось новое фондохранилище. И опять стройка, которая практически не прекращалась все эти годы.

Сейчас условия для работы неплохие. Особенно мы рады, что есть выставочный зал и музей имеет возможность постоянно показывать буювлянам — ведь не только для гостей, а для них существует в первую очередь музей — что-нибудь новенькое из своих коллекций, а также из собраний Костромского музея-заповедника. Без этих выставок, которые мы часто меняем, трудно было бы удерживать постоянный интерес к музею. А наши выставки отличаются разнообразием: то это выставка определенной группы материалов, например, "Фаянс, фарфор, стекло", то вещи, объединенные общей темой, вроде "Русского чаепития", то знакомство с каким-



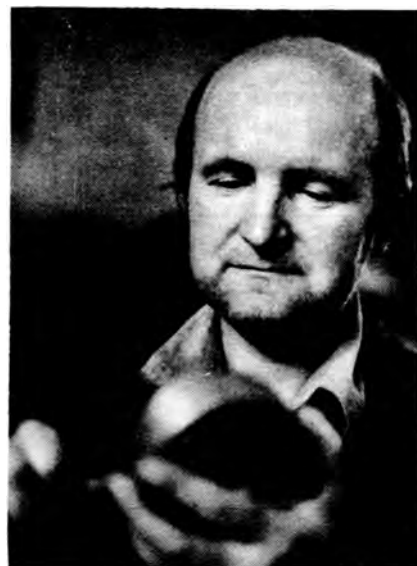
Юрий Алексеевич Гагарин и Виталий Алексеевич Шитов.



то интересным коллективом, например, с творческой работой коллектива детского сада "Лесная сказка" по эстетическому воспитанию детей на традициях народного искусства или с произведениями художников Красносельского ювелирного завода. А в канун 50-летия музея мы решили представить своеобразный отчет музейщиков разных поколений о собирательской работе. Выбрали из фондов самое значительное из тех экспонатов, которые ни разу нигде не выставлялись. Назвали выставку "Наше наследие". А в другом зале мы знакомим посетителей с нашими современниками, с теми уроженцами буйской земли, которые внесли большой

вклад в науку, искусство, культуру. Мы гораздо лучше знаем деятелей прошлого, а вот о современниках имеем порой смутное представление, а разве не интересно, например, узнать, что преподавателем по аэродинамике первого космонавта был буевлянин Виталий Алексеевич Шитов. И на нашей выставке есть фотография, на которой Ю.А.Гагарин снят вместе со своим учителем, и книга с автографом космонавта. Вроде, мелкий штрих, но ведь он тоже рождает чувство гордости за свой край, за выросших здесь людей.

Что меня радует в итогах этого пятидесятилетия больше всего? В музей люди идут. Музею доверяют дорогие семейные реликвии. Для



Сергей Вячеславович Высоков.

меня, скажем, самым счастливым за эти годы был день, когда рабочий Сергей Высоков передал городу свою большую коллекцию предметов старины. Радует, что у музея много помощников. Это и известные в городе предприятия "Буймебель" и "Фосфат", и новые фирмы "Эксперимент" и "Ремонт-сервис", и частное предприятие "Веселов и К", и другие. Это благодаря их поддержке, мы смогли и ремонт провести, и недавно приобрести, например, старинную дворянскую мебель, и отпраздновать юбилей музея, и отметить в коллективе Международный день музеев. Большое спасибо хочется сказать и творческой интеллигенции города, коллективам художественной самодеятельности, которые охотно участвуют в проводимых музеем вечерах, встречах, праздниках, делают их более яркими и эмоциональными.

Уверена, что в музее сегодня люди черпают не только знания по истории и культуре края, но получают и нравственный урок: когда так смешаются представления о жизненных ценностях, важно напоминать людям, что в памяти потомков остается не тот, кто достиг наиболее блестящего материального положения, а тот, кто совершил добрые дела на благо родного края или всего Отечества.



На выставке "Наше наследие".



ТРУДИЛИСЬ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВА



Георгий Николаевич Василевский в Буйе человек известный. Нумизмат, собравший более тысячи монет всех времен и народов. Любитель и знаток древностей. Страстный охотник. Путешественник. Фотограф, чьей фототеке слайдов, запечатлевших богатства и красоту живой природы, позавидует и профессионал. При всей поглощенности любимой работой — 20 лет до пенсии он был главным инженером Буйского отделения Северной железной дороги — Георгий Николаевич не стал односторонним человеком. Об этом и расскажет вам он и его необычная квартира-музей.

...На столе осколок снаряда еще времен первой империалистической. Теперь в нем стоят простые карандаши. Здесь вы можете поддержать в руках Георгиевский крест, медали, которыми награждали за доблесть вояк век назад. А вот светский знак отличия для царских подданных — медаль за усердие по службе и медаль в честь коронации Александра III...

— Георгий Николаевич, для коллекционера, конечно, важно владеть не только интересным, а и уникальным материалом. Чем вы особенно гордитесь?

— Большую коллекцию монет я подарил внукам в Москве. Самая старая российская монета в ней — буйская, времен основания города, так называемая рубленая копейка. Я нашел ее сам на городском валу, в древнем городище. В Буйском районе много исторически интересных мест — в районе села Павловского, Ликурги, Борка, например, которые располагают к поиску древностей.

А взгляните на эти альбомы — со снимками начала века, по-

священными первой империалистической. Их делал мой отец Николай Васильевич Василевский, служивший на той войне главным врачом 5-го автопередвижного госпиталя, с которым оказался на фронтах в Восточной Пруссии, затем в Тегеране — в составе особого экспедиционного корпуса. Это, действительно, исторические альбомы, уникальные снимки с передовой, запечатлевшие войну в лицах.

— В семейном альбоме Василевских тоже, наверное, скрыта своя история?

— Вот снимок начала века, сделанный в Тамбове, откуда идет наш родовой корень. Дед, Василий Антонович, служил

каким-то большим чиновником в Тамбове. А это в центре бабка, Пелагея Спиридоновна, с детьми. Отец закончил Харьковский университет и, как вы уже знаете, пошел по медицинской части. В Великую Отечественную в 1941 году он был назначен главным хирургом военных госпиталей, эвакуированных в Буй, здесь же работала хирургом и мать, Александра Михайловна. Как и отец, она до конца своих дней и сил работала в больницах города. Стала заслуженным врачом Российской Федерации. А здесь, на парадном снимке, она снята в день присвоения ей звания "Почетный гражданин города Буй".



**Прадед Спиридон Алексеев
с супругой.**



**Дед Василий с детьми.
Начало века.**



**Отец Николай Василевский.
Начало века.**

— 460 лет исполнилось городу, ставшему вашей родиной. Какие чувства вызывает у вас это событие?

— Может быть, это громко звучит. Мы переводили паровозы на тепловозную тягу, строили вторые пути на участке Буй-Свеча, дворцы культуры и больницы для железнодорожников... Когда я думаю, что моя жизнь была отдана реконструкции железной дороги, где я прошел все должности от дежурного по путям станции Буй до заместителя начальника и стал главным инженером отделения Северной железной дороги, мне радостно, что я послужил своей родине, как умел, и причастен к ее истории. Каждое поколение Василевских по своему трудилось для Отечества. Как это и должно быть — желало сделать что-то доброе. И это естественно, что чувства самые праздничные, словно и ты именинник.

— У вас в руках модель какого-то паровоза, вы готовите подарок?

— Уж который месяц воюю с реставрацией этой действующей



Александра Михайловна Василевская.



**Царские медали
из коллекции Г.Н.Василевского.**

шей модели первого отечественного локомотива, пришедшего в Кострому на старый вокзал. История этой вещицы такова. Она была изготовлена к показу на праздновании 300-летия Дома Романовых в Костроме слесарем-железнодорожником, имя которого, к сожалению, забыто. Ее разыскал где-то в сарае, уже забытую и испорченную, мой костромской друг, тоже коллекционер, Александр Николаевич Соболев, бывший начальник дистанции пути в Костроме. Чтобы восстановить эту модель, пришлось много поработать: прежде чем приступить к реставрации модели, нужно было связаться с Музеем транспорта в Ленинграде, покопаться в библиотеках, чтобы определить правильно цвет, найти серию локомотива, его технические данные.

— Успеете закончить к празднику города?

— Постараюсь.

*Беседовала
Татьяна ГОНЧАРОВА*



«ФАНТАЗИИ» ДИРЕКТОРА ЛАДУХИНА

В бурном море сегодняшней экономики АО "Буймебель" приходится ничуть не легче, чем другим буйским предприятиям, хотя на фабрике очень многое делается для того, чтобы выжить. Анатолий Георгиевич Ладухин, характеризуя положение отечественных производителей мебели, далек от оптимизма и часто проводит такую аналогию:

— На мировой чемпионат в голову никому не придет выставить боксера, который ни разу в жизни не надевал боксерских перчаток. А нас, не потренировав между собою, на внутреннем рынке, выставили на такой "мировой чемпионат". А как мы можем соревноваться, скажем, с итальянцами, у которых совершенно иные технологии, если в их обрабатывающий центр заложена такая программа, что один оператор дает производительность, с какой у нас работают 50-100 рабочих?..

Оценивая сегодняшний день фабрики, Ладухин говорит:

— Сегодня у меня плохо, но несколько, может быть, лучше, чем где-либо в Бую, поэтому коллектив и сохранен...

Ему ничуть не легче, чем руководителям других предприятий, но он и в прежние годы, и в теперешней ситуации больше, чем другие, готов вкладывать в общегородские дела, идет ли речь о поддержке учреждений культуры, о безвозмездной помощи детским садам, о проведении городского праздника, о благоустройстве города. И что вроде бы это за доблесть: ведь все здесь живем, по этим улицам ходим. Но когда приходится затягивать пояс потуже, срабатывает другое: своя рубашка ближе к телу. Ладухин в этом отношении всегда был "белой вороной". Когда начинал



Анатолий Георгиевич Ладухин.

свое директорство на фабрике, больше внимания уделял не самому производству, а его культуре. Когда в цехах грязь, по территории фабрики ни проехать, ни пройти и нет бытовок, попробуй научить человека делать красивую мебель. Давались нынешняя чистота и порядок на фабрике и эти голубые ели на ее территории ой как непросто. На первых порах чувствовал новый директор и смешки за спиной, и открытое противодействие: мол, нам надо зарабатывать деньги, а не красоту наводить. Но не отступил. И в последние годы уже вошел этот порядок в привычку, и не надо по весне несколько субботников организовывать, чтобы на тракторах всю грязь, весь накопившийся хлам вывезти. А больше всего директора порадовал такой случай. Ушел один работник в другое место. Через месяц приходит: "Возьмите назад, мне там не нравится. Переодеться

негде, кругом грязь. Я тоскую по фабрике, по голубым елям..."

В прошлом году в Бую, на улице Островского 38, сдавался жилой дом, построенный ассоциацией промышленных предприятий. У АО "Буймебель" в этом доме свой пай. И вот собрал Ладухин перед заселением всех жильцов дома и сказал: "Давайте решим, как нам лучше поступить: или войти в новый дом, где во дворе останутся кучи бетона, где для видимости будут воткнуты в землю подобия деревьев, или мы с вами сами сделаем такой двор, какого больше не только в нашем городе нет, может, даже во всей России".

Затем развернул перед жильцами свой проект. И люди, многие из которых увидели Ладухина в первый раз, поддержали его.

— Вы знаете, некоторые из жильцов уже по тридцать субботников отработали, — рассказывая об этом и показывая двор, Ладухин как бы спорит с невидимыми оппонентами, своими коллегами-директорами, теми, кто все еще посмеивается над его затеями. — Напрасно мы говорим, что народ наш уже привык к грязи и неухоженности, что к красивому не тянется, что его не заставить в собственном доме порядка навести. То, что мы сделали в нашем дворе, никаких больших затрат не потребовало. Просто нужно было увидеть в камне красивейший и бесплатный природный материал, грамотно посадить деревья, которые выкапывали в лесу, кроме голубых елей, конечно, надо было людям показать, где ходить, а где ездить машинам, где ковры выбивать, а где будут играть дети. Кстати, некоторые субботники мы проводили с одними детьми с 6 до 16 лет,

они и мусор убирали, и деревья сажали, и кирпичи таскали... И теперь ребята, которые раньше деревья ломали, бегут каждое утро поливать "свое" дерево. Вроде бы пока немного сделали, а сегодня никого не нужно заставлять: подбери этот мусор, не бросай... Я не раз наблюдал: выходит из подъезда женщина, видит брошенную бумажку и несет ее в руках домой, чтобы положить в

ведро, а когда придет мусоровозка — вынести туда.

...Мы приехали во двор, рожденный фантазией директора Ладухина и руками воодушевленных этой идеей его соседей, без предупреждения и убедились, что это все в наши дни вовсе не из области фантастики...

Владимир СМОРЧКОВ



Двор Ладухина.

Имеет сообщать



НОВЫЙ ОТДЕЛ

появился весной в центральной библиотеке города Буя. В нем сосредоточены книги, альбомы, журналы по всем отраслям искусства, собраны грамзаписи. В отделе искусстве начал работать уютный выставочный зал. Открытие нового отдела было поддержано преподавателями училища искусств, детских музыкальной и художественной школ, а также самодельными художниками и мастерами прикладного искусства. Они активно участвуют в вечерах, выставках, концертах, которые стали регулярно проходить в библиотеке, помогают хозяйкам нового отдела Диане Воронцовой и Ольге Ходыревой.

СПОРТИВНАЯ ГАЗЕТА

стала выходить в Бую весной этого года под девизом "Сторонники спорта града и весей — объединитесь! С нами и вокруг нас". Событие обращает на себя внимание, ведь специальная спортивная газета бывает не в каждом городе, районе и даже не в каждой области. Учредителем газеты выступил Буйский химический завод, соучредителем — городская администрация, организатором и ответственным за выпуск стал директор спортклуба "Химик", известный в городе энтузиаст спорта Рудольф Александрович Тюринов. Судя по заявлениям, газета старается освещать спортивную жизнь не только спортклуба "Химик", но города и района. В первых номерах уже напечатаны материалы о ветеране спорта А.А.Карбасове, о спортивной семье Румянцевых, победивших на областных соревнованиях "Папа, мама, я — вместе дружная семья", опубликовано положение о проведении чемпионата Костромской области по футболу в 1996 году среди команд 1-й и 2-й лиги, где играют и две команды из г.Буя — "Химик" и "Локомотив".



МУЗЫКАЛЬНЫЙ ГОРОД НА КОСТРОМЕ-РЕКЕ

В мае этого года Алексей Петрович Ваничев отметил сразу три юбилея — свое 50-летие, 30-летие педагогической и 25-летие композиторской деятельности. Во Дворце культуры железнодорожников по этому поводу состоялся праздничный

творческий вечер, на котором прозвучали уже знакомые буювлянам и новые песни композитора. Автор сборника песен "Цвети, мой край!" к 460-летию Буя издал новый песенник "Мой город Буй на Костроме-реке".

— Алексей Петрович, а сколько всего песен Вы написали и как родилась первая?

— Всего у меня 58 песен, первую написал в 1971 году. Прочитал в "Буйской правде" стихи нашей поэтессы Галины Туваковой, они мне очень понравились, и музыка к ним написалась как-то сама собой. Творческое сотрудничество с этим автором продолжается до сих пор.

— Вы пишете музыку только на стихи местных авторов?

— Не только, есть, например, песня на стихи Инны Кашежевой. Но в основном авторы стихов

наши — кроме Туваковой, еще Куликов, Яблоков. В общем, беру для песни те стихи, которые западают в душу.

— И как происходит творческий процесс?

— Пишу дома. Иногда песня идет трудно, иногда быстро. Приходится и ночью вставать, садиться за фортепьяно и записывать музыку.

— Вы еще руководите художественным коллективом в Буйском дворце культуры железнодорожников?

— Уже двенадцать лет работаю с народным коллективом — духо-

вым оркестром "Салют", который был дипломантом Всероссийского фестиваля народного творчества и двух областных конкурсов духовых оркестров. Второй коллектив — группа "Ностальгия".

— Ностальгия по старой русской песне?

— Группа поет песни 40-60-х годов. Ностальгия не только по песням тех лет, но по самому времени, по той жизни. Люди тогда были другими, и отношения между ними — тоже.

— Жители города проявляют интерес к вашему творчеству. приходят на концерты?

— Несмотря на все сложности жизни, в зале во время концерта всегда аншлаг. Даже не знаю, чем это объяснить. Наверное, люди соскучились по духовой музыке, по старым хорошим песням.

— А в музыкальной школе Вы какой предмет преподаете?

— Флейту.

— В общем, тоже играете забытую мелодию для флейты.

— Свою музыку я играю на пианино, на баяне. С последним инструментом я знаком давно. Выступал на сцене клуба железнодорожников с 10 лет, затем играл в городском духовом оркестре, был аккомпаниатором хора, участником первого в Буйском эстрадного ансамбля. Играл и на институтских вечерах, и даже в ресторанах.



Алексей Петрович Ваничев.

— И какой институт Вы закончили?

— Костромской технологической. Но по специальности не работал, а сразу поступил в Буйское музыкальное училище и после него уже профессионально занялся музыкой.

— Вернемся к музыкальной школе, где Вы сейчас работаете. Как дети относятся к музыке, каков круг их интересов?

— Отношение к музыке очень хорошее. Ребята с удовольствием играют и в духовом оркестре, и в ансамбле "Ностальгия".

— Алексей Петрович, Вы преподаете в музыкальной школе, руководите музыкальными коллективами, сами пишете музыку. Можно сказать, держите в своих руках музыкальную культуру города Буй.

— Сказано слишком громко, но мы рады, что наша музыка, наши песни людям нужны. Выступаем на вечерах, даем концерты для ветеранов, имеем хорошие связи с краеведческим музеем, нашим центром культуры.

— И все-таки можно сказать, что Буй — город музыкальный?

— Я считаю, что именно так и надо говорить. И совсем не случайно, что здесь одна из старейших в области музыкальных школ, где занимается триста способных и перспективных детей, а также хорошее музыкальное училище.

Беседовал
Николай МУРЕНИН

ВСТАЕТ РАССВЕТ НАД ГОРОДОМ

Стихи Галины ТУВАКОВОЙ.
Музыка Алексея ВАНИЧЕВА.

Заря пылает весело и молодо,
Седой туман клубится
вдоль реки.

Встает рассвет,
Встает над милым городом,
Ночные в небе гасит маяки.

Припев:

А над рекою,
над рекою Костромой,
Сияет церковь
золоченою главой,
Из глубины веков
течению в унисон
Струится, льется
колокольный звон.

Полощут ивушки

шелками-косами
На убегающих на берегах,
Крутые радуги
цветными росами
На зативных рассыпались
лугах.

Припев.

А новый день поет,
звенит, качается
На крыльях легких,
белых облаков,
Навстречу солнцу
город улыбается
Раскрывшимися окнами домов.

Припев.

Умеренно

Музыка Алексея ВАНИЧЕВА.

В «ЛЕНКЕ» ТАНЦУЮТ ВСЕ

Жила-была маленькая девочка, которая любила танцевать. Вначале перед родными и гостями дома, потом в детском садике перед своими сверстниками и их родителями, потом в школе. А когда пришла война, в госпиталях танцем радовала раненых бойцов. Вторая любовь у девочки была к рисованию, закончила она поэтому художественное училище и получила диплом художника по фарфору. А потом пришла еще одна любовь, и вышла девочка замуж за военного. И в тех местах, куда бросала ее вместе с мужем судьба, никаких фарфоровых производств и в помине не было, поэтому пришлось Наде Жиновой снова обратиться к танцу, правда, теперь она уже больше других этому учила, чем танцевала сама. И когда приехала в Костромскую область, сначала в Антропове, как звездочка зазвучала, появился интересный танцевальный коллектив. Потом Пыщуг. И здесь за десять лет смогла Надежда Федоровна сделать гораздо больше. О Пыщуге до сих пор самые добрые воспоминания: отзывчивый, сердечный народ, знакомство и дружба с такими людьми, как молодой писатель Юрий Куранов, живописец Алексей Козлов... Поэтому, окончившая в 1966 году в Буге, вначале очень трудно к нему привыкала. Но вот так судьбой, видно, определено, что именно здесь суждено Надежде Федоровне сделать свое главное в жизни дело. Полжизни здесь прожито. Нынче отметила Н.Ф.Жинова свой юбилей, а осенью будет тридцать лет танцевальному коллективу "Ленок". С создания этого ансамбля и начинала Надежда Федоровна свою работу в Буге, сначала в Доме пионеров, а потом "Ленок" перебрался в более солидные стены — Дом культуры железнодорожников.

Чем были наполнены эти годы? Бесконечная череда уроков и ре-

петиций. Выпускались из ансамбля одни ребята — каждый год приходили новички-мальши, с которыми все приходилось начинать опять с самых азов. Занятие, которое может показаться утомительным и однообразным, работа порой до седьмого пота, до изнеможения. Это ведь как вершина айсберга: и победы на различных смотрах и конкурсах, и почетные звания, и зарубежная поездка...

Танцевали когда-то в "Ленке" братья Саленко — сегодня один приводит дочку, другой — сына. Танцевала Люба Белякова в ансамбле — сейчас она правая рука Надежды Федоровны, хореограф ансамбля, а в "Ленок" на занятия ее дети спешат. Не заметила Надежда Федоровна, как бабушкой сама стала, но в ансамбле выросли и обе дочери, танцевал здесь и внук, хотя выбрал карьеру военного. Только и ахнешь: как время летит! Но не пропало ощущение радости, с которой торопится Надежда Федоровна на встречи с молодежью в "Ленок", как с юностью своей, которая не проходит.

— Когда у ансамбля отчетный концерт, — рассказывает она, — у нас танцуют все выпускники, и

неважно, кому сколько лет — тридцать, тридцать пять или даже сорок.

В Буге довелось услышать такое высказывание: каждый ребенок из семьи, в которой родители более-менее заботятся о гармоничном развитии своих детей, проходит школу Н.Ф.Жиновой и ее ансамбля.

Это действительно так. И трудно подсчитать, сколько бугевлян эту школу прошли.

Надежда Федоровна рассказывает:

— Когда родители впервые приводят своего пятилетнего сына в ансамбль, обычно интересуются: а будет из него толк? Я в таких случаях отвечаю: "А вы потерпите, вот исполнится ему 18 лет, будет он танцевать свой выпускной или свадебный вальс — тогда увидите, есть толк или нет". И когда мои юноши этот вальс танцуют, вижу результат: ведь вспоминаешь, как некоторые музыку совершенно не слышали, ничего не могли вначале. И тогда я бываю счастлива. Мы ведь в ансамбль принимаем без отбора: кто хочет, тот танцует...

Владимир СМОРЧКОВ



Надежда Жинова с «Ленком».

ЗДЕСЬ ЖИВУТ ЧЕМПИОНЫ РОССИИ

Сергей Геннадьевич Васин живет в Буе без малого пять лет. До этого закончил Ташкентский физкультурный институт, на втором курсе которого выполнил норму мастера спорта по тяжелой атлетике. До него в Буе тяжелой атлетике как таковой не было, хотя и занимались ребята игровым спортом да атлетической гимнастикой, но неорганизованно, спонтанно, одним словом, качались — как и везде. Васин, став тренером, поставил дело на серьезную основу. С 93 года ведет он секцию тяжелой атлетики, сейчас — в центре молодежи, с того времени и стали буювляне выступать на чемпионатах области, где более 40 раз становились чемпионами. А в этом году на чемпионате России, посвященном 100-летию со дня рождения маршала Жукова и проходившем на родине героя. Сергей Никитин, прошлогодний бронзовый призер чемпионата России, занял уже второе место. А золотую медаль на чемпионате получила Наталья Сглиницкая. Не удивляйтесь, читатель, в секции тяжелой атлетики г.Буя занимаются три девушки. Кроме уже названной чемпи-

онки России, еще Любовь Смирнова и Наталья Сумкина, они — чемпионки Костромской области.

В этом году девушки заканчивают школу и, может, уедут из Буя в другие города, а может — останутся. Но вслед за первыми ласточками, считает тренер Васин, должны появиться другие. Основания для этого есть, тем более, по словам тренера, заниматься тяжелой атлетикой с девушками приятней — они более собраны, аккуратны, исполнительны. К тому же, у них лучше гибкость и координация. Конечно. Васин согласен с тем, что женщины предназначены для материнства, а не для поднятия тяжестей. Но второе, по его мнению, совершенно не мешает первому, более того, тренировки развивают тазобедренный сустав, делают красивой фигуру. Разумеется, полезны не голые накачки, а хорошо организованный тренировочный процесс с правильным питанием и режимом отдыха.

Тяжелую атлетику Сергей Васин считает демократичным видом спорта: человек и снаряд наедине друг с другом. В этом смысле в Буе — демократия, ибо

далеко не каждый районный центр третий год подряд выставляет команду по тяжелой атлетике на чемпионат России и привозит оттуда и "бронзу", и "серебро", и "золото". При этом заметим, что Буй наполовину комплектует сборную команду области, другую же половину — Кострома и Нерехта. Однако, в Костроме три тренера по тяжелой атлетике, в Нерехте — два, а в Буе — всего один.

Но он, Сергей Геннадьевич Васин, от этого не унывает. Напротив, имеет хорошие планы по развитию в городе тяжелой атлетики и добрые надежды на помощь заинтересованных людей и организаций. Он считает Буй городом, перспективным в спортивном отношении вообще и в тяжелой атлетике — в частности. И всегда со своей командой, в которой из 20 человек 16 чемпионов и призеров, готов принять участие в любых соревнованиях, будь то показательные выступления на каком-либо празднике или чемпионате области и России. И не просто принять участие, но непременно выиграть и добавить спортивной славы теперь уже родному городу.

Николай МУРЕНИН



Сергей и его команда.

Специал цведомитя



Сергей Геннадьевич Васин приглашает всех, желающих стать сильными и здоровыми, в центр молодежи, в секцию тяжелой атлетики. Кавалерам приходит вместе с барышнями.

ПАРОВОЗЫ, ПАРОВОЗЫ...

У старинного города Буя есть не только своя история. У Буя есть именно его историки. Один из них Владимир Васильевич Разживин. Вот уже больше десяти лет он собирает материалы об истории локомотивного депо с первых дней открытия здесь железной дороги, когда были построены 692 версты путей, уходящих на север. 34 года отработав в депо машинистом, Владимир Васильевич заочно закончил исторический факультет тогда Костромского педагогическо-

го института, что во многом помогло исследовательской работе с богатейшим архивом, который он собрал за эти годы. Он разыскал девять боевлян — участников Парада Победы, к 90-летию локомотивного депо, оформил 12 больших планшетов с материалами, которые рассказывают о людях, чей героический труд так многое значил для Буя. И в этом ряду, без всякого сомнения, предки Владимира Васильевича Разживина.

— Моя мать, Мария Павловна, была наделена даром слова и много мне рассказывала о них. О том, каким удивительным человеком она была, можно судить хотя бы по тому, что, когда отец пошел на гражданскую войну, она решительно заявила: "Без тебя я не останусь!" И вместе с дочкой Ириной и сестрой Верой они поехали за отцом в Оренбург, где формировалась четвертая армия. А затем — фронт против белополяков. Мама шила белье для воинов, она столько пережила, что оставила воспо-

минания, свою историю об этом. Мой отец, Василий Сергеевич, во время войны был слесарем бронетанкового дивизиона, а вернувшись с фронта, всю жизнь проработал в депо кузнецом. Вообще, эта профессия — ремесло наше родовое. Моя мать рассказывала, что ее братья Александр и Василий, когда только образовалось депо, вместе с дедом ходили к его начальнику, немцу И.Циммерману, и просились устроить их в слесарню. Их послали учиться на три года, и, когда они отработали по

несколько лет, тогда их только поставили машинистами локомотива.

Мой дед Сергей Иванович Разживин был потомственным кузнецом. И отец его Иван был кузнецом, и дед Лукоян, который родился в Буе еще до отмены крепостного права и прожил 115 лет. У Ивана было 5 сыновей, из них четверо стали кузнецами, а пятый — кровельщиком. У деда Сергея двое сыновей тоже пошли по этому ремеслу. На снимке 1905 г. он запечатлен достойно: в поддевке, в яловых сапогах, а не в лаптях. У Разживиных была своя кузня, и дело было поставлено на широкую ногу. Качество труда и отношение к работе — вот что раньше ценилось на Руси.

Судьба, видно, у нашей фамилии такая. Паровозы, паровозы! Двое моих сыновей Андрей и Вадим тоже теперь машинисты тепловозов.

Отчего эта любовь к нелегкому, прямо скажем, труду? Скорость, движение, умение овладеть машиной, возвыситься над ее мощью и технической красотой — вот что делает человека, управляющего ею, счастливым. Так любили эту работу и все те, кто трудился в депо до нас, до войны и сразу после нее, — Сергей Александрович Кульков, Павел Кузьмич Иванов, старейшие машинисты депо и многие другие. Пожелаем того же и новому поколению машинистов-боевлян.



Владимир Васильевич и Маргарита Борисовна Разживины.

ТЕПЛО И НАДЕЖНОСТЬ ОТЧЕГО ДОМА

Родина. Отечество... Посмотрите, какие странности происходят со словами и с жизнью нашей. Чем больше возвеличивались эти слова (и даже писаться стали с заглавной буквы), тем крепче забывался их изначальный, конкретный смысл. И что страшнее — тем легче отрывала жизнь людей от этой самой отчины, родины, от отцовского и дедова дома, от земли, по которой сделаны первые шаги...

Вячеслава Николаевича Флерова жизненные обстоятельства тоже, казалось бы, оторвали от родных мест. Но без малого через сорок лет он все-таки вернулся в дом, который выстроил на приглянувшейся дворине его дед, сельский священник, еще в 1894 году.

...В этом доме на столе, которого явно не хватает, Вячеслав Николаевич разложил передо мной родословное древо Флеровых, терпеливо и любовно им вычерчен-



ное. С этого дерева и начался наш разговор с главой Контеевской сельской администрации В.Н. Флеровым — почти ав ово, как сказали бы в XIX веке знавшие и почитавшие латынь предки Вячеслава Николаевича.

— Предков своих по отцовской линии я знаю теперь с 1820-х годов. Откуда взялась вообще эта фамилия — Флеровы. Оказывается, мой прапрадед, когда заканчивал Костромскую духовную семинарию, просто перевел свою исконную фамилию Цветков на латынь: флорос — цветок. А тогда это было принято: духовенству менять свои казавшиеся неблагозвучными фамилии на более подходящие церковнослужителям. Вот с тех пор и пошли Флеровы по русской земле. Корни рода — нерехтские. В Контееве первый Флеров, мой дед, появился в 1890 году и, кстати, поселился в том самом доме, где мы живем и сегодня. Дед начинал священником, а вот следующие поколения рода были уже учителями. Я подсчитал, сколько лет, начиная с деда, Флеровы, включая моих родителей, тетю и дядю, проучительствовали в школах, — получилось более 500 лет. А дальше в нашем роду пошли преподаватели вузов: три доктора наук, два профессора, шесть кандидатов наук. Сейчас мне удалось объединить в родословное древо порядка семисот человек. Так что дерево оказалось раскидистое и интересное.

— А вот что это дает — составление своей родословной?

— Убежден, что любовь и к своей земле, и к Родине начинается с любви, уважения к своему роду. И вообще считаю, одно дело — знать, что где-то там, в Римской империи или в Греции, происходило, — это отвлеченная наука, как математика. И другое дело, когда узнаешь историю и опираешься конкретно на факты, имевшие место в прошлом костромского края, Буйского уезда, своего села, своей семьи. И еще (я даже не представлял раньше, а когда в родословие "залез", оказалось): меня окружают все родственники, дальние, но все же родственники. Связав их общей родословной, я сам стал ближе с людьми, которые меня окружают.

— Наверное, яснее стало и то, что в вашем роду Флеровых передавалось из поколения в поколение то, что, возможно, уже генетически предопределено?

— Конечно. Во-первых, Флеровых, наверное, объединяет любовь к людям и стремление все, что мы знаем, не таить в себе, а передавать другим. Не зря ведь все шли или в священники, или в учителя.

Милая мамаша!

Простите меня ради Бога, я вот уже священником, а Вам никак не мог написать. Времени совсем недостает. Вы сами видите, как меня скоро испекли попом. Сережа Вам раньше пишет о подводе, Вы, пожалуйста, так и сделайте, т.е. наймите двух лошадей в разнопряжку, одну в санях, а другую в дровни, и высылайте их к субботе, чтобы они в субботу утром были в Костроме...

А пока прощайте. Остаемся живы и здоровы.

Ваши Алексей и Анна.

1890 г., 25 ноября.

Письмо Алексея Ивановича Флерова, закончившего Костромскую духовную семинарию, к своей теще — вдове контеевского священника, место которого он, по существующим правилам, готовился занять.

— А что вас подтолкнуло заняться историей своего рода?

— Два таких впечатления сильных были у меня в одно лето. Было это уже после окончания института. Ехал в поезде с казаком. В разговоре он обмолвился, что у казахов память очень хорошая на предков. Я спросил: "Сколько вы помните в роду своем поколений?" — "Тринадцать-четырнадцать". Я говорю: "Записываете?" — "Да нет, просто помним..." А вскоре другой случай. В военкомате женщину спрашивают, как звали ее отца. Она говорит: "Николай... А отчество не помню". Работник военкомата удивился: "Как? Вы отца как звали не знаете?". А она так резко отвечает: "Откуда я могу знать, если он погиб на фронте, когда я была маленькая?" Вот эти два случая так меня поразили, что я пришел к отцу: "Все, давай садимся писать родословную". И у меня до сих пор сохранилась та первая запись — на клочке обоев. А дальше — затягивает, стараешься все больше и больше узнать: сначала просто древо,



Семья сельского священника А.И.Флерова.
Четвертый слева стоит Николай Алексеевич Флеров.
Фото 1919 года.

потом даты рождения и смертей, где жил, кем служил. Нанес на карту — оказалось, что моя родня по всему Советскому Союзу. Начал писать биографии, искать фотоснимки. Настолько это оказалось увлекательным...

— Что вы и сына в это дело втянули...

— Да, Евгений, я считаю, не меньше меня увлечен был. Он, когда учился в Каравееве, такой обширный материал собрал, что я еще не все успел освоить. А еще до этого ведь мы с ним исколесили на велосипедах весь Буйский район, практически во всех деревнях побывали, записали рассказы стариков. Сын составил дневники этих походов с описаниями, фотографиями. Прошло уже лет десять-пятнадцать, а эти материалы читаешь с интересом.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ ПОХОД

Это предисловие я пишу почти четыре года спустя после первого нашего велопохода по Буйскому району. Сейчас я знаком почти с каждым уголком района, походы наши стали выходить за эти узко территориальные рамки. Позади двух-трехдневные походы по бездорожью. Попадали и под дождь. Теперь этот первый "поход" вспоминаешь с улыбкой: мол, небольшая прогулка. Но именно с этого похода началась та тяга, то стремление, что заставляет садиться на велосипед, накручивать многие километры, забираться "к черту на кулички". И чем безрассудней поход, тем интересней. Походы у нас не просто так посмотреть, а заранее продуманные, спланированные. Все фиксируется на бумагу, на фотопленку. Очень много в походах узнаешь по истории края. Эти знания дополняются из книг. Правда, путевые заметки первых походов обрывочны и очень поверхностны. Но с этого все начиналось. Во всех походах мы не расстаемся с картой. На ней фиксируются все деревни — и существующие, и особенно тщательно выпавшие. Карты тоже становятся точнее и совершеннее...

Женя Флеров. Из дневника похода 1985 года.

Этот поход мы планировали заранее. Планы появились еще задолго до лета. Дьяконово считается самым глухим углом Буйского района. Наверное, и его название "страна чудес" произошло не только от названия местности — Чудца, но и от отдаленности этого места. Мы даже не были уверены, что доберемся туда, т.к. там практически нет никаких дорог. Время для похода выбрали самое сухое...

Ехать нас отговаривали. Больше всех старалась бабуля, про папу она говорила: "Ну, мальчишкито ладно, по глупости едут, а этот хоть что?..."

Из походного дневника Жени Флерова. 8 августа 1986 г.

— Так что вы не можете сказать, что у вас у самого это с детства прививалось?

— Нет, у меня в детстве такого увлечения не было. Может, историк в школе такой попался. Да ведь тогда и слова такого — "краеведение" — в школе не было. Но отец у меня знал очень много, рассказывал. Помню бабушкины рассказы еще из жизни в XIX веке. Вообще, я любил и люблю слушать стариков.

— И в изучении истории Буйского района вы ведь начинали тоже с самого близкого и конкретного: с истории родного Контеева. Так вот чем оно интересно?

— Помню, увлекшись историей села, забравшись в архивы, я был поражен: здесь можно найти сведения даже о маленьких деревнях. А наше село — знатное. По Контееву я составил даже хронологическую таблицу, куда вошло около ста дат. Впервые оно упоминается почти шестьсот лет назад: московский князь Василий Дмитриевич, по прозвищу Темный, в 1425 году подарил его Железоборовскому монастырю вместе с некоторыми окрестными деревнями. А потом Контеево попадает в междоусобную войну между Московским княжеством и Галичским — здесь оно очень часто упоминается в документах. Многократно село подвергалось и нашествиям казанских татар. Вот, например, год 1429-й: татары от Костромы дошли до Железоборовского монастыря. А в Смутное время и поляки в Контееве побывали и разорили село в 1613 году...

А в более позднее время Контеево — крупное торговое село. Старожилы упорно считают, что и само название села происходит от слова "конь", потому как была, дескать, в селе крупная конская ярмарка и из Контеева эта ярмарка потом была переведена сначала в Макарьев, а затем в Нижний. Они показывают даже место, где находились прежде конные заводы. Очевидно, это легенда. Обычно названия селений давались по именам и прозвищам первых поселенцев. И "Контеево", видимо, образовано от имени Вантей (Иван). Кстати, в нашей местности есть и Вантино, и Иванищево, и Иваньково, и Ванево... А буква "в" в старые века частенько заменялась на "к" — так первоначальное Вантеево стало Контеевом.

В Контееве много двухэтажных каменных домов. Это прежде всего дома купеческие. А торговцев здесь было много: несколько семей Зыриных, Сытины. Беляковы, одним из самых богатых даже в уезде был Москвин — купец первой гильдии: его товарооборот достигал миллиона. У здешних купцов были свои пароходы, на которых они доставляли товары с Нижегородской ярмарки. А здесь, в Контееве, самой богатой была Успенская ярмарка. Съезжалась на нее вся округа. Все село накануне уже было забито повозками, строились временные торговые лавки, устанавливались брезентовые шатры. Вечером, после торговли, начиналось народное гулянье с качелями, каруселями и прочими развлечениями. Вторая ярмарка, зимняя, называлась еще рыбной. По всем улицам стояли возы с рыбой из Архангельска, Вологды, Астрахани...

Пришла я в Контеевскую начальную школу осенью 1909 года. В то время это была трехклассная школа: три учителя, старшим из них был тогда мелкий помещик Знаменский, а закон Божий вел местный священник... Ютилась школа в крохотной избенке, и потому, когда после 1911 года потребовалось открыть четвертый и пятый классы, пришлось на поклон к местным купцам Зыриным идти, в аренду у них два здания просить... Классы были переполненные, обычно по 50 и более человек в комнате ютилось, все разновозрастные — бывало, в одном классе сидели и восьми- и шестнадцатилетние. Парты плотничали четырехместные, высокие. Вот и приходилось низкорослым весь урок читать и писать стоя...

Благодарю судьбу, что посчастливилось мне учиться в классе, который вела Таусия Васильевна Бартенева. Это был человек передовых взглядов и прогрессивных по тому времени методов обучения, поистине учитель народный... Мне на всю жизнь запомнились ее увлекательные экскурсии по родному краю, удивительные путешествия на пароходах по реке Костроме до губернского города...

Из воспоминаний Прасковьи Филипповны Флеровой, матери Вячеслава Николаевича. ("Буйская правда", 2 сентября 1981 г.).

Кстати, в Контееве была одна из первых шести открытых в Костромской губернии в 1843 году сельских школ. До этого в уезде была лишь единственная школа — в Буге. А в 1845 году, в первом выпуске, Контеевскую школу закончил Дмитрий Сытин, отец знаменитого книгоиздателя. А сам Дмитрий Иванович Сытин был попечителем здешней школы и снабжал ее книгами, а открывшаяся в 1897 году при волостном правлении народная библиотека тоже, благодаря заботам Сытина, вскоре стала самой богатой в уезде.

— Мне еще в Буге, в музее, рассказывали, что в контеевской округе люди жили зажиточно...

— Да, и этому ведь есть объяснение, с точки зрения истории края. Здешняя округа — бывшая монастырщина. А после того, как Екатериной II земли у монастырей были отобраны, крестьяне стали государственными. То есть они не испытывали крепостничества, поэтому инициативы, предприимчивости, умения работать им было не занимать. Бедняков было мало. Мне еще бабушка рассказывала, что из четырех контеевских улиц только на одной, на Нижней улице, беднота жила, или бездельники, как говаривала бабушка. А вообще-то земли у крестьян было порядочно, и не то что полоски у каждого дома, а обрабатывали ее сообща. Стало быть, и возможности особой бездельничать не было.

— А, кроме того, здесь не только за счет земли своей жили...

— Да, находили заработки и на стороне. Контеево славилось плотниками-отходниками. Мужики на



зимнее время уходили обычно в Москву и в Питер на заработки. К весне возвращались, и еще лес сплавляли в плотках от верховий реки Костромы и до Волги, так что к посевной даже не успевали вернуться домой.

Славилась округа и переработкой молока. Почти в каждой деревне были сыроваренные или маслозаводы, даже не по одному. Кстати, последние такие заводики были нарушены в 60-х годах, а последний кирпичный завод — в 50-х. О качестве сыра и масла, производимого на местных кустарных заводах, остались лишь у старожилов воспоминания, а вот о качестве кирпича, который выпускался здесь тоже на многочисленных заводах, можно судить по церквям, по старинным домам: посмотрите — ведь ни единой трещинки нет...

По переписи 1870 года было в Контееве около восьмисот жителей, а сейчас — меньше трехсот.

— А в какие времена какие испытания больше всего здешнюю деревню сгубили? Как вы считаете?

— Конечно, в период раскулачивания и коллективизации Контееву, раз жизнь здесь была зажиточнее, досталось тоже больше, может быть, чем какой-то другой местности. Но и в более позднее время, когда города буквально все высасывали из деревни, а здесь давали на трудодень — а это ведь трудовой день! — по сто, в самые лучшие годы — по двести граммов зерна! А налоги на все: есть скотина, нет скота — подай. Помню, как приходил к нам налоговый инспектор, считал, сколько у нас в саду кустов посажено. При Хрущеве деревня, было, на короткое время возродилась, когда вместо трудовой стали с колхозниками рассчитывать деньги. Но потом снова перегиб — сселение неперспективных деревень. И фактически ведь маленькие деревни не переселены были на центральные, "перспективные" усадьбы, а разбежались...

— Больше всего в Буй народу переселилось?

— Это в лучшем случае, но больше разбежалось по всему Союзу. Контеевцы — не знаю, по какой причине, — больше всего подались на юг Украины и в Крым — там сейчас целые колонии бывших контеевских жителей.



Церковь села Контеева. 1996 г.

В каждом из нас живет память о близлежащей речушке с песчаными отмелями, о неторопливо жующих сочную траву лошадах, о резвом жеребенке с белой отметиной на лбу, об огромном необъятном небе с плывущими по нему облаками.

Вспоминаются ключи за околицей со студеной, ломающей зубы водой. Вспоминаются цветущие луга с россыпями спелой земляники. И все это щедро залито незабываемым солнечным светом детства. Радужным светом, который так часто слится и поныне...

Было время, когда на каждой речке стояли водяные мельницы. Крестьяне их ставили не только затем, чтобы зерно молоть, но и для поднятия грунтовых вод, а тем самым и для улучшения луговых трав. Была такая мельница и на Сендеге, у Контеева. Помню и старого мельника Зырина Николая Федоровича. Коренастый, плотный, с большой белой бородой, он и к старости не потерял твердую статью. Мы, мальчишки, часто целыми днями пропадали на мельнице. Нас там интересовало все: как бегит вода по лотку, как крутится водяное колесо, куда засыпают зерно, как крутят-ся жернова, как стекает в ящик мука.

Нас не часто пускали на мельницу, чаще мы сидели на высоком берегу у избушки мельника и наблюдали за подвезжающими подводами. Как сейчас вижу: выйдет из темного проема дверей старый мельник, скажет мужикам, приехавшим из окрестных деревень: "Ну, чья очередь?"

Начинают таскать мешки с зерном. А потом он зерно там, в чреве мельницы, среди грохота решет, засыплет, наладит все как надо и опять к мужикам.

Сидят, курят, пока хлеб мелется, разговаривают. Вода шумит на запруде. Тучей вьются комары. Махорочный дым синее над головами. И о чем бы речь ни шла — все к нему, к деду, тянутся. И отчего так влекло к нему людей? А оттого, что через руки этого старого человека шел весь хлеб, и уважение крестьян к хлебу произвольно переносилось на него...

В.Н.Флеров. Из очерка "Вспоминая детство". ("Буйская правда". 30 января 1996 г.)

— И вот эта общая судьба российской деревни и, в частности, родного вашего Контеева отразилась и на вашей судьбе?..

— Я уехал из деревни в 57-м году после школы. Тогда все стремились уехать из села. Правда, я-то как раз стремился остаться в деревне, но получить образование или агронома, или учителя. Но случилось, видимо, общее настроение, да и родители отсоветовали. В общем, стал я химиком, проработал 30 лет в институте преподавателем. Правда, всю жизнь мечтал сюда вернуться, раньше не удалось, приехал через столько лет, потому что меня пригласили сюда главой сельской администрации. А приглашение

последовало не случайно: здесь меня хорошо знали, ведь каждый год я приезжал сюда в отпуск на два месяца, приезжал частенько и зимой. Колесил долго. Но у меня к тому времени здесь, в отцовском и дедовом доме, обосновался сын. После окончания института он приехал сюда агрономом.

— Так получилось, что Женя вернул вас на родину. Очевидно, те ваши походы по родному краю, общее увлечение ваше краеведением повлияли?

— Я думаю, что как раз это и было причиной. Ему ведь прочили будущее в математике, МГУ. А у него после окончания школы было твердое намерение: ехать в деревню и не куда-нибудь, а именно в Контеево. Хотя в Горьком прекрасный сельхозинститут, он взял направление в здешнем колхозе в Караваяево, чтобы непременно вернуться сюда. Школьная учительница математики при встрече мне до сих пор пеняет: "Ну что, доездили в деревню? Сыну испортили судьбу?"

А я считаю, что сын поступил правильно. Хотя положение сейчас такое тяжелое в колхозе, что и Женины знания оказались здесь вроде бы не нужны: колхоз стал разваливаться, достаточно стало в хозяйстве одного агронома, и сыну пришлось уйти из колхоза. К сожалению, потому что по призванию он — агроном, без земли не представляется жизни. И хотя сейчас работает в милиции, хобби его осталось сельское хозяйство.

— Благо руки есть где приложить...

— Да, после выхода из колхоза он взял земли семь гектаров, есть у нас и трактор свой, домашнее хозяйство большое. Он ведь еще, живя здесь один, завел и корову. Когда через год сюда перебрался, они и вторую завели...

— А вам-то трудно было на этот шаг решиться? Ведь своего рода мужество требуется, чтобы вот так переориентировать жизнь...

— Я к этому готов был. Всю жизнь собирался, но не хватало толчка. А тут сын подтолкнул. Да и результаты своего труда там, в Нижнем, я перестал видеть: начался развал высшей школы. А здесь хоть могу приносить конкретную пользу: могу тому человеку помочь, этому — конкретно. А главное, живя в деревне, понимаешь: твоя жизнь здесь зависит только от тебя самого. Есть поговорка: как потопаешь, так и полопаешь. Так вот если не будешь жалеть себя, можно жить в деревне хорошо.

Здесь жизнь менее зависит от политики, поэтому в деревне меньше ею и интересуются, знают: если поработаешь — будешь жить. Да, в деревне труд тяжелый, и мы себя в кабалу загнали — я это прекрасно понимаю. Отработаешь на основной работе, и вторая смена — дома.

— Наверное, даже три смены получается: первая — до работы, вторая — в администрации, и третья — снова в своем хозяйстве...

— Да, здесь выходных дней не бывает. В институте я много работал, но все равно выходные были. А здесь — за стеной и хрюкают, и мычат, и пищат — всем еду подавай. Так что хочешь поспать в выходной — нет, вставай, корми. Хочется вечером порань-



Вячеслав Николаевич Флеров. Май 1996 г.

ше лечь — нет, сначала накорми, да дровишек запаши, да натопи... Но к этому привыкаешь. Когда мы решили сюда переезжать, мне все говорили: "Да ты не сойдешься с людьми, потому что уже к другой среде привык". Но я-то этого не боялся: часто приезжал сюда и знал интересы села не понаслышке. Так что особых трудностей не было.

Вообще, я считаю, решающую роль в возрождении деревни могут уже сыграть не местные люди: они настолько отчаялись, потеряли веру и инициативу. И винить деревню в этом не нужно: в течение многих десятилетий происходил отсев, наиболее инициативные, сильные, умные люди отсюда уезжали. И новое сегодняшней деревне может дать уже человек с иной психологией. Недаром ведь дворяне считали, что для обновления крови нужны иногда браки, выходящие за пределы своей среды; целые нации пользовались вливаниями свежей крови. И мне кажется, сейчас в деревню должны влиться свежие силы из города. Меня радует, что появляются здесь городские жители. Даже из Москвы несколько семей сюда поселилось, сначала робко, как дачники, а сейчас уже прописались, в колхоз вступили — прекрасные работники. Вот на них-то я и надеюсь.

И я уверен, что деревня возродится — без этого Россия не жить. Меня даже в районной администрации, когда приехал, спросили: "Неужели ты веришь в возрождение?" "На сто процентов верю. Не верил — я бы сюда не приехал.

— И все-таки на чем эта ваша вера основана?

— Ни на какой иностранной помощи и иностранных продуктах Россия не проживет. И поймут, наконец, это в верхах, повернутся к деревне. Даже при наших буйских, контеевских землях и чтобы мы кормились импортными продуктами! Это как насмешка над нашей жизнью. Даже я могу не только свою семью прокормить, но и еще многих. Я могу произвести продукции в несколько раз больше, но ее некуда девать. Две коровы — я не знаю, куда летом девать молоко. А ведь многие сейчас завели по две-три коровы.

— Возможно, нужно идти по пути тех кустарных маслозаводов, о которых вы вспоминали. Ведь дома-то вы уже сыр делаете...

— Я сторонник этого. Когда приехал сюда, меня спросили: "Расскажи свою программу". И я сказал: надо наладить переработку сельхозпродукции на месте. Конечно, это временный выход: себестоимость будет выше, чем на крупном предприятии. Но сегодняшняя ситуация не скоро изменится, а сидеть сложа руки нельзя. Кстати, в районе такие мини-заводы стали появляться и работают успешно. Но у нас, к сожалению, приходится повторяться, не хватает людей инициативных. Я бы рад и сам с администрацией этим заняться, но мы, работники администрации, не имеем права заниматься коммерческой деятельностью...

Если говорить о колхозе, то меня пугает больше даже не то, что техника выходит из строя... Для молодежи нет работы, и ни одного человека из выпускников здешней средней школы в течение последних лет в деревне не осталось. Вот как потом эту брешь будем залатывать — не знаю.

— Вячеслав Николаевич, тем не менее вы не паникуете, как-то даже по-крестьянски спокойно и философски взирая на происходящее. Очевидно, то, что вы в своем доме, на родной своей земле, да и род ваш, который вы изучили с начала прошлого века, который стоит за вами, — все это придает уверенности...

— У меня в роду по линии матери все были в прошлом крестьянами, по отцовской линии — тоже с землей были связаны: ну, что сельский священник — он же тоже вместе с крестьянами работал, хоть на пашне, хоть на сенокосе. И я не отчаиваюсь. Тем более из истории знаю, что были и прежде тяжелые времена, но ведь крестьяне-то выживали, и с сельского хозяйства начиналось возрождение России. Да возьмите, пожалуйста, и современный пример — Китай.

— А вот вы обмолвились как-то, что, когда ехали в деревню, мечтали здесь свои краеведческие изыскания продолжить, мечтали писать. Получается?

— Не совсем: мечты о том, что в деревне будет больше свободного времени, оказались иллюзорными. Однако краеведением занимаюсь: обрабатываю старые материалы, собираю новые. Понемногу и пишу. Написал пока довольно кратко историю села Контеева, историю здешней школы, историю церквей... Понемногу начинаю оформлять. А когда закончу? Да, наверное, никогда: конца здесь не может быть. Хотелось бы не в сыром виде оставлять, а оформить, написать, чтобы передать людям...

Я не держу у себя. Родословную составил — разослал тем родственникам, которые этим интересуются. Я уже сейчас просто не в состоянии уследить за всем родом, вот и следите каждый за своей веточкой. Жизнь продолжается. По рассказам прапрадед мой собирал родословное древо и в него объединил всех Флеровых России. Но, к сожалению, это древо не сохранилось, и мне при-

шлось начинать заново. И сейчас есть много Флеровых, которых я знаю и которых я не могу в это древо объединить...

Сколько я помню, к отцу постоянно, в любое время суток, шли люди за советом. И дома он никогда не сидел сложа руки, всегда находил какое-нибудь занятие. Особенно он увлекался садом. Первые яблони отец посадил еще перед войной. Но все мечтал вырастить настоящий сад, небывалый для нашей местности. Мечту свою начал осуществлять в пятидесятых годах. Он объездил многие питомники, связался с десятками садоводов. И какой сад зацвел через несколько лет! Яблони, груши, вишни, сливы... Это в нашей-то Костромской области! Он даже пытался вырастить виноград. Занимался селекцией... Своей увлеченностью заразил жителей села. И в том, что сейчас у многих домов растут яблони и ягодники, большая заслуга отца.

А потом случилось непоправимое: лютая зима 1978-79 г. обожгла плодовые деревья. Но отец не хотел верить в гибель сада. Весной он перещупал, наверное, каждую веточку и, чуть не плача, сокрушенно качал головой: "Померзли, все как одна померзли..." С нетерпением ждал тепла, надеясь на чудо воскрешения. Увы, чудес не бывает. Прошла весна, наступило лето, а большинство плодовых деревьев стояло черными. "Заново сажать буду, — решил отец. — Хотя чувствую: урожая мне уже не дождаться, плох стал. Ну, ничего. Другие дождутся, добром помянут..." Но шел уже последний год его жизни...

В.Н.Флеров. "Слово об отце". ("Буйская правда", 10 марта 1982 г.)

— Я знаю, что вас уже часто и в школы приглашают рассказывать об истории края, о своей родословной. В газете вы часто печтаетесь, есть у вас поклонники, которые пишут в редакцию: "Почаще хотелось бы видеть на страницах "Буйской правды" статьи В.Флерова"...

— Да-да. И я рад, что такие люди находятся, что есть кому передать. Потому с удовольствием и в школы буйские хожу, выступал и перед учителями.

К сожалению, в Контееве-то мало еще интересуются. Но вот открываем молодежный центр и там надеемся открыть краеведческий уголок. Возможно, через центр удастся найти последователей и здесь. Тогда ведь люди не побегут из родного гнезда, от родной земли, как бы им порой и трудно ни было...

В гостях побывали:
Владимир СМОРЧКОВ
и Георгий БЕЛЯКОВ (снимки)



Имя в русской истории

САМОЗВАНЕЦ НА РОССИЙСКОМ ТРОНЕ

Гришка Отрепьев — знакомое каждому с детства, со школьных уроков истории имя. Сын галичского боярина Богдана Непидова — Юрий, в иночестве — Григорий, выдававший себя за царевича Дмитрия и хоть совсем немного — меньше года — занимавший русский престол...

Его прапрадед пришел на царский смотр в рваной одежде, и за это был прозван Отрепьевым, и это прозвище совсем было вытеснило настоящую фамилию. Только в

середине XVIII века потомки его с разрешения правительства вернули настоящую фамилию рода — Непидовы. А фамилия Отрепьев звучала лишь с церковных амвонов, когда предавали анафеме богоотступника Гришку, да осталась она в книгах и учебниках по русской истории. Впрочем, у историков насчет личности самозванца Лжедмитрия I имеются различные точки зрения...

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОФИЦИАЛЬНОГО ЛЕТОПИСЦА

"...В пределах убо Московских есть град, рекомый Галич. В нем же живяху в ыменях своих множество воинств. В тех же Галиченех сын боярский рекомый Замятня Отрепьев. У него же быша два сына: Смирной да Богдан. У тово же Богдана родися сын Юшка. И как бысть в возрасте, и даше ево к Москве на учение грамоте. Грамота же ему дася не от Бога, но диаволу сосуд учинися и бысть зело грамоте горазд и во младости пострижеса на Москве, не вем где, и прииде в Суздаль в Спасьской Еуфимеев монастырь. Архимарит же Левнея, ево видя юна суца, и даде его под начал духовному старцу. Он же жил в том монастыре год, ис тово ж монастыря уйде и прииде в монастырь в Спаской на Кукьсу и жил ту дванадесать недель. И слышаше о деде своем о За-

мятне, что пострижен в Чюдове монастыре, и прииде в Чюдов монастырь, и в Чюдове монастыре живущу ему, и поставлен бысть во дьяконы. Патриарх же Иев, слышав про него, что изучен бысть грамоте, и взят его к себе х книжному писму. Он же живяше у патриарха и начать сотворяти каноны святым. Ростовский ж митрополит Иона виде его у патриарха и возвести патриарху, яко сий чернец диаволу сосуд будет. Патриарх же не поверя ему. Той же окаянный живяше и в Чюдове монастыре и многих людей вопрошаше о убиении царевича Дмитрея и проведаше накрепко. От многих же Чюдовских старцев слышав, яко в смехотворие глаголаше старцом, яко "царь буду на Москве". Они же ему плеваху и на смех претворяху. Той же прежереченный митропо-

лит Ростовский возвести самому царю Борису, яко сий чернец самому сатане сосуд есть. Царь же Борис, слышав такое слово, повеле дияку Смирному Васильеву послати ево на Соловки под крепкое начало. Той же Смирной сказа дияку Семейке Еуфимьеву. Той же Семейка тому Гришке свой; и моли Смирного, чтоб его не вскоре сослать, а хотя о нем промышляти. Диявол же его укрываше положи сему Смирному в забвение, и царской приказ позабы. Он же

Гришка, уведав то, побеже с Москвы и прибеже в Галич монастырь к Якову на Железной Борок и тут поживе немного и сойде в Муром в Борисоглебской монастырь, а из Борисоглебского монастыря строитель даде ему лошади и отпусти его..."

(Из "Нового летописца" — официальной летописи, созданной в 20-е годы XVII века в окружении патриарха Филарета (отца царя Михаила Федоровича Романова). Полное собрание русских летописей. Спб., 1910. Том XIV).

Еще одна точка зрения

Сергей УТКИН

ТАЙНА ИНОКА ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

В полдень 15 мая 1591 года на княжеском дворе г.Углича трагически погиб младший сын Ивана Грозного царевич Дмитрий — обладатель реального права на наследование русского престола. Но пока в Москве правил законный царь Федор Иванович (старший брат Дмитрия), пересуды об угличском происшествии потихоньку смолкли. Лишь со смертью царя Федора (6 января 1598 г.), не оставившего после себя наследников, имя погибшего царевича вновь ожило в народной молве.

Среди множества слухов были и такие, будто младший сын Грозного царя чудом остался жив и в настоящее время он, якобы, находится в надежном месте, ждет своего часа, когда сможет открыто заявить о своих притязаниях на корону. Особенно широко заговорили о нем в первые годы начавшегося XVII века, когда царем был Б.Ф.Годунов. Тогда, в 1602-1603 гг., "сын" Грозного объявился в Польше. Именно там, в кругах придворной королевской знати, он впервые официально "признался" в своем "царском" происхождении. По распоряжению Б.Годунова в отношении самозванца было произведено расследование, по итогам которого власти заявили, что под личиной царевича Дмитрия скрывался московский беглец, бывший инок Чудова монастыря — Григорий Отрепьев.

Пройдет совсем немного времени, и таинственный "сын" царя Ивана Васильевича воцарится на Московском престоле. Но у власти он не продержится и года. 17 мая 1606 года в результате заговора бояр в столице вспыхнет антипольское восстание, во время которого царь "Дмитрий" будет убит и вторично объявлен (как и при Годунове) вором-обманщиком, монахом-расстригой Гришкой Отрепьевым.

Хоть затем и появится целая вереница самозванных царевичей, но ни одному из них не суждено будет сыграть ту роль, что выпала на долю первого царя Дмитрия. Еще при жизни загадочного государя современники проявляли неподдельный интерес к его личности. И, как свидетельствуют показания источников (мемуары очевидцев, летописи, историчес-

кие повести и сказания, актовые материалы и др.), уже тогда не было единого мнения по вопросу о том, кто укрывался под царским именем.

И в историографии утвердилось несколько точек зрения ученых о происхождении самозванца. Наиболее известны из них следующие. 1. Официальная точка зрения. По ней, под личиной младшего сына Ивана Грозного скрывался беглый инок кремлевского Чудова монастыря, бывший галичский дворянин Юрий Богданович Отрепьев (в монашестве Григорий). 2. За сына Грозного выдавал себя иностранец. 3. На Московском престоле в 1605-1606 г.г. царствовал истинный сын царя Ивана Васильевича IV — Дмитрий. Есть и другие версии.

Наиболее распространенной в литературе является первая версия, ибо она исходит от большинства документов официального происхождения (летописей, создававшихся в кругах близких ко дворам царей В.И.Шуйского и М.Ф.Романова; официальных государственных актовых документов, начиная с Бориса Годунова). Две последующие версии в литературе встречаются, но реже.

В 1990 году вышла в свет книга московского историка П.П.Васильева "Тайны русской истории конца XVI — начала XVII в.", которая посвящена обоснованию версии о царствовании в начале XVII в. на Российском престоле сына Ивана Грозного — Дмитрия. Несмотря на то, что этой работе недостает систематического анализа и строгой критики исторических источников, некоторые факты истории, привлекаемые исследователем из ряда документов, на наш взгляд, не лишены достоверности.

Изложим здесь лишь схему спасения царевича, предложенную историком. По мнению П.П.Васильева, 15 мая 1591 года в г. Угличе была предпринята людьми Б.Годунова попытка убить наследника Русского престола младшего сына Ивана Грозного царевича Дмитрия. Но вместо царевича был убит другой, "подмененный" мальчик. Подлог осуществили люди из окружения матери царевича Марии Нагой и ее родственников, когда им стало известно о за-

мысле Б.Годунова уничтожить основного претендента на престол.

Дмитрий был тайно вывезен из угличского дворца и увезен на северо-восток в монастыри, которые возглавлялись монахами, верными Нагим и их сторонникам.

Маршрут царевича пролегал через г.Ярославль на Вологду, в монастырь Павла Обнорского, далее по воде — по рекам Сухоне и Двине — до Сийского монастыря. Здесь в заточении находился Петр Нагой, двоюродный брат царицы Марии Нагой, старец Феодосий, которому можно было доверить надзор, охрану и воспитание царевича. В северных монастырях сын Грозного вынужден был скрываться в монашеской одежде, под именем инока Леонида.

В скитальческой жизни царевича, до ухода его за границу, выделяются следующие периоды: с 1591 по 1593 год — жительство главным образом в Сийском монастыре на Северной Двине под присмотром Афанасия Нагого (дядя Марии Нагой) и его сына Петра, инока Феодосия и других монахов; пребывание в Кирилло-Белозерском монастыре с 1594 по 1597 год (здесь Дмитрий находился под охраной бывшего дьяка Андрея Щелкалова, заточенного в монастырь по приказу Б.Годунова); с 1597 по 1599 год царевич находился в Тихвинском, Крыпецком (Псковском) и Железоборовском (костромском) монастырях.

Одним из последних мест монастырского жительства царевича Дмитрия (инока Леонида) была Железоборовская обитель. О пребывании его в этом монастыре говорят многие сказания и летописи, а также свидетельства современники-иностранцы.

В этом районе находились многочисленные вотчины бояр Романовых — дальних родственников Марии Нагой (жена боярина Ф.Н.Романова, будущего патриарха Филарета, К.И.Шестова приходилась опальной царице троюродной сестрой). По утверждению П.П.Васильева, Романовы также принимали участие в деле спасения царевича. А когда крамола Романовых раскрылась, последние успевают направить в Железоборовский монастырь своего посланца Юрия Отрепьева с заданием переправить царевича (инока Леонида) в более безопасное место. Из костромских пределов они уходят на юго-запад

России, а затем и за ее пределы — в Польшу. Там иннок Леонид и открыл свое царское происхождение (подобная попытка предпринималась им и в России).

Таков взгляд П.П.Васильева на события, связанные, как он считает, с именем младшего сына Ивана Грозного царевича Дмитрия.

Несомненным достоинством этой концепции является попытка П.П.Васильева на основе нетрадиционного прочтения существующих источников во всех подробностях восстановить возможные пути спасения царевича Дмитрия и его последующее воцарение на русском престоле. Правда, имеющиеся в нашем распоряжении документальные материалы не

позволяют сделать однозначного заключения по такому вопросу, как конкретный маршрут, которым спасшийся царевич попал в северные монастыри, а также наличие во всех перечисленных обителях сторонников партии Нагих в качестве главных должностных лиц и роль Романовых в этой истории. Но надо отметить очень интересный, на наш взгляд, факт: в "Сказании о царствовании царя Федора Иоанновича" и в некоторых других источниках среди бежавших из Железоборовского монастыря с Григорием Отрепьевым монахов упоминается некий иннок Крыпецкого монастыря — "чернец Леонид". В Макарьевском монастыре на р.Унже еще в XIX в. хранился синодик, бывший в употреблении до 1635 года. Поминания в синодике располагаются в следующем порядке: сначала следует предисловие, затем род русских царей и цариц (причем, имя царевича Дмитрия не упоминается), далее идет поминание высших духовных особ. Заканчивается перечень именем инока Леонида, которое вписано наиболее отчетливо и крупно. Далее следует поминание боярского рода Романовых и других крупных боярских и дворянских родов. Непонятно, почему имя простого инока было помещено среди людей, обладающих высшим духовным саном и принадлежащих к крупнейшему боярскому роду России. На этот факт обратил внимание во второй половине прошлого века крупнейший знаток Русской Смуты академик К.Н.Бестужев-Рюмин. В целом же загадка инока Железоборовского монастыря все еще ждет своего разрешения.



Лжедмитрий I.

Гравюра польского художника Л.Килиана. 1606 г.

На единственном уцелевшем изображении Григория Отрепьева, выполненном русским художником, лик самозванца скрыт от потомков (миниатюра с подчистками).



ОТ МОЛВИТИНА ДО БУЯ

Из записной книжки краеведа

В 1928 году (а запись на полях последней страницы рукописи позволяет уточнить: с 6 по 20 июня) председатель Костромского научного общества и директор Костромского музея В.И.Смирнов совершил экспедицию, о которой идет речь в этих заметках.

Рукопись, хранящаяся в Государственном архиве Костромской области (Р-550. Оп. 1. Д. 13), черновая, с существенной правкой и обширными вставками на полях. Она публикуется впервые.

В журнале открытого расширенного заседания Ленинградской части президиума ЦБК от 22 декабря 1928 года, где был заслушан доклад председателя КНО, в частности, записано: "В.И. Смирнов подробно остановился на своей собственной экспедиции

туристического характера во время каникулярного отдыха по Буйскому уезду", а в постановлении отмечены "исключительный интерес исследовательских методов работы этнологической станции КНО, а также ценность добытых ею материалов". Здесь настаивалось и на необходимости "увеличения средств станции и ее штата" (ГАКО. Р-550. Оп. 1. Д. 99. Л. 2а-2а об.) А между тем совсем скоро начался разгром и этнологической станции, и Костромского научного общества в целом. Вероятно, поэтому и не успел Василий Иванович закончить работу над своими заметками о буйской экспедиции и тем более их опубликовать.



Портрет В.И.Смирнова.
Художник-силуэтист Н.Григорьев.

Владимир СМОРЧКОВ

В районе Молвитина и далее к северу до Буй мне нужно было ознакомиться с крестьянской стройкой и получить сведения о здесьнем плотницком промысле. Попутно с этой работой в моей записной книжке накопилось порядочно разных заметок о том, что встречалось на пути, около чего краевед не пройдет безучастно, хотя бы и шел он с определенной поставленной целью. Об этих мес-

тах, о встречах и впечатлениях я и хочу здесь поделиться с читателями.

В селениях — будет ли то город, деревня или село — самое привлекательное для меня — само население и архитектура. Последняя раньше бросается в глаза.

Село Молвитино, куда я попал летом 1928 года, почти город с населением более тысячи человек.

Село расположено в несколько улиц на высоком холме, господствующем над долиной поймы рек Волочницы и Шачи.

Очень много каменных и полуквадных больших зданий и двухэтажных деревянных под железными крышами. На всех этих сооружениях лежит печать недавнего разбогатевших их владельцев — крестьян, побывавших на заработках в Москве. При домах по-

шиба окраин больших городов сохранились хлевы, клетушки, амбарушки, так как население не расстается с земледелием и скотоводством. Прочно, хозяйственно построенные дома уродливой архитектуры выкрашены краской. На крышах дачного типа балкончики сплошь покрыты пиленой кружевной резьбой. За село вынесены амбары и верховые с печами овины.

Бросается в глаза: в Молвитине и в ближайших деревнях много заколоченных домов — это значит, что владельцы вместе с семьями в отходе — делают шапки в Москве, в Ленинграде или в другом месте. Рядом видишь большие двухэтажные дома, которые зияют побитыми стеклами, выломанными рамами, то беспризорные дома бывших буржуев. За селом я видел новое каменное здание бывшей богадельни, пустующее, с начисто выбитыми стеклами. Можно заключить, что в Молвитине нет квартирного кризиса.

Среди села остатки памятника Александру II в виде гранитного пьедестала, который был поставлен благодарными жителями Молвитина, как и теперь еще свидетельствует на нем надпись. Самый бюст смела могучая рука революции, здесь служили первый благодарственный молебен по случаю революции, здесь теперь устраиваются первомайские и другие митинги, и тогда на пьедестал ставится на время гипсовый бюст Ильича. Сюда сходится по вечерам молодежь грызть подсолнухи.

Когда-то в Молвитине писал свою известную картину "Грачи прилетели" Саврасов. Той кладбищенской колоколенки теперь нет, березы уже вырублены, но грачи устроили новые шумные колонии во многих садах Молвитина. Такой же архитектуры высокая шатровая колокольня у здешнего собора, насчитывающего триста с лишком лет...

Часть Молвитина замощена булыжником, в остальных улицах и закоулках — тогда была дождливая погода — липкая непролазная грязь. Разбитые тяжелые

дороги и глинистая грязь обьяснили мне смысл здешней телеги-коряжки.

Очень трудно в два-три дня, которыми я располагал, присмотреться к здешнему обывателю, нащупать пульс здешней жизни и понять интересы жителей.

Я забежал в ВИК, где можно было видеть в прокуренных комнатах с продавленным диваном и стульями, с старыми плакатами на стенах, с стенгазетой обычную повседневную напряженную работу и где мне охотно дали нужные справки. Зашел в одну из чайных, мимо которых краеведу проходить, не заглянув, не следует. На дверях прочел объявление, что завтра будет гастроль известного атлета Бориссо, который исполнит "живой мост и живой скелет, конкурс красоты телодвижения и игры мускулов" и т.д. Больше я не видел в Молвитине ни одной афиши, ни одного свежего плаката.

В Молвитине любят чай. В чайную три раза в день ходят пить чай, захватывая с собой из дома хлеб и другую снедь. Давно уже чайная стала центром общественной жизни, как у древних таким местом была баня. Здесь можно узнать все важные новости и слышать обсуждение самых разнообразных вопросов. В Молвитине говорят чрезвычайно много,

как-то безудержно, не слушая собеседника и не давая ему открыть рот. В это время животрепещущей темой был вопрос о самообложении, по-видимому, не очень нравившемся некоторым из молвитинцев. Некооперированный шапошник жаловался на недостаток материала. Ему пришлось, распоров старую жакетку, сделать из нее три фуражки, которые он и принес с собой в чайную продавать. Заглянул я также в одну из школ, чтобы потолковать насчет организации здесь краеведческого кружка. По усталому, рассеянному виду педагога я заключил, что попал не по адресу. Не удалось мне застать секретаря местной партячейки. Побывал кое у кого из обывателей.

За чаем с пирогами меня познакомили с историей Молвитина, когда-то принадлежавшего барону Фон-Кистеру. Последним земля, застроенная селом, и площадь были проданы в начале восьмидесятых годов прошлого столетия одному купцу, взимавшему до революции обильную поземельную дань с молвитинцев. В 1883 г. был здесь открыт винокурный завод, просуществовавший лет 10. Шапошное производство, которым жило и живет Молвитино, появилось здесь неизвестно когда и откуда. Называли, между прочим, Каргополь, из



Молвитино. В шапочной мастерской Чихачева. Фото начала века.

которого занесено шапошничество. Молвитино — самый крупный центр шапошного производства. В настоящее время шапошно-картузный промысел насчитывает в молвитинском районе свыше 1500 человек. Теперь шапошничество начинает оттягиваться в центры сбыта, а шапошник на определенные сезоны уезжает в Москву и Ленинград. Рассказывали о недавнем прошлом, когда крупные капиталы наживались несколькими фамилиями, державшими в своих руках рынок и в зависимости — шапошников. Попытки создать крупное шапошное дело на кооперативных началах в Молвитине, к сожалению, долго не удавались: в 1920 г. сгорела государственная пошивная фабрика, на которой работало до 100 человек, шивших еще со времени германской войны не только шапки, но и гимнастерки, белье и т.д.

* * *

Хожу по окрестным деревням, раскиданным на противоположных сторонах долины. В Евлеве и Степурино я видел, как делаются деревянные игрушки — коньки с тележкой, которыми завален был раньше рынок Кострома, Буй, Судиславля. Когда-то здесь этот промысел был очень широко распространен. Теперь он умирает. Евлевский конек вытесняет нижегородская (семеновская) игрушка. "В нашей игрушке никаких правил нет, не то, что в нижегородской. Мы не ученые. Работа топорная". Действительно, основной конек почти целиком делается топором и ножом. Молотки, скобель, шильце и желобчатое долото дополняют несложный инструментарий игрушечника. Красят мелом на клею. По белому фону сажей ставятся черные яблочки, кроном пятнают желтые и суриком красные. Для кружков на колесиках и яблочек есть особое приспособление вроде деревянного циркуля — "воробинка" и для раскраски — кисточка из щетины, вставленной в куричью "зорьку", т.е. конец перышка, надетого на палочку. Промысел идет из старины, и стилизованный конек делается по старой

традиции. Попытки учесть, сколько сработает и выработает кустарь, безнадёжны. Из боязни налога вам скажут: "Раньше был расходишка игрушке, а теперь ремесло падает", игрушка идет тупо, в магазины не берут — сера работа и цена дешевая (7 руб. за 100 штук).

В д. Степурино игрушка делается иначе. Старик Павел Захарович Брусенин, маляр по профессии, "по зимам от безделья стал работать коней", а теперь только и занят этим. "Я на што посмотрю, все сумею сделать. Делал и куклы, и пряжи. Впервые сделал коня, присмотревшись к привезенной от Троицы игрушке". Здешние кони и коляски других форм, красятся масляной краской, распятываются также разнообразных цветов яблоками. и расписываются зубчиками. Трехрогая молвитинская пряжа широко распространяется отсюда во все стороны (я встречал ее и на р. Костроме, и в Галичском уезде около Игодова), делается к сезону — к Филипповкам — и красится чаще всего красной краской. И в Евлеве, и в Степурино кустари мне сделали полный набор игрушек и их частей в процессе производства — для музея.

Мне сказали, что у д. Бараново есть курганы. Оказалось, что по круче горы и ниже на самой подбережице, как здесь называют нижнюю террасу у реки, весенние и подземные воды сделали полушарые оползни.

Есть такой довольно крупный по числу занятых в нем лиц кустарный промысел, который, думается мне, никогда не будет механизирован, — это плетение лаптей. Весь инструментарий лапотника состоит из кодочика и ножа. Нужна еще колодка (называют ее "деревом"), на правую и на левую ногу одна и та же.

Чтобы правильно описать какой-нибудь промысел, необходимо самому выучиться этому производству, так как во всяком деле, даже в плетении лаптей, есть своя суть дела, которую сразу не схватишь. С плетением лаптей я ознакомился у одного старика в д. Грибово. Сырье в виде трубок

липовой коры покупают на Буйском базаре. Мера счета — "ноша" и "полуношка" (около полутора десятков). Довольно длительная процедура подготовки материала. Первое — надо "навертеть" трубки (лыко). Вертят их в дыму, в печи распаривают. Затем мочат лыко — в прудовой воде или в квашоной — последняя предпочитается (съедает лучше). Далее — чинят лыко, нарезают из трубок липовой коры ленты в 1 см шириной — "ремешки" и, наконец, скоблят, выравнивают и мнут. Первая процедура делается ножом, вторая — тупой стороной того же ножа. Закладывают лапоть с пяты (на правую ногу с правой руки) в лык да 3 лыки потом вплетают в "рожу". Через оборник перегибаются заготовленные лычки пополам и потом переплетаются между собою. Вторая стадия плетения начинается после того, как весь лапоть сплетется в один ряд. В него вставляется колодка, и начинается "ковыряжье шен" — переплетание лыком при помощи кодочика второй раз. Сплетенный лапоть подрезается (подравнивают выставившиеся кончики лык) и опаливается на жару. Одним словом, лапоть может быть сделан чисто и аккуратно. "Уседом сидеть, так три пары сплетишь, проворный пять пар за день плетет". Из готового материала один лапоть плетется 1 1/2 часа.

Дедушка Василий бранит свое ремесло: "Работа непользительная. Петр плел, и тот проклял. Кто говорит, это ремесло делает, тот не сыт, не голоден".

В доме гнетущая нужда, на всем печать бедности. Сам он в домотканине ("за 9 лет одну рубашку купил"), в рваном хорошенькие двое внучат, большая жена, два года не слезавшая с кровати. Даже часы давно остановлены тараканами.

Он был очень доволен, когда я закупил у него для музея кодочик, "деревом", чиненую и ношеную лутошку и лапти в разных стадиях производства. В деревнях очень интересуются — кто и зачем ты ходишь, сколько за это платят жалованья?

Некоторую часть пути потом я сделал с другими краеведами — с П.А.Царевым (1), который в это время отдыхал и готов был идти куда угодно, и с Л.С.Китицыной (2), изучавшей горшечное дело в Молвитине, в Жданове, а потом в Петровском. Мы просто рекомендуем краеведами: надо вводить среди широких масс в употребление это понятие. Нужно сказать, что идея краеведения очень легко понимается в деревне. Здесь быстро какими-то неведомыми путями узнают о каждом новом человеке всю подноготную. "Вон идут краеведы!" — говорили, встречая нас в деревнях и на дорогах, крестьяне. Отношение к нам было неизменно приветливое.

Недалеко от деревни Григорова, на лесной дорожке, нам кто-то крикнул из кустов: "Обойдите сторонкой!" На дороге в колеях была положена солома.

Из кустов вышел человек с ведром в руке, высокий красивый мужчина лет сорока, без фуражки, в белой рубашке без пояса, босой, в засученных высоко брюках. Черная ведром, он переносил на дорогу муравейник со всем содержимым.

Это оказался известный здесь в округе всем от мала до велика Полиевкт Иваныч, страстный любитель птиц. Для них он этим оригинальным манером собирал муравьиные яйца. Первый раз я видел, как добывается этот экспортный товар. Всыпанные на дорогу муравьи спешат спасти яйца, которые быстро перетаскивают в колеи под соломой. Собранные отсюда яйца на противне замариваются в печи, потом подсушиваются на солнце. Сразу же мы узнали от Полиевкта Иваныча целый ряд естественно-исторических сведений по этой части. Оказывается, в году бывают два раза муравьиные яйца — первые притом бывают крупнее, вторые мельче. Муравей земляной больше кусает, нежели тот, который обитает в муравейных кучах. И т.д. Тут же он показал нам сорочье гнездо с детками. Все живое в лесу и на лугу было у него на учете.

Мы условились с П.И., что переночуем у него — мне очень хотелось посмотреть его побли-



Усадьба Бочатино. Снимок В.И.Смирнова. 1920-е годы.

же. И я не пожалел, что остановился у него. Дом и двор у него полон животных: гуси, утки, голуби, куры, щеглы, зяблики, клесты, семейство кошки и крохотные утята бегают вместе на полу. Со всеми он разговаривает, все его понимают. К окну подошла чья-то нищенствующая собака, П.И. бросил ей кусок хлеба. Удивляешься, сколько жизни и радости дает этот один человек кругом себя. Не раз он воспитывал зайцев, лисят и т.д. У него жили соловьи, скворец с белыми пятнами, грач с белым пером. Между прочим, ему каким-то образом удалось сделать ручными тетеревов, долгое время живших у него в комнате, — задача, до сих пор никем еще не решенная.

На столе у П.И. газеты, издание "Новой деревни". Он интересуется очень многими вопросами, спокойно и остроумно обсуждая их. П.И. — одинокий бобыль. Он волостной статистик, рассылный, письмоносец и сторож при школе. Его рассказы о птицах, о ловле рыб чрезвычайно интересны. Например, от него я узнал, что самые заботливые, по его наблюдениям, о своих детях птицы — это гуси. Клестов ловят таким манером: наваливают снежную кучу примерно в аршин высоты в еловом лесу, ставят дощечку с петлями из конского волоса, много припорошивают снежком.

Затем кучу обливают квасной гущей с солью. Клесты зимой двигаются громадными стаями по тем местам, где урожай шишек.

Никто другой, думаю, не может отсюда послужить так делу фенологии, как он: надо связать его с "Мироведением"(3).

Верстах в полутора от Григорова лежит усадьба Бочатино, принадлежавшая раньше Борщовым, а потом Кашпировым. На редкость красивое местечко выбрали для усадьбы. Река Шача огибает часть холма, на котором расположена усадьба с старым запущенным парком, заросшим молодняком и частью вырубленным, и искаленным. С другой стороны — живописные берега речки Станковки. С холма открывается далекий горизонт с массой деревушек.

Здание усадьбы имеет ту же архитектуру, как и здание окружного суда в Костроме, по-видимому, устроенные одним и тем же архитектором по заказу Борщова, которому принадлежало когда-то и здание суда. Фасад с колоннами и очень красивой железной решеткой балкона обращен к долине Шачи. Усадьба интересна и с противоположной стороны, со стороны красного двора...

На красном дворе ряд каменных служб, построенных в ампири-стеле, кухня, в которой теперь стоит корова хуторянина, и

людская, в которой живет семья последнего.

Я не люблю смотреть на разрушающиеся здания, и вид этого хорошего образчика русского ампира с разрушающейся крышей, отваливающейся штукатуркой, с выбитыми окошками, выдранными скобами дверей и шпингалетами окон был прямо удручающий. В дверях вырваны все замки, в красивых печах выломаны металлические выюшки. В гостиной второго этажа — разбитый ампириного стиля большой орган палисандрового дерева, валяются его большие валы, сломанный диван, части разбитой хрустальной лампы. Всюду в комнатах хлам, обломки, всевозможный мусор... Парк вырубают.

Изящная орнаментальная живопись, покрывающая стены и потолки, в каждой комнате различная. В гостиной розовый по штукатурке фон стен расписан у дверей лозами винограда. По бледно-голубому фризу золотистой краской выполнены тонкие классические виньетки. В следующей комнате (малое зало) коричневатого тона фрески представляют сцены амуров. В одной комнате сохранилась кафельная печь. Осталось изящное обрамление ка-

мина с росписью. Оригинальны маленькие зеленые голландские печи. Особенно очаровательна живопись в одной из 36 комнат дома — во втором этаже. Здесь нежными красками в виньетках фризов вписаны медальоны с музами. Вероятно, эта комната служила библиотекой. Я очень пожалел, что не было фотографии, которую обещался взять мой спутник, который ради особого шика бродил по деревням с пустым футляром, служившим складом папирос и записных книжек. Пришлось заняться зарисовкой.

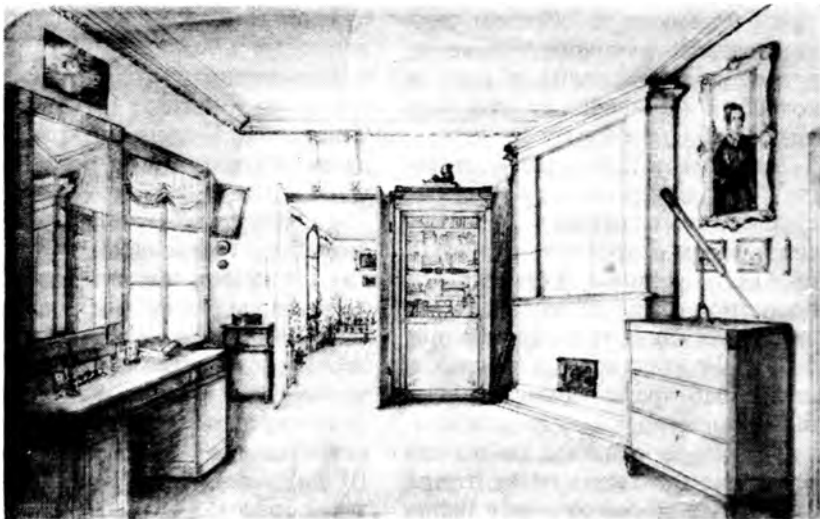
Кашпировы, последние хозяева усадьбы, как передают, высланные в 1925 г., оставили здесь довольно много имущества, которое продавали с торгов, тащили, особенно гуляющая здесь молодежь окрестных деревень. На курево и ради озорства расхищена была большая библиотека. В хламе на полу мы нашли несколько книжек: томик *De imitation Christ...* слово недописано, парижское издание 1744 г., *Almanach des muses de la republique frangaise* (1801), *Le miroir ou contes Morau...* (4) берлинское издание с прелестными раскрашенными иллюстрациями.

В третьем этаже на полу валялся интересный портрет дамы масляной краской, судя по прическе и костюму начала XIX ст. На чердаке мы нашли осколок мастиковой вазы с головкой сатира и бронзовую ампириную люстру. От хуторянина я узнал, что недавно отсюда были вывезены еще два портрета одним костромичом. Позднее мне удалось их добыть для музея — это отличной сохранности портрет неизвестной старушки в ковровом платке и портрет молодой дамы.

* * *

Из Григоровы мы ходили еще через с. Ильинское на Шаче посмотреть на "Чертов камень". Нужно отметить живописность местности этого села. Кстати, в церкви здесь есть две отличные картины ("Мадонна" и муч. Варвара) из Бочатина, вероятно, того же мастера, который писал муз.

"Чертов камень" приблизительно в километре от села в густом березовом лесу. Такой значительной толщи выход песчаника в здешних местах необычен. Обнажение имеет 6 метров высоты, и сколько еще скрыто ниже под осыпью, заросшей травой и кустарниками. На камне вырос тол-



Интерьер. Бумага, граф. карандаш. Рисунок неизвестного художника. Середина — вторая половина XIX века.



Неизвестный художник I половины XIX века. Портрет неизвестной дамы.

(Из собрания Костромского художественного музея. Поступили из усадьбы Бочатино).

тый густой лес. Рассказывают, что когда-то был виден вход в пещеру, постепенно осыпавшийся, что на стенах были видны какие-то знаки и рисунки. Во всяком случае, этот ландшафт скалы и леса с лесными ручейками незабываем.

* * *

Я решил провести лишний день в Бочатине за зарисовками фресок и уголков усадьбы. Мои спутники разошлись в разные стороны: Л.С.Китицына — в Петровское к горшечникам, П.А.Царева я попросил обойти Медвежье и Кишинское озера в бассейне Андобы в расчете обнаружить здесь следы доисторической культуры.

Вечером Лидия Сергеевна поделилась своими интересными наблюдениями над горшечным промыслом в Петровском. Здесь горшечники орнаментируют свою налпную посуду, между прочим, штампами, очень напоминающими характер орнамента неолитической и палеолитической керамики: "узоры пишут писками" — так называют они штампы (5).

На другой день пришел измученный, голодный, промокший под дождем П.А.Царев. Ему удалось натолкнуться на древнюю стоянку близ Медвежьего озера. Пришлось простить ему пустой футляр от фотографического аппарата и его круглые (для солидности) очки и перестроить намеченный мною маршрут.

Через с.Носково П.А. и я направились к Медвежьему озеру. "Боровинка" (так называется это место) находится на юго-восточном конце озера. Последнее имеет километра 1 1/2 — 2 длины, сильно заболоченные берега с этой стороны.

"Боровинка" представляет из себя старый песчаный берег озера, теперь метрах в 200 от воды поросший сосновым лесом. Пробный небольшой шурф (180-160 см), сделанный нами у лесной дороги, показал, что сверху до глубины 20-30 см залегает подзол, ниже до 60 см идет ровный желтый песок, в котором попадаются

обломки керамики. Между прочим, был найден обломок кремневой стрелы и кусочек шлифованного из шифера предмета. В другом шурфе, заложенном к югу от первого, обнаружилась зольная прослойка на глубине 50 см, а ниже 60-70 см всюду подстилает материковый песок.

Этот пункт любопытен в том отношении, что здесь встречена однородная керамика с редко-ямочными и нежно-ямочными вдавлениями и другим нежным штампом. Эта особая культура попадалась нам в "Подовьюкове" (стоянка у с. Шунги) и на стояке у д. Овинцы Костромского у. Если бы удалось когда-нибудь собрать керамики здесь побольше и изучить, ее легко бы можно было узнавать и выделять в сложных больших стоянках с несколькими перемешанными культурами.

* * *

В Борщине, Бабышеве, Федотове, Никольском, Починке, Худлове, Носкове, Синеиникове, Селище и в других окрестных деревнях и селах были когда-то помещичьи усадьбы, теперь разваленные или совсем исчезнувшие. Кое-где увидишь остатки парка с одичалым колокольчиком, с прудами и беседками, в другом месте старики расскажут о крепостном праве, озноб от которого далеко не забылся. В д.Фролово Малое, когда-то тоже бывшей усадьбе, бедный одинокий дед Степан Петрович, у которого я ночевал, рассказывал, как помещик Шипов, которому была проиграна усадьба, пригнал сюда из Куданова три семейства крестьян, как последним приходилось на барщину ходить под самую Кострому (в Елизаветино).

Иду и думаю, что дала краю культура дворянских гнезд. По деревням довольно часто видишь амбирные балкончики, ворота и крылечки с колоннами, выдержанными в том же стиле наличники окон — вот и все видимое воздействие в стройке помещичьей культуры. В избе встретишь интересный мотив скамьи, лесенки на голбец, спинку деревянной кровати,

полочку и т.д. У председателя райсовета в с.Носково полон дом ампира. Меня удивило, что даже такие предметы, как полатный брус, причелины скамей, перегородки имеют амбирные золоченые окладки. Оказывается, он купил старый церковный иконостас и остроумно приспособил его части для украшения своего жилища.

Одно интересное наблюдение можно, кстати, отметить здесь. Нигде в другом месте края мне не приходилось видеть столько народной росписи. Сказался малярный отхожий промысел. Опечик, голбец, посудник, филентчатый шкафчик, люлька и т.д. нередко расписаны цветами, вазами с цветком и птичкой, львами и проч. В одной деревне (Молочное Андреевской в.) имеются на воротах двора в четырех клеймах любопытные изображения львов и коней, а на двери крыльца фигура солдата с обнаженной шашкой с надписью: "Не ходи, зарублю". Встречается живопись, датированная: лев и виноград 1812 г. (в д.Молочное). Сюжет цветка с птичкой я встретил в д. Дубровка, в доме Д.В.Смирнова — дата живописи 1821 г. В д. Григорово на шкафе ваза с цветами, исполненными желтыми, бледно-голубыми, коричневыми, белыми красками, и с птичкой имеет подпись: "1886 г." Расписывал, как объяснили хозяева, Перцев А.И. из Завражья. В д. Фролове — изображение льва на шкафе, дата 1818 г. Интересные расписанные дощечки 30-х годов от посудника и тябла мне подарил в д.Братилово Р.Т.Смирнов (в Костромском музее). С большим вкусом сделанную роспись крылечка я видел на доме Билибина в д.Оклесово.

В этой деревне мне удалось приобрести для музея целый резной фасад дома с подписью мастера, насчитывающий, по словам хозяев, 120-летний возраст. Помимо малярной профессии и независимо от помещичьего ампира, население хранит какие-то старинные художественные традиции...

* * *

"Заводопеешь ты у нас", — говорили мне в Юрине. Непрерывные дожди напоили до отказа луга и пашни. Везде хлюпают вода, непролазная грязь на дорогах. Я ходил босой, высоко засучившись.

Сижу в избе и записываю сказки, которые рассказывает за вязаньем веников больному горбатому мальчику девушка 17 лет. Одна за другой текут сказки про Василису Несчастную, про двух братьев, про то, как барин отелился. "В одном городе жил-был барин с барыней. Жили богато. Барин ничего не работал — выпится, погуляет, поест и опять спать. Вот он все пил парное молоко и до чего сделал толстый..." Сказочница Лена почти неграмотная, сказки она слышала от отца, рассказывает их гладко, как по книге... Сказки в деревне почти везде еще найдешь. Мне называли нескольких известных здесь сказочников и особенно указывали на Никиту Тимофеевича Котова из деревни Коломино. Я разыскал Н.Т.Котова. Он, печник-самоучка, перекладывал печку в бане. От него я узнал некоторые интересные сведения по части патрубков с опечка, кожуха, о том, как можно по-разному нарядить печку — пилястрочками, челноками, и в щиточке устроить зеркальце, и т.д. Но сказок я от него не записал. Он был занят своим делом и очень высоким стилем выражал свои мысли, вроде того: "Из-за коммерческих долгов и война вспыхнула", "был такой период, все сгорнизовались"... Вообще, я заметил, что при встрече с нами, городскими людьми, в деревне начинают говорить иногда не тем языком, который употребляют в разговоре между собою. Когда заговорят таким манером с вами, перевести человека на надлежащие рельсы бывает уже трудно.

Замечу, что Н.Т.Котов, как и подобает истинному артисту, а может быть, по другим причинам, начал отказываться: "Пустое говорят, что я сказочник". А потом обещал рассказать, когда

будет посвободнее, закончив философски беседу: "Что ж, дни у нас не купленные, каждый день для нас подарок".

В том же Коломине горазд был сказки сказывать Александр Васильевич, по прозвищу "Барин". Одевался и вел себя, как барин, и потешный был, как шут, чудить любил. Об этой фигуре надо было бы собрать более подробные сведения, так как это представляет интерес для выяснения творчества Н.А.Некрасова, который вывел, думаю, этого "Барина" в "Кому живется весело..."

Все Юрино и ряд окрестных деревень когда-то занимались своеобразным промыслом, ходили "по грушу". Забирали в Молвитине, в Буе или в Костроме пряники, конфеты ("с морхотком"), семечки, иголки, булавки, кружево, тесемку, пояски, мыло, чай, сахар, постом — веретена, челноки, прошвы — на это выменивали лен, щетину, шерсть и другой деревенский товар. Уезжали за сотни верст. В д. Сергеево Иван Афанасьевич и сейчас еще грушечничает. Один ведерник из д.Конюхово рассказал мне сказку, в которой герой "ходит по грушу" с приговором, не оставляющим никакого сомнения в том, что некрасовский образ Якова взят из здешних мест.

Занимающиеся изучением творчества Некрасова, может быть, подробнее выяснят этот вопрос. Упомяну кстати, что Кашпировы, владельцы Бочатина, упоминаются в той же поэме Некрасова — "Зузята с Кашпирятами"...

В Юрине орут на самолетах (пашут сохой), в д. Филюшино плугом, переделанным на манер косули. В деревне придумали приделать к плугу приспособление, называемое решеткой, благодаря которой регулируется глубина вспашки. Другая особенность этого земледельческого орудия, что рычаг опилен и приделаны две ручки.

Чаще, однако, здесь видишь косулю, которые делают в д. Сырневе.

* * *

Мне хочется посмотреть всю деревню, которую мы, городские, так мало знаем, заглянуть во все ее щели, в самую гущу. В Колошине выбираю самую старенькую избу самого бедного крестьянина И.Ф.Соколова. Захожу. Дом, построенный 70 лет тому назад (двор глаголем), худой, с покрившимися полами. Куча оборванных хорошенкых ребят ревет хором. Едят сочни из ржаной муки, окуная их предварительно в общую чашку с молоком. Картошки нет, капусты нет, пшеница нет, в лавке хлеба уже куплено 15 пудов, до нового еще понадобится 5 пудов, но муки трудно достать — кто имеет лишний хлеб, тот не продает или продает по высокой цене: "неподмоготно купить".

Земля неродимая здесь, и окоротить (арендовать) негде. Стройка: дом с двором и сараюшка. Амбара и овина своего нет. (Овины с подлазком без печей). Телку придется продать, потому что сена не хватит. Кроме нее, на дворе лошадь и корова — вся живность. Землеустройство еще не проходило здесь, и у него земли не вдоволь, по-старому, душа с четвертью. Подсобный промысел у него ведерный. "Ремесло наше наподобие мишшаво (нищее). А кто его изобретал, и тому бы провалитца!" (промысел распространился на памяти, передавали, что его принес из Москвы некто Феофаньч). "Заработано десятку в две недели, издыхаем на чужой стороне, а все нет ничего, а доход на меня исчислили 500 р. Вот как у нас разбираются. Ненависью в деревне. Треплешься из года в год. Плотники лучше зарабатывают (в Вичуге по 5-6 руб. на день). Он домой от Пасхи за 8 недель принесет рублей 300-350. У него домашность, а исчислят доходу столько же. Сейчас никому не охота быть богатым, все в бедные идем. Отстаиваем которые за себя горлом..."

Последнее он пояснил таким образом: "Плотник бывает разный — который с "свершонки" (проценты) берет наподобие под-

рядчика. На собрании горлом врут (о своих доходах), а нас со-весть убивает. Сказать бы — врешь”.

Недоумеваешь, что может спасти положение, кроме коллек-тивного хозяйства, о чем здесь тогда бедняцкая часть не слыхала еще или не понимала.

Значительная часть населения, “е свенче”, как сами они себя на-зывают, хлебом не скушает. Но живут довольно грязно: вонь, та-раканы. Жалобы на то, что нало-ги большие — не заведи лишнюю корову. Бранят бедноту, переде-лы: бедняки, говорят, имели 2-3 десятины, и те были не обработа-ны. Что заработают шапками, то и пропьют. Рыло мокрое — вот и бедняки. Если порвется наше хо-зяйство — деревня им держалась, — хлеба не будет, пропадет и город, и деревня”... Одним сло-вом, мотивы очень известные.

* * *

Очень интересные сведения по плотницкому промыслу и по ар-хитектуре избы дал мне в этой де-ревне старик плотник Гордей Иваныч, ходивший работать и за Чухлому, и в Кострому, и к Сере-де. Из разговоров с такими специ-алистами для меня понемногу вы-ясняется эволюция избы и двора в здешнем крае. Когда-то здесь сплошь строились дома и дворы под разными крышами (“дом с разжелобком” или “дом под двумя конями”). Двурядная связь потом (по экономическим причи-нам) заменена была домом с дво-ром под полой. Более зажиточная часть строит и развивает тип дома с двором сбоку. Двор сзади — более позднее явление, объяс-няемое тем обстоятельством, что с ростом населения дворина ста-новится меньше (по лицу 15 аршин).

* * *

Еще одно забываемое воспо-минание осталось у меня от д.Ко-кошино. Любезные хозяева, у ко-торых я остановился ночевать, предложили мне по случаю суб-боты попариться в печи. Я проде-лал весь ритуал. Должен сказать, мыться в печи — дело непростое.



Железнодорожный монастырь. Храм Рождества Богородицы. Сень над местом погребения преподобного Иакова Железнодорожного. Фото В.Н.Кларка. 1908 г.

Нужен навык, большое искусство. Сидишь в печи на сололке, согнувшись и памятуя, что разо-гнуться нельзя, что размахивать руками тоже нельзя — ударишь-ся о свод или стены. С мылом, мочалкой и с водой действуюешь ощупью: устье закрыто, и темно, как в душе грешника, лишь в углу (в задороге) светятся еще не затухшие угли. Чугун с горячей водой в печи и шайка с холод-ной на шестке, чтобы наполнить еще раз таз свежей чистой водой. Если печка хорошо вы-топлена, можно произвольно повесить температуру до любых пределов, подавая с веника водой на свод и стены. Несмотря на самую тщательную осторож-ность, я жестоко измазался в саже и вызвал самый искренний смех хозяина. Потом я “скачи-вался” во дворе чистой водой. Лошадь и корова равнодушно взирали на эту операцию. Когда я взошел в избу, так же равно-душно смотрела на меня хозяйка и, когда я одевался, делала заме-чания, что-то вроде того: “Какой ты худущий...”

* * *

Направляюсь через деревни в Железный Борок и везде встре-чаю что-нибудь любопытное,

что оставляет след в моей запис-ной книжке. Когда разговоришь-ся, расспросишь, окажется, каж-дый человек чем-нибудь да заме-чательен, что-нибудь да умеет де-лать: один умеет делать борону, другой клещи для хомута, третий может склепать колесную железн-ую втулку с перьями и врезать ее в ступицу. У всех здесь какое-ни-будь ремесло. Некоторые знают по два и по три ремесла или что-то знают примечательное. Ребя-та расскажут, как по весне они ходят сочать березу (“сладко, жирно!”), едят кошачью ядель, песты и т.д. ...

Хуже, когда народа не заста-нешь или почему-нибудь не зала-дится надлежащий подход.

В селе Павловском народ ушел в крестный ход, “моление по слу-чаю червя, лет 30 назад истребив-шего здесь хлеба”. Когда я усум-нился в целесообразности такого препровождения времени, баба, у которой я пил молоко, сразу перестала быть разговорчивой, промолвив лишь: “Дураки и те-перь уже не молятся, а умные по-читают”...

В Дубровках все мужчины, справивши пашню, “ушли в плот-ники”. Сел под окном, что-то зарисовываю. Слышу, в избе баба говорит про меня: “Вот, чего-то

ходит по деревням, дома списывает — ему то ли надо заплатить, а с кого? Опять с нас". Брехатые бабы, замазанные, с ребятишками, обступили меня. Спрашивают, не выдам ли способа. При таких условиях не так-то просто бывает развивать массовое краеведение.

* * *

Железный Борок — село, выросшее под оградой монастыря. Рассказывают, что предки теперешних жителей были ссыльными сюда на принудительные работы, когда монастырь добывал здесь железную руду.

Борок — большое селение с отличной стройкой — до 100 домов. Здесь плотники и хлебопашцы. Есть школа. Библиотека. Избачитальня.

Монастырь представляет своеобразное учреждение. Часть монастырских корпусов занимает сельхозартель, храмы остались за монахами, которые расселились по квартирам. Их около полутора десятков, их бюджет составляется из доходов от богомольцев и из того, что дают ходы с иконой Иакова по Костромской и Ярославской губерниям. В это время как раз игумен с иконой ушел в большое село Контеево.

Звонят колокола ко всенощной. Группами, в лаптях, из разных мест бредут богомолки. Железный Борок привлекателен для них, между прочим, тем, что живет тут человек святой жизни монах Осаф. (6) Он отчитывает от

разных немочей и подает советы, вещает. К нему стекаются из далеких мест: из Чудцы, из Осека (Ярославской губ.), даже, говорят, из Перми, и главным образом, старухи и старики, изредка приходят и молодые.

Богомольцы проживают здесь по неделе, работая из усердия на преподобного. На этих туристах зарабатывал не только монастырь, но и чайные, и граждане Борка. Может быть, поэтому так крепко они держатся монастыря. Нередко увидишь здесь крестьянок — молодых девушек в монашеских костюмах: черное под ремень платье, вроде подрясников, и белая на кромку косыночка. Мне не доводилось видеть нигде ничего подобного. Я думал сначала, что это чернички. Оказалось, таково влияние монастыря. Передавали, что и некоторые крестьяне ходят в монашеских полукафтанах.

Мне не приходилось еще видеть святых, и я отправился разыскивать отца Осафа. Мы встретились на узкой тропке во ржи. Он шел от службы. Высокий, худой, наклонив ничем не приметательное лицо, полное крупных веснушек, с прямыми прядями черных волос, живыми темными глазами. Типичный крестьянин-ярославец, одетый в скуфью и подрясник, подпоясанный широким кожаным ремнем. Рекомендуюсь: краевед, интересуюсь разными разностями, в том числе и монастырем, который хотел бы посмотреть. Прошел он со мной до

монастыря, где сдал меня другому монаху, а сам ушел. Я не успел себе составить представление, откуда сила влияния на темные массы подобных людей.

Монастырь на берегу Тезы обнесен каменной стеной с хорошенькими башнями. В зелени ограды два белых старых храма и шатровая высокая колокольня.

В церкви хранится кольчуга Иакова, выходца из Литвы, вероятно, на чердаках еще можно было бы увидеть что-нибудь интересное. Но было уже поздно, и стесняли монах и пять послушников, молчаливо ходившие за мной, как тени. В библиотеке монастыря я нашел восемь рукописей XVI-XVII вв., которые тогда мне не отдали, и обратил внимание на живопись некоторых икон.

Когда я рисовал за оградой монастыря, ко мне подошел бледный чахоточный брат Яков. Разговорились. Он шапошник из-под Молвитина. Работал в Москве. Тип, описанный А.П.Чеховым в рассказе...

* * *

Я шел в Буй, шагая за телегой, нагруженной наличниками, купленными в Борке, и другим музейным скарбом, шел среди хвойного леса с самым любимым мною крепким грибным ароматом, шел и думал, сколько интересного можно встретить, вот так шатаюсь по краю, за 2 недели.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Павел Михайлович Царев — краевед, с 1927 года директор Галичского музея.

2) Лидия Сергеевна Китицына — сотрудник этнологической станции КНО, жена В.И.Смирнова.

3) "Мироведение" — Русское общество любителей мироведения. Его секретарь и редактор Известий общества Д.О.Святский был большим другом В.И.Смирнова.

4) "Подражание...", "Альманах музеев Французской республики", "Зеркало, или сказки Мора" (искаж. франц.).

5) Материалы Л.С.Китицыной об этом см. ГАКО. Р-550. Оп. 1. Д. 123.

6) Осаф — Иосаф (в миру Григорий Меркурьевич Сазанов), иеромонах Железноборовского монастыря.

(При публикации максимально сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации).



Железноборовский Иоанно-Предтеченский монастырь.
Фото В.Н.Кларка. 1908 г.

ДЕВЯТЫЙ В ЗАДНЕМ РЯДУ

Михаила Матвеевича Корсакова, наверное, ждала успешная карьера, и дослужился бы он, например, как брат Сергей, только на год его старше, до генерал-майора, а то и выше. Потом доживал бы век спокойно то в Ивановском, то в Петербурге или Москве. Но вот арестованный 14 декабря однополчанин, подпоручик Андрей Львович Кожевников, упоминает на допросе его имя. И в материалах Следственного комитета появляется дело за номером 110, не толстое, правда, всего на 18 листах. А подытоживает его такая справка.

О поручике л.-г. Гренадерского полка Корсакове

Л.-г. Гренадерского полка подпоручик Кожевников показал, что сего же полка поручик Корсаков находился в числе членов тайного общества и был принят поручиком Сутгофом.

На вопрос о сем Сутгоф отвечал, что Корсаков принят был в члены общества Каховским 12-го декабря и что он, Корсаков, 14-го декабря намерен был объявить полковому командиру, что они не присягают, не веря манифесту. Когда же полк пошел к присяге, Корсаков уехал домой и на Петровской площади не был.

Против сего Каховский показал, что Корсаков в члены общества принят не был; но о намерениях 14 декабря знал от него и обещал, если полк выйдет на площадь, быть при полку.

Прочие члены общества: князь Трубецкой, Рылеев, Оболенский, Александр Бестужев, Пущин (коллежский асессор) и Панов отозвались совершенным незнанием о принадлежности Корсакова к тайному обществу.

В письме на имя Его Высочества Великого князя Михаила Павловича Корсаков объясняет, что слышал от Каховского о намерении сопротивляться присяге, но почтая оное безрассудным, возражал ему, на что Каховский сказал, что узнаешь завтра от Сутгофа; на другой день Сутгоф приехал к нему, Корсакову, с Каховским и повторил слова сего последнего. На вопрос Корсакова, чтобы ему сказали еще яснее, отвечали: после узнаешь. Таким образом, Корсаков, почтая поведение сих сомнительным, решился показать себя согласным с их мнениями, дабы узнать истину, но они, не открыв ему ничего более уехали.

Вечеру 13 декабря Каховский звал его быть с ним в полку и сказал, что завтра назначена присяга. Корсаков решился с ним ехать для того, что если увидит дело важным и серьезным, то поступит по долгу присяги, т.е. предупредит о том начальство, но отложив намерение свое до утра и видя, что 14-го числа они решились ничего не предпринимать и что полки спокойно присягнули, он весьма обрадовался, видя себя освобожденным от необходимости сделаться доносчиком.

Из сведений, доставленных г.командующим гвардейским корпусом, видно, что Корсаков состоял при

батальоне, расположенном за городом, и 14-го декабря хотя находился в С.-Петербурге по болезни, но с полком в строю не был. По выздоровлении присягал 20 декабря.(1)

Из показаний Кожевникова и другого однополчанина, поручика Александра Сутгофа, дополненных Петром Каховским, открылись встречи и разговоры, которые велись буквально накануне восстания, 12-13 декабря 1825 года. Ведь недаром же и Каховский, и Сутгоф доверились именно Корсакову, к нему обратились за поддержкою. А вот почему он 14-го не вышел, не встал вместе с ними... Усомнился? Струсил? Или возобладали иначе понимаемое чувство чести и покорность установленному порядку?..

За отцом этого декабриста, отставным титулярным советником Матвеем Ивановичем Корсаковым, и матерью, Феодосией Антоновной, урожденной Карповой, было не так много — всего 129 душ мужского пола (2). Зато был за 22-летним поручиком (3) старинный и знатный род Корсаковых, а значит, и связи. В ту пору это значило, пожалуй, не меньше, чем деньги...

А пришлось начинать все сначала: из гвардии — в пехотный Куринский полк, на Кавказ — под пули горцев. В 1828 году ему присвоено звание штабс-капитана, в том же чине был и уволен от службы в 1833-м, хотя "выказал отличную храбрость в боях с неприятелем и за отличное усердие и храбрость был удостоен Высочайшего благоволения", как о том свидетельствует командир корпуса барон Розен.(4)

Со службы в Ивановское идут грустные письма горячо любящего и заботливого сына, чувствующего вину перед стариками за доставленные беспокойства.

*отъ Кожевникова, въ предѣлахъ то гдѣ сирѣчь
Каховскъ, Сутгофъ, Панаевъ и Бестужевъ
преданы и посланы въ С.-Петербургъ*

М.М. Корсаковъ

*Михаилъ секретъ и братство въ Ивановскомъ
а семья моя была мучима, а братъ дождикъ
маленькая моя ушелъ?*

Вѣдѣть дождикъ моя душа моя Бестужевъ

Страница письма М.М.Корсакова от 7 июня 1833 г.

2 марта 1833. Г. Дербент.

Поздравляю Вас, милые бесценные родители, с наступающею дорогою именинницею Настей(5) и душевно желаю Вам полного счастья и совершенного здоровья на многие годы. Дай Бог, чтобы дети ее были вознаграждены за терпение матери — она страдала за то только, что была молода и легковерна. Не постигаю, как братья могут смотреть равнодушно на поведение А.Зегера!

Как Вы поживаете, милые мои; поправляется ли Ваше драгоценное здоровье? Берегите, берегите себя, несравненные милые родители, будьте покойны духом. Вот одна просьба, которую беспрестанно повторяет <слово не разобрано> изгнанный сын Ваш. Одна мольба его к Всевышнему: "Да продлит век Ваш и укрепит духом благим". Может быть, я вырвусь отсюда — еще надежда не исчезла, — и тогда никто и ничто не вырвет меня из Ваших объятий. Я буду жить собственно для Вас, и в мире проведенные остатки Вашей жизни будут моею отрадою и за пределом гроба ...

Нового у нас совершенно ничего нет, все по-старому: и прежняя скука, и прежние сплетни. Впрочем, мне гораздо отраднее в Дербенте. У нас благороднейший человек комендант, и все его семейство достойное. Я почти каждый день бываю у них.

Погода у нас весьма пасмурная и скорее походит на осень, чем на весну, одним словом, самая великопостная. Я полагаю, что исполнение обряда христианского я отложу до страстной недели, если не буду говеть на будущей неделе с ротою.

От брата Сергея уже две почты ни словечка, не знаю, здоров ли он?

Вот и еще наступит праздник Светлой Пасхи, но для меня нет красного яичка — неужель и на будущий год я не буду разговляться с Вами, милые сердцу, и первое Х.В. не скажу, обнявши Вас, дражайшие родители. Говорят, что время скоро летит, — нет, проведенные мною семь лет за Кавказом мне весьма кажутся долгими. Это для меня половина всей моей жизни. Боже, будет ли конец испытанию. "Претерпевай до конца — спасен будешь", — это неоспоримая истина, сказанная спасителем нашим, но достанет ли на сие человеческого терпения!

Кажется, прошлогодние экспедиции Б.Корна усмирили горцев, и до сих пор они весьма покойны. Если весной будет то же, то есть надежда, что и глупые арбузные головы (так здесь зовут русские татар) образумились и увидели свое ничтожество против России. От них нельзя ожидать душевной преданности, но довольно и страху — они любят, когда их держат в ежовых рукавицах.

Прощайте, милые родители, будьте здоровы, веселы, счастливы, верьте чувствам искренней сыновней любви, почтения душевного и не забывайте или хотя изредка дарите драгоценными Вашими строками просящего Вашего заочного родительского благословения и пребывающего по гроб с неизменною покорностию Вашего послушнейшего сына.

М.Корсаков.

Обнимаю Вас бесчисленное число раз и умоляю беречь себя и успокаивать. Не принимайте ничего близко к сердцу. Нам нужно только одно Ваше здоровье.

7 июня 1833. Г. Кизляр.

Милые несравненные родители, вот я наконец и в Кизляре и завтра отправлюсь на воды, где постараюсь пробыть как можно менее, дабы скорее прижать Вас и отдохнуть в Ваших объятиях после семилетней разлуки. Много, много прошло времени после моего отъезда из Ивановского и многое переменилось — молю Бога, чтобы силы не оставили Вас и чтобы я своим попечением и угодием мог усладить и облегчить Ваши дни, дабы доказать, что я не был не достоин Ваших обо мне попечений и ласк. Вполне за Ваши старания обо мне вознаградить в состоянии один Всевышний, но я буду стараться сделать все, что будет в моей возможности.

Я к Вам писал, что я страдаю головою болью и думаю теперь, что это от золотухи, в проезде из Дербента через каракайкахские горячие воды я принял только три ванны, и у меня показались сыпь и опухоль на правом ухе. Главная моя болезнь из расстройства желудка и изнеможения от нестерпимых здешних жаров, которые через беспрестанную испарину высасывают медленно физические силы.

Я к Вам писал перед отъездом из Дербента и буду ожидать Ваших писем в Пятигорске или Астрахани, уверен, что Вы не захотите далее меня мучить неизвестностию о драгоценном Вашем для меня здоровье. Приказ по полку об отставке был отдан 1-го Мая, 12 прислан ко мне в Дербент, и я выехал из Туры (штаб-квартиры) только 30 Мая и ежели бы не совершенная необходимость пользоваться водами, я бы полетел к Вам, мои бесценные, но и для Вас приятнее будет меня видеть если уже не совершенно здоровым, то по крайней мере в силах перенести жестокий костромской климат. Здесь 5 градусов морозу так чувствительны, как бывало, в Петербурге 15 градусов.

Здесь повсюду засуха ужасная и, если не будет дождя, то можно надеяться, что половина перемерет с голоду: ранней весной доходила четверть муки в Дербенте до 15-и серебром и перед отъездом моим опять не было хлеба, привезли было 2 т. четвертей из Астрахани, в 4 дни расхватили все по 8 р. серебр.

Мне самому случалось видеть умеревших и умирающих с голоду лезгин. Это бесчеловечно, но помочь несчастным не было никакой возможности. Отцы продают детей за бесценок, чтобы не уморить остальных голодом, — мальчики до 16 лет продавались от 3 до 7 р. серебр., девушки от 12 до 16 лет по 12, а самое дорогое по 20 р. серебр. Ужасно видеть, как несчастные родители, вынужденные крайностию, выводят эти жертвы на рынок. Каково должно быть чувство, когда они, сторговавшись, отдают свое родимое детище в чужие руки и часто в объятия развратителей. Задержите эту бесчеловечную картину: она слишком чувствительна для человека, и трудно найти одно мыслящее существо, которого бы сердце не раздиралось при сем виде. Но есть, по несчастию, и наши единосемцы, которые пользовались и наслаждались или лучше — упивались в скотских наслаждениях!.. Это уж слишком — и я оставляю перо.

Прощайте, милые мои, дражайшие мои родители. Испрося Вашего заочного родительского благослове-

ния, желая Вам всех благ от Всевышнего, с чувствами по гроб истинно сыновней любви, покорности и почтения остаюсь преданный и послушный Ваш сын

М.Корсаков.

Милых сестер и братьев обнимаю заочно и желаю им всего лучшего, а более здоровья, малюток их целую. Всем родным мое душевное почтение. (6)

О возвращении в родное гнездо свидетельствует такой документ, сохранившийся в недрах жандармского ведомства.

Шефу жандармов, Командующему Императорского Главного Корпуса господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Бенкендорфу.

Корсаков прибыл в родительский дом 1 октября 1833 года, в день праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, где по сему случаю были его братья, сестра и знакомые. Образованное возвращением Корсакова семейство приветствовало его сперва слезами и молениями к Царю Царей, а потом тостом за здоровье Государя Императора, щедрого милостями и благоволением к влащим в проступки; отец Корсакова, 75-летний старец, первый подал свой пример и, выпив бокал, со слезами благодарности обнял сына, который преисполнен будучи чувствами признательности к Монаршему милосердию и к радости семейства — не в состоянии был ничего сказать; но повергся пред родителями на колени и только безмолвно скорбью и взорами выражал раскаяние свое в огорчении, нанесенном им прежними поступками своими.

С самого прибытия штабс-капитана Корсакова в имение, он ведет себя хорошо, скромно, к отцу и матери почтителен, а с родственниками ласков; занимается более хозяйственными по дому и имению распоряжениями, чтением и перепискою, которую ведет с родным своим братом, служащим при г. генерале Кригсе комиссаре Шипове, и с товарищами по последней службе его в Отдельном Кавказском корпусе, но в чем она заключается — неизвестно; в прочем предосудительного в поступках Корсакова до сего времени ничего не замечается.

Генерал-лейтенант Лесаевский. (7)

И все же гнездо, видимо, кажется тесным, и уже в 1834 году М.М.Корсаков просит Высочайшего разрешения о въезде в столицу — соизволения не последовало (8).

В 1835 году умирают родители: Матвей Иванович 9 апреля, Феодосья Антоновна 10 октября (9). В 1837 году уже министр внутренних дел граф Блудов просит Высочайшего согласия на назначение Корсакова чиновником особых поручений к ярославскому губернатору — соизволения опять нет. За опального хлопочет костромское дворянство.

М.М.Корсаков отличал себя в кругу благородного общества как лучший, миролюбивый и благоразумный сосед,

в домашнем быту... как честный, справедливый и благородный гражданин.

Костромское дворянство не решается навлечь на себя Высочайший гнев, допустив господина Корсакова в свое собрание как имевшего несчастье заслужить гнев Монарха, впрочем, господин Корсаков мог быть завлечен в тайное общество по неопытности, молодости и соблазнительным примером неблагонамеренных товарищей, но отличная его храбрость против неприятеля, отмеченная Высочайшим благоволением, и 12 лет честной жизни и отличного, хорошего поведения могли бы уже заглавить его преступление, тем более, что он уже удостоен награждения чином, орденом и имеет Высочайшее благоволение". (10)

Первой стоит подпись губернского предводителя дворянства С.Ф.Куприянова, затем подписи семи уездных предводителей и трех депутатов. Очевидно, нажим в прошении на "Высочайшее благоволение", уже заслуженное Корсаковым на Кавказе, и еще более того — представление Бенкендорфа срабатывают. "В 1840, вновь состоя на службе в чине капитана, Корсаков переведен из Новгорода в Москву с освобождением от надзора, в 1844 разрешен въезд в Петербург" (11).

...С 3 июня по 24 декабря 1858 года в Костроме работает губернский дворянский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян: сам царь уже понимает необходимость реформы. И вот здесь снова встречается знакомая фамилия. "Костромские губернские ведомости" сообщают: "15 января члены комитета и начальник губернии снова собрались в зал Дворянского собрания, но уже не для занятий, как прежде, а чтобы сохранить в памяти лица местных деятелей этого великого вопроса, которые, может быть, спустя какие-нибудь пятьдесят-сто лет сделаются историческими лицами для нашего края. С этой целью начальник губернии и члены комитета составили живописную группу, которую и перевел на пластинку, посредством фотографии, некто г.Лавров, выписанный из Ярославля.



Костромской Дворянский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян.



Число фотографических портретов будет сделано по числу лиц, участвовавших в комитете..."(12).

И вот этот-то снимок — опять-таки групповой, многолюдный — хоть немного дает нам возможность разглядеть облик Михаила Корсакова, который и в "Алфавите декабристов" затерялся где-то в общей массе участников этого движения на заднем плане, и на фотографии 1859 года он — 9-й слева среди стоящих в заднем ряду...

Умер М.М.Корсаков 28 марта 1872 года, два с половиной месяца не дожив до 70 лет. Похоронен он, скорее всего, возле церкви Покрова на Удгоде, недалеко от Ивановского, ибо достоверно известно, что там покоятся и его родители, и брат Иван Михайлович, и один из племянников. Была ли семья у самого декабриста — об этом нет никаких сведений даже в поколенной росписи корсаковского рода, которую составил А.А.Григоров, успевший основательно поработать над личным фондом Корсаковых в Костромском архиве до пожара 1982 года. При церкви села Покровского родственники декабриста содержали богоугодное заведение.

28 ноября 1890 г.

Его Высокоблагородию господину Буйскому уездному исправнику

пристава 1-го стана Буйского у.

Рапорт.

...Частных благотворительных общественных заведений, подведомственных Министерству внутренних дел, нет, кроме богадельни, находящейся в Покровской волости, при церкви села Покров, что на Удгоде. В 1875 году построено было для богадельни иждивением генерал-майора Сергея Матвеевича Корсакова деревянное на каменном фундаменте здание, крытое железом, расположенное на две половины и предназначенное для призрения лиц мужского и женского пола, на каковой предмет и положена была основателем в Скопинский банк необходимая сумма, но за пропачею ее в Банке призреваемых в богадельне не было. С 1885 года по 1890 год на средства брата умершего основателя богадельни поручика Ивана Матвеевича Корсакова, по его личному усмотрению призревалось в богадельне 4-е человека, на содержание которых и ремонт здания отпускалось ежегодно по 110 рублей; в настоящем же 1890 году призревается в богадельне шесть человек мужского и женского пола на средства, отпускаемые наследниками умер-

шего поручика Ивана Матвеевича Корсакова по мере действительной надобности и по числу призреваемых. По сведениям, доставленным заведывающим богадельнею крестьянином деревни Горлово Матвеем Ивановым, употреблено в 1890 году на содержание 6-ти призреваемых 130 рублей.

Пристав Н.Давыдов.

25 ноября 1890 г. (13).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 110. Лл. 16-17 об.
2. ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 520. (Фонд А.А.Григорова).
3. Там же. Григоров указывает дату рождения — 11 июня 1802 г. в кн. "Декабристы. Биографический справочник". (Издание, подготовленное С.В.Мироненко. М.: Наука. 1988 С 87) указан 1800 г. Точка зрения А.А.Григорова представляется более убедительной.
4. ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 520.
5. Анастасия Матвеевна, в замужестве Зегер, сестра декабриста.
6. ГАКО. Ф. 627. Оп. 2. Д. 5. Лл. 1-4 об. (Сохранились лишь фильмокопии).
7. ГАРФ. Ф. 109. 1 экспед. 1886 г. Д. 61. Ч. 150. Лл. 4 об. — 5.
8. ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 520.
9. Там же. Д. 525.
10. Там же. Д. 520.
11. Декабристы. Биографический справочник. 1988. С. 87.
12. КГВ. 1859, № 4, часть неоф. С. 34.
13. ГАКО. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 22. Лл. 150-150 об.



Покровская церковь на Удгоде.
Рисунок с современной фотографии.

Хронограф

* * *

В летописи говорится, что "в 1536 году били челом великому князю и его матери Костромского уезда волости: Корега, Ликурга, Залесье, Борок Железный, чтоб государь пожаловал, велел поставить город для того, что там волостей много, а от городов далеко"... В ответ на эту просьбу жителей, жаловавшихся на опустошительные

набеги казанских татар, 6 января 1536 года последовало повеление о постройке крепости Буй. Подписано оно было матерью малолетнего Ивана IV, названного впоследствии Грозным, Еленой Глинской.

* * *

Большое влияние на заселение буйского края оказало основание около 1390 года при великом князе

Василии Дмитриевиче преподобным Иаковом, одним из учеников Сергия Радонежского, Железноборовского Иоанно-Предтеченского монастыря.



см. стр. 48.

КАК ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ СТРОИЛИ

Рукопись П.М.Друлиса "История г. Буя и Буйского уезда" хранится в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике (КОК № 24950). С некоторыми страницами ее мы знакомим читателей. Для публикации сделаны сокращения и минимальная стилистическая правка.

Наша местность всколыхнулась только после постройки Северной железной дороги Вологда-Вятка. Первоначальное направление было запроектировано через Вологду, Солигалич, Чухлому, Кологрив. В Кологриве купец Макаров уже выстроил на окраине города, на улице "Верхний проспект", обширное каменное вокзальное здание, но... около Буя жил В.В.Сипягин.

Интересную и большую величину представлял из себя Владимир Всеволодович Сипягин, шталмейстер двора его величества. Кроме переплетенной в воловью кожу родословной Сипягиных, он имел еще 22 тысячи десятин хорошего строевого леса при усадьбе Романцево по обе стороны реки Костромы, верст на 25 выше Буя.

Имея большую дачу и большие связи при царском дворе, он провел вопрос о прокладке магистрали Северной дороги через Буй.

Именитое купечество, имея тяготение ко всему, что плохо лежит, и зная податливость тогдашних инженеров на взятку, уплатило им: буйские купцы 2000 рублей, а галичские 5000 рублей. Дорогу провели через Буй и Галич. В Галиче приткнули ее, несмотря на горы и овраги, около 43-го разъезда, к городу; иначе же она должна была пройти по ту сторону Галичского озера, по более удобным местам.

Во время постройки линии железной дороги Сипягин в спешном порядке выстроил здание для лесопилки около Буя, на берегу реки

Костромы, в местности Голодник, а машины привез еще в 1902 году, когда рассматривались первые проекты.

В то же время производились изыскания линии Буй-Данилов. Лесопилка должна была стоять на разветвлении дорог. Начавшаяся война с Японией разрушила сипягинские планы. Впоследствии здание лесопилки отошло под комбинат "Салама", "Возрождение" тоже.

Сипягин был крепкий, упрямый и гордый старик. В фуражке с красным околышем на седой голове, в изящной дворянской поддевке, иногда сам руководил сплавом леса из своей дачи, хотя для этого у него были помощник Василий Иванович Голубев и управляющий Андрей Яковлевич Кутузов.

На берегу реки Костромы в Буе можно было видеть его высокую фигуру, а внизу, у воды, заречных мужиков с вагами в руках, "освежающих" на воде полуобсохшие плоты с пением разухабистой "Дубинушки" с припевом: "Мы Сипя-

гина уважим... Через... ..покажем. Ой, дубинушка, ухнем..."

На всем протяжении реки Костромы, протекавшей через его дачу, он никому не разрешал строиться. На 15 километров стояли кордоны лесников: Андрияна в Исадах и Кошмина на Колонте.

Итак-то сторона наша была лесная, а тут была глушь. Едешь, бывало, на лодке по реке Костроме в сипягинской даче, точно в трубе: по обе стороны дремучий лес из елей, сосен, берез и осин, разве только кое-где краснеет рябина. Только ширина реки не дала сомкнуться кронам деревьев.

Много было рыбы в реке: пудовые щуки и огромные судаки с зелеными глазами, конь-рыба высоко была вверх. Стада лосей бродили по осинникам, медведи и рыси ютились в глухомани. Иногда забегали олени и песцы.

В темные долгие зимние ночи около города завывали волки и осмеливались бродить по городу, навводя панику на жителей и собак. А



В.В.Сипягин. Фото начала века.

ХРОНИКА НАСТРОЕНИЙ



Вопрос о месте постройки вокзала Северной дороги сильно волнует буевлян. Город даже не прочь бесплатно предоставить в распоряжение дороги необходимый участок земли с тем, чтобы вокзал был устроен в самом городе, но, как теперь уже выяснилось, вокзал будет не ближе 7-10 верст от Буя. Городок заметно оживляется. Недавно сюда приезжали петербургские капиталисты и осматривали окрестности с целью подыскать удобное место для лесопильного завода. Цены на землю здесь непомерно растут.

Я.
"Костромской листок", 1901 г.,
№ 105.



Г. Буй.

(От нашего корреспондента)
Расширение города. За последнее время (и преимущественно с открытия жел. дороги) в Буйе ежегодно строятся десятки новых домов. Много выстроено зданий и в текущем году. Новые постройки более деревянные.

Нотариусы. Не особенно давно здесь не было ни одного нотариуса, а сейчас уже целых двое. Костромские нотариусы, благодаря этому обстоятельству, потеряли верный доход, правда, у второго нотариуса дел не особенно много, но кормиться все же можно.

Недостаток кредита. Город растет, увеличивается и население, и число коммерсантов, а кредитных учреждений, так необходимых для торговли и промышленности, здесь нет. Прошел было слух об открытии отделения одного петербургского банка, но... слух пока так слухом и остался, а жаль!

Ви-ка.

"Поволжский вестник", 1908 г.,
№ 761.



Перевоз в г. Буй. Начало XX века.

что это были за леса... Лесной старожил Шестаков Федор Павлович целые бочки засаливал лосиной и тетеревиной, а зайцам и рябчикам счета не имел.

Там, где стоит вокзальное здание, было болото под лесом ели, сосны и черной ольхи. Только в одном месте был бугорок с корявыми соснами, тут бродячие цыгане раскидывали свои шатры. Дальше во все стороны лес, лес и лес. Местность, где стоит железнодорожный клуб, представляла из себя торфяное болото, покрытое низким корявым лесом. Горожане боялись туда выгонять скот: тут в изобилии водились змеи. Здесь же иногда открывались тетеревиные тока. Можно сказать, что от пос-

леднего по улице Октябрьской революции дома Панкратова была возможность стрелять глухарей с крыльца.

Вдоль улицы до самого болота по Костромскому тракту тянулись грязные канавы, обсаженные уродливыми березками. Далее шла грязь непролазная до самой "Пьяной лужи" или "Извала". Это место — поселок им. Свистулева — ранее называлось "Извалом", а после того, как там разбили бочку с вином с завода городского головы Кудрявцева (химзавод) и несколько человек опились до смерти, стали звать "Пьяной лужей".

Жителей в городе в 1888 году считалось 2240 человек. Были 3 церкви, 1 городское училище. 1



Буй. Мост через реку Кострому. Фото М.Смодора. Начало века.

приходское, I начальное. Был винный завод, свечной и салотопенный завод в старой бане, спичечная фабрика фосфорных спичек ("Сперва вонь — потом огонь").

Большая часть населения города и уезда уходила на отхожие промыслы. Например, в 1887 году отходников было 12000 человек, и позднее тяга к отходу увеличивалась. Городское население частью только уходило, а остальные оставались дома — сапожничали, портняжили, ходили на сплав леса.

Как городское, так и сельское население ходили "за Любим", как выражались тогда, до станции

г. Буй, Костромской губ. Вокзал.



Буй. Железнодорожный вокзал. Построен в 1905 г. Фото 1906 г.



Первый колокол ст. Буй.
(Хранится в Буйском музее).

Пречистое, а оттуда в Москву и в Питер. Этих отходников называли "питерщиками".

Иногда весной приходили из Костромы пароходы за пассажирами, и тогда между капитанами происходил бой из-за пассажиров. Пассажиров из Буйского и Солигаличского уездов соберется не одна сотня. Сипягинский "Золотый якорь" гудит от народа, воздух в нем зеленый от махорочного дыма и водочных испарений. Тогда пароходы погружались полностью.

А вот когда народу мало, а пароходов два-три, тогда какой-нибудь капитан выходит на палубу и кричит:

— Эй, вы! Садитесь, до Костромы. 25 копеек...

— 25? А у нас двадцать!

— Пятнадцать!

— Десять!

Доведут торг до того, что посадят за пятачок. Посмотрит противник да гаркнет во все горло.

— Садись, даром везу!

Пассажиры съплются с парохода горошком и лезут на бесплатный...

— Даром? Оставляйтесь, стаканчик поднесу!

— Стаканчик? Булку добавлю!

Но когда не было конкурентов, паромодчики брали далеко не безобидную цену.

На берегу шум, гам, смех, слезы.

— Прасти, кармилиц, кабылу-то не забудь.

— Тетья Авдотья, поддержи кабылу-то, я пацалую...

Это акает Ликурга, Романцево, Солигалич.

— Прощевай, прости, Олена...

— В Кострому поехали, прости...

Это окает Борок и Буй. Буй говорит на "о".

Около Буя сходятся две цивилизации — Московская, акающая, и Новгородская, окающая. Жители слободы за рекой Костромой уходили на "тихвинках" или служили "шестерками" — половыми в трактирах и пивных, или же занимались хлебопашеством.

Так вот и жили: плодились, росли, питались, работали и уми-

рали. Иногда развлекались: мещанская молодежь в беседках, интеллигенция и именитое купечество в общественном собрании, клубе, куда простой народ не допускался.

Беседок было три: "дворянская", где проводили досуг мелкие чиновники и богатые мещане; "мещанская" — для среднего достатка мещанской молодежи; "тошнилловка", где веселилась беднота, которую не принимали в первые две беседки. Веселились от души, разыгрывали "Стеньку Разина", "Царя Ирода", "Царя Максимилиана", дурачились с неумной Анной Бурениной, выдавая ее замуж, причем, разыгрывали весь полный свадебный обряд с песнями, завоями и причитаниями.

Сипягин развлекался по-своему. Иногда он разрешал себе такое удовольствие: ловить лесным неводом рыбу. Лошадей по двадцать по каждому берегу реки Костромы в его даче да по сотне людей волокли сверху, за 5-10 верст, толстую пеньковую снасть, перекинутую через реку, а на снасти привязаны за комли наглухо толстые, вершка 4-5 толщиной, ели, вершины которых волочились по дну реки, загоняя рыбу к одному месту, перегороженному попереки реки неводами.



Продолжение читайте
на странице 42.

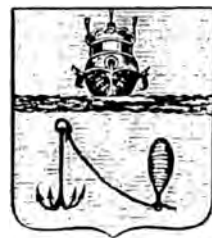


Благовещенский собор и больница.



Екатерининская улица.

БУЙ И БУЕВЛЯНЕ



Машинист депо Буй А.Козельцев
и помощник машиниста А.Воронин.

А хорошо бы прямо сейчас попасть в уездный город Буй начала нашего века. Неспешно пройтись по его тихим улочкам, где церковь соседствует с больницей (одно лечит душу, другое — тело). На торговой площади, на пристани или у перевоза непременно встретит хороших людей, будь то машинист, купец или учащийся ремесленной школы. И даже побывать у этих людей в гостях, но только после не попадать в полицейское управление. Уехав же в губернский город, получить из Буя к Рождеству приветственную открытку и еще раз вспомнить время, проведенное там, с доброй улыбкой.



Перевоз.



Открытка «Привет из Буя».



Семья буйских купцов Солодовых.



Ремесленная школа.



Полицейское управление.



Пристань на реке Костроме.



Сенная площадь.

Река кипела от рыбы. Ее черпали и саками, и пометами, и бреднями. Потом — пир горой: в усадьбе у барина пируют баре с гостями, на берегу варят уху в котлах и пьют водку крестьяне.

В 1888 году, после взрыва царского поезда, когда погибло 120 человек солдат из охраны и царская семья спаслась, благодаря особому устройству вагона, царю в ознаменование "чуда" верноподанные подносили дары. Сипягин привез в свою родовую церковь в селе Романцево два дара: икону художественной мозаичной работы и златокованные священнические ризы, весом более пуда каждая. Толстые, негнушися. Поставят их на пол, они и стоят дыбом, не падая.

Усадьба Романцево была типичной барской усадьбой: красный двор, обнесенный живой изгородью из боярышника, церковь с усыпальницей под ней, вокруг церкви подземный ход под сводами, сохранившийся до сих пор. Липовые аллеи вокруг благоустроенной площадки, на которой стоял памятник любимой собаке, березовые аллеи по краям проселочных дорог в соседние деревни. Когда-то был винный завод, пробовали варить стекло и делать фарфоровую посуду.

Вот этот-то Сипягин и повернул весь проект линии железной дороги Вологда-Вятка. Постройка ее началась в 1903 году и продолжалась 1904-й, 1905-й, и ее открытие совпало с возвращением из Манчжурии разбитой царской армии в 1905 году.

Видны были разбитые и простреленные вагоны, забинтованные головы раненых, а частенько и разбитые физиономии пьяных солдат, в свою очередь разбивавших буфеты на станциях железной дороги.

Строили железную дорогу подрядным способом крупные подрядчики Чернов, Завиш, Сухоржевский, братья Машины, Волчевский. Брали подряды, благодаря связям, по завышенным ценам в Министерстве путей сообщения, передавали подрядчикам второго ранга, те — подрядчикам третьего и т.д. до тех пор, что работу прово-

дили мелкие подрядчики путем найма рабочих сдельно.

Такой порядок сдачи работ доводил сдельную плату от 7-8 рублей за кубическую сажень (10 кубометров) до 1 рубля 25 копеек.

Среди главных предпринимателей были, например, братья Машины, родные братья сербской королевы Драги, жены короля Александра, убитой в скупщине.

На земляных работах местное население работало мало; оно ра-



С.П.Плотников,
начальник ст. Буй.

ботало в лесу, на сплаве, на перевозках своими лошадьми. Землекопы были привозные: казанские татары, ачинские ссыльнопоселенцы, тамбовские и даже китайцы. Вместе с ними у нас появились новые землекопные лопаты — местное население пользовалось лопатами обыкновенными, часто полужелезным заступом.

Эксплуатация рабочих была беззащитная. Например, привезенные из далекой Сибири, за тысячи верст, ачинские ссыльнопоселенцы были доведены до того, что умирали с голоду. Только благодаря помощи учительской интеллигенции, их отправили обратно к месту поселения.

В Буге в строительный сезон скопилось более 1500 землекопов, печников, плотников. Их обслуживала земская больница на 45 коек да собственная больница на 5 коек.

Она находилась в доме Гуляева по улице Социализма.

Жили рабочие по деревням, и в земляных бараках, и по квартирам в городах. За квартиры платили сами. Питались в многочисленных "чайнухах" с дешевыми обедами. Обед и ужин из мясных шей, гороха, каши пшенной, картофеля и хлеба стоил недорого. Кашу гречневую не ели, ибо ее считали слабой для желудка, предпочитали кашу пшеничную, которая на желудке держится крепче.

Некоторое видоизменение в меню ввели тамбовские землекопы, которые стали платить дороже и потребовали белого хлеба и гречневой каши с маслом или молоком. Они получали большую калорийность, но и заработок их оказывался больше на несколько рублей. Некоторые жили артелями и держали своих кухарок, которые их и обстирывали.

Иногда неорганизованные рабочие принуждены были питаться и "купоросными" щами из капусты, воды, соли, перца. Иногда в котел опускались одна или две рыбины воблы на весь котел "для запаха и вкуса". Эти рабочие уже совсем отоцали. Обед из купоросных шей и хлеба стоил немного, но если потребитель съедал хлеба более, чем следовало, с точки зрения предпринимателя, то последний выгонял потребителя из-за стола.

Среди пришлых рабочих славился великан монгол Осмаля, на целую голову выше всех. Около него организовалась китайская артель. Силы он был огромной: один поднимал и переносил рельсу в 22 пуда весом.

Жили китайцы в бараках, в землянках против вокзала. Бараки эти носили свои клички — Шайхай, Пекин, Кантон. Во время революции эти бараки служили местом заключения.

Китайцы, выросшие в других условиях жизни, против русских употребляли пищи меньше, но менее были выносливы на работе. Готовили пищу они сами.

Кроме столовых и чайных, в Кюроде было штук пять пивных: Калинкина, Трегорного, Куни, "Северная Бавария", Заводо-



Удостоверение помощника машиниста Г.А.Малафеева.

ва. Все эти пивные и торговцы наживались около рабочих. Пива делали большие запасы. Там же купили мелкие подрядчики.

Например, Кубышкин Ардальон Васильевич, схватив изрядный куш, загулял и задумал народ удивить. Подобрал себе компанию из таких же молодчиков и решил скупить у Долинина все пиво и выпить его. Пили сами до изнеможения, зазывали рабочих, знакомых и незнакомых, зазывали каждого проходящего... и пили... Но достигнуть своей цели не могли. Долинин был запасливый человек.

В Буе десятниками служили отец и сын Малецкие. Сын, Осип Осипович, имел весу 8 пудов, а выпивал ежедневно не менее ведра пива, отец его весил 7 пудов. Оба служили техниками. Ездили в рессорном экипаже, причем, рессоры были изготовлены по специальному заказу, простые не выдерживали — сдавали. Осип Осипович в трескучий мороз часто ездил в одной рубашке.

Почти каждая проделанная работа ознаменовывалась попойкой, пикником. Когда прорубили трассу за Черную речку, то был устроен грандиозный пикник: паровоз и два вагона, полные пива, вина, закусок и молодежи, отправились на Черную речку к разъезду Махрово, к этому времени еще не существовавшему. Именно тогда я отвел в рубку первые восемь десятин леса около этого разъезда, а потом, с моей легкой руки, и пошли рубки леса.

Полотно железной дороги начали строить зимой. Замерзшую почву рвали динамитом, да иначе и нельзя было. Около станции Паприха было болото непроходимое, и летом там работы производить было нельзя.

Вся работы производилась вручную. Машин не было. Встретившееся болото засыпали землей из карьеров. При прокладке пути подбойку делали снегом, потом засыпали землей, потом шел поезд балластный хвостом вперед. Насыпь прогибалась, разлезалась в стороны. Разгруженный поезд выползал из образовавшегося ухаба, и вновь начиналась подбойка и подсыпка. Делались кюветы, и после упорной тяжелой работы полотно принимало надлежащий вид.

Мороженую землю комьями брали в карьере, вывозили поездом и разбрасывали по обе стороны полотна. Там, где останавливался паровоз, укладывали шпалы и рельсы, а под них, руками, мороженые глыбы. Когда стало теплее, то вспухнувший путь под тяжестью поезда оседал, и состав оказывался как бы в корыте.

Мост через реку Кострому в Буе строили сормовские рабочие более года ручным способом. Клепальщики работали тоже вручную. При постановке левого устоя на нем сделалась трещина. При вмешательстве сторонних лиц (М.А. Друлис) сделана была перекладка устоя. При копке котлована под этот устой найден бивень мамонта.

Мало-помалу строительство принимало определенную форму и получало движение.

ХРОНИКА НАСТРОЕНИЯ



Существует предание, что Михаил Феодорович Романов, спасаясь от поляков, просил жителей Буя укрыть его; те отказали, за что Михаил Феодорович проклял их словами: "Будьте вы ни богаты, ни бедны". Правда, какой-то рок тяготеет над несчастным городом: прекрасное местоположение при двух довольно порядочных реках, а в городе не развились ни промышленность, ни торговля; несколько десятков лет существует пароходство, а улучшений р. Костромы никаких не сделано; на пароходах цены несуразно высокие, при отсутствии удобства для пассажиров; проведена железная дорога, а товары из Москвы получают через 2 недели; до Петербурга поезд идет сутки, а отправленный большой скоростью товар 2 месяца. Так и все: существует ремесленная школа с столярными и слесарными мастерствами, но все изделия дороги, да и нельзя назвать удовлетворительными, особенно столярные, которые часто разваливаются; о самом заведующем школой в городе ходит много печальных рассказов...

Газеты привозит железная дорога ежедневно, но получить их из почтово-телеграфной конторы затруднительно: или унесут не по адресу, или вашему посланному не выдадут и наговорают еще любезностей...

На улицах невыпазная грязь, по тротуарам можно проходить только в больших сапогах...

А у города 3000 десятин земли с лесом, железная дорога, две реки...

Приезжий.

"Поволжский вестник", 1908 г., № 605.

Валерий ПОКРОВСКИЙ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СУСАНИН-2

Двадцатипятилетний Осип Комиссаров, подмастерье фуражечного мастера Садова, около 12 лет осваивал эту профессию, знакомую с детства, и уже подумывал об открытии своего дела. Спрос на фуражки был огромен. От гимназиста, кадета и солдата до студента, офицера и чиновника — все испытывали нужду в этом военизированном головном уборе. Фуражки с разными козырьками, окольшами всех расцветок, пуговицами своих департаментов и родов войск увенчивались кокардой с могучим российским орлом.

Торговое село Молвитино, родное О.Комиссарову, расположенное в 60 верстах от города Костромы и 41 версте от города Буя, славилось не только шапошных и сапожных дел мастерами, но и близостью села Домнино, родины русского героя Ивана Сусанина.

Доходное дело пошива головных уборов в столице привлекало сюда крестьян-бедняков на шапошный промысел. Среди отходников-шапошников были и Комиссаровы: старший брат Василий служил в Кронштадтском крепостном полку, совмещая службу с пошивом фуражек, брат Павел работал курьером Интендантского управления и шил шапки, сестра Степанида также в столице с детьми и мужем — все фуражечники. Из семейства только один брат Степан тянул солдатскую лямку и не давал о себе знать.

Осип, 4 апреля 1866 года, в день своего ангела, отпущенный мастером с работы, пошел к обеденной службе в часовню у домика Петра Великого. Вдоль Троицкого моста через Неву на лед укладывались доски. В ожидании весеннего ледохода мостки сегодня были разобраны и проход через Неву был закрыт. По набережной Осип неспешно двинулся к Летнему саду, увидел толпу людей. Оказалось, что люди ожидали выхода из Летнего сада, с прогулки, императора Александра II, который не замедлил появиться с сопровождающими его племянником герцогом Лейхтенбергским и его сестрой. Чины жандармского корпуса, и в

форме, и переодетые под петербургского обывателя, зорко следили за толпой, но не уследили. Молодой человек из ишутинского кружка Д.В.Каракозов вытащил из-за пазухи двухствольный пистолет и хладнокровно начал целиться в Государя, надевавшего у коляски шинель. Одновременно с криком сторожа Летнего сада, заметившего стрелка, раздался выстрел, но пуля пролетела вверх, только напугав Государя и толпу. Толпа, вздрогнув от неожиданности, набросилась на стрелка, и только жандармский унтер-офицер и городской дворцовой команды спасли стрелявшего от самосуда.

"Дурачьё! — кричал Каракозов. — Ведь я за вас!"

Государь спросил: "Ты не поляк?" "Нет", — ответил Каракозов. "За что же ты хотел убить меня?" — спросил царь. "Ты обидел крестьян".

Император из Летнего сада отправился в Казанский собор, ничего не зная о своем спасителе, для благодарственной молитвы о своем благополучном спасении, а герцог Лейхтенбергский — в Зимний дворец, где в это время проходило заседание Государственного Совета, и доложил о происшествии. Преступника и свидетелей, в том числе и

Осипа Комиссарова, по команде генерала Э.И.Тотлебена, случайно оказавшегося на месте события, отправили в ближайший жандармский участок для первого дознания.

Выстрел прогремел в 4 часа по полудни, а к 5 часам Петербург задыхался от радости за спасенную жизнь Государя.

Вечером в Зимнем дворце состоялся прием. Осип Комиссаров, причесанный и приодетый генералом Тотлебенем и введенный в зал генерал-губернатором А.А.Суворовым (внуком фельдмаршала), бросился в ноги Государю, который поднял его, расцеловал и пообещал: "Я сделаю тебя дворянином!"

Костромской шапошник оказался в центре внимания не только всей России, но и далеко за ее предела-



Елизавета Ивановна Комиссарова.

ми. Зимний дворец был завален поздравительными телеграммами. Над столицей и городами России стоял колокольный звон, служили благодарственные молебны, называя Осипа Ивановича Иосифом Иоанновичем, ангелом-хранителем.

На другой день было опубликовано распоряжение Государя: "По важности следствия, производимого о злодейском покушении на жизнь Государя Императора 4 сего апреля, и во внимание необходимого обнаружения соучастников преступления, Его Величеству благоугодно было Высочайше назначить председателем комиссии, на которую следствие возложить, генерала от инфантерии, графа Михаила Николаевича Муравьева".

Газеты печатают рассказ О. Комиссарова о случившемся: "Сам не знаю что, но сердце мое как-то особенно забилося, когда я увидел этого человека, который поспешно пробивался сквозь толпу, я невольно следил за ним, но потом, однако, забыл его, когда подошел Государь. Вдруг вижу, что он вынул пистолет и целит: мигом представилось мне, что, коли брошусь на него или толкну его руку в сторону, он убьет кого-нибудь другого или меня, и я невольно и с силой толкнул его руку вверх, затем ничего не помню, меня как самого оглушило — я вижу только, что меня целует какой-то генерал, повезли меня во дворец, но я был как в забытьи, и язык у меня как отнялся, только часа через полтора я опять опомнился и мог говорить".

Следуют два приема депутаций костромичей 5 и 8 апреля. Осипа Ивановича уже не узнать. Он в сюртуке, пошитом лучшим портным столицы, в белом жилете, белом галстуке, под стать ему жена Елизавета Ивановна в боярском женском наряде из кашемира и бархата. В депутации более 200 человек, возглавляет ее Костромской предводитель дворянства Карцев. (Братья Шиповы, Быков, купец Кокорев В.А. и родственники с земляками). Императрица самолично вдела Елизавете Ивановне золотые серьги с бриллиантами, а Государь повесил на грудь Комиссарова Владимирский крест IV степени, дающий права дворянства.

Обращаясь к дворянам, Государь сказал: "Надеюсь, что вы, господа дворяне, радушно примите в свою среду вновь возведенного мною в дворянское достоинство дворянина, вчерашнего крестьянина, который спас мне жизнь. Я думаю, что этим он вполне заслужил быть русским дворянином".

...Престарелый граф М.Н. Муравьев был выведен из своего уединенного покоя.

Это был суровый и жестокий государственный деятель России, подавивший восстание в Польше в 1830-31 и в 1863-64 годах и вошедший в историю как "Муравьев-вешатель". Костромское дворянство не замедлило преподнести Муравьеву адрес со словами: "...Действуйте, граф, — благословение наше и, если понадобится, то и охрана Вашей дорогой для нас личности, вот на что Вы можете смело рассчитывать! Очистите, граф, Русь от крамольников и изменников..."

В Петербурге и Москве, в Мариинском и Большом театрах вместо объявленных опер и балетов давалась "Жизнь за царя" М.И. Глинки. Опера многократно прерывалась пением зала

"Боже, царя храни". 8 апреля Комиссаров, сидевший со своими родственниками в ложе 2-го яруса Мариинского театра, был вызван на сцену, окружен артистами-исполнителями и, оглушенный аплодисментами и криками "Ура", со словами: "Мне дурно! Мне дурно!.. Я не могу, не могу!" — былнесен на руках до поджидавшей кареты.

Города, департаменты и условия состязаются между собой в выражении верноподданнических и патриотических чувств. Комиссарову присваивается звание Почетного гражданина Петербурга, Москвы, Костромы и других городов, Московское дворянство преподносит ему золотую шпагу, он избирается Почетным членом Императорского общества сельского хозяйства, Монетный двор преподносит ему золотую медаль, от имени французского императора Осип Иванович награждается орденом Почетного легиона,

австрийский император жалует ему Командирский крест ордена Франца-Иосифа, тульские оружейники преподносят ружье.

Идет сбор пожертвований: военное министерство собрало 9 тысяч рублей по подписке на покупку дома в Петербурге, собрали деньги университеты Петербурга и Москвы. Устанавливаются стипендии Комиссарова. Принимаются решения о строительстве профессиональных училищ и богаделен его имени. В Костроме купец Акатов открывает богадельню в честь Комиссарова на 8 человек.

Костромской помещик Борщов оформляет дарственную на 784 десятины земли по реке Костроме, второй помещик, не захотевший афишировать своего имени, дарит 300 десятин земли.



Осип Иванович Комиссаров.

В "Московских ведомостях" историк и публицист, профессор Московского университета М.П.Погодин, находившийся в дружеских отношениях с Ф.В.Чижовым, в статье "К соотечественникам" пишет: "Сейчас я получил письмо от одного неизвестного обывателя, предлагающего купить имение для Осипа Ивановича Комиссарова. Передаю прекрасную мысль соотечественникам: купим имение, назовем его Домнино второе и предоставим в знак всероссийской благодарности во владение незабвенному на веки веков избавителю России от страшного бедствия и его потомкам. Прибавлю еще: я думал бы выбрать имение в северо-западном крае".

Не отстает от столицы и Москва. Московские студенты и профессора после молебна в своей университетской церкви идут на Красную площадь к памятнику Минину и Пожарскому, купечество собирается на Ильинке у биржи, где старшина И.А.Лямин выступает перед собравшимися, владелец села Молвитино барон фон Кистер в честь своих бывших крестьян устраивает обед на 40 человек, купцы выкатывают бочки вина на улицу. Николай Рубинштейн, профессор и директор Московской консерватории, выдающийся пианист и дирижер, выступает на улицах со своим оркестром, исполняя увертюру в честь царя, сочиненную своим братом Антоном Рубинштейном.

10 апреля в доме Петербургского дворянского собрания по приглашению губернского предводителя дворянства графа В.П.Орлова-Давыдова был дан торжественный обед в честь О.И.Комиссарова. От мундиров и орденов рябило в глазах. Здесь сенаторы и руководители департаментов, писатели, поэты, артисты императорских театров. Столы накрыты на 330 с лишним человек, и в центре внимания рядом с Комиссаровым министр внутренних дел П.А.Валуев, граф М.Н.Муравьев, предводитель московского дворянства князь Л.Н.Гагарин, предводители других городов и уездов. После приветственных речей Орлова-Давыдова, Валуева, Муравьева, Московского городского головы А.А.Щербатова слово предоставили костромичу, дворянину, земляку Комиссарова — Ф.В.Чижову: "Позвольте мне как дворянину Костромской губернии высказать несколько слов. Я не буду говорить, что Кострома желает присоединиться к России: она сама Россия (сильные одобрения). Есть события в истории; которые драматичны по

своему сочетанию, по героизму лиц и т.п. Есть события, которые важны, потому что в них видна невидимая обыкновенно, неосознаваемая рука Провидения...

В этом случае Провидение выставило высоко мою скромную родину. Три раза пришлось ей быть спасительницей России. Первый раз, во время смут и разлады, она дала России Царя, нашего костромского боярина Михаила Федоровича Романова (одобрение) и таким образом дала России единение с русским Царем. Едва он только вступил на престол, как наш костромич спас от смерти уже Царя, — вот другое спасение. Наконец, милостивые государи, на наших глазах совершилось третье чудесное спасение..."

К слову, "Костромские губернские ведомости", давая репортаж об обеде в Санкт-Петербурге, упомянув о выступающих, почему-то опустили информацию о речи Чижова.

А тем временем бум вокруг спасителя Государя нарастал. Книготорговцы и издатели, пользуясь случаем, запускают ходовую продукцию. Из объявлений "Русских ведомостей": "В память события 4 апреля" прилагается даром при Крестном календаре 1866 года гравированный портрет О.И.Комиссарова-Костромского с подробным описанием событий 4 апреля". "Бюсты О.И.Комиссарова-Костромского" — чрезвычайно сходства в 1/3 натуральной величины, изящно исполненные одним из даровитейших скульпторов, поступили в продажу... Цена 5 рублей. Приобретающие за раз более 10 штук пользуются уступкою..."

В день рождения Государя 17 апреля костромская делегация вновь на приеме в Зимнем дворце, где преподносит хлеб-соль на серебряном вы-

золоченном блюде и образ Феодоровской Божьей Матери. Возглавляли делегацию Киевский митрополит Арсений, уроженец села Воронье Галичского уезда, и прибывшие из Костромы представители дворянства с десятью молвитинскими крестьянами.

24 апреля уже в Костроме прибывшей из столицы делегацией и Костромским духовенством на Сусанинской площади отслужен молебен, закончившийся большим обедом в Дворянском собрании, где "пили с большим энтузиазмом".

...Между тем Александр II, видя несоответствие образования, манер и поведения О.Комиссарова с обликом народного героя, просил генерала-адъютанта Тотлебена принять на себя надзор и попечительство за



Эдуард Иванович Тотлебен.



Комиссаровым. И Н.Шильдер, биограф военного инженера-фортификатора, героя Севастопольской обороны, пишет: "Это неожиданное поручение причинило Эдуарду Ивановичу на многие годы немало хлопот, пока Комиссаров не преобразился окончательно в гусарского юнкера".

Бурно начавшийся ажиотаж к началу мая стал резко падать. Трудно сегодня сказать, спасение Государя было действительным, или это был ход, ловко придуманный умными головами III отделения. Поползли слухи, что преступник промахнулся сам и никто его не подталкивал, посыпались обвинения на голову Тотлебена, что якобы он придумал версию с подвигом Комиссарова.

В воспоминаниях князя Д.Д.Оболенского говорится: "Бывший вблизи во время катастрофы Э.И.Тотлебен выставил Комиссарова... спасителем Государя, но сам Комиссаров при бывшей суматохе, в которой было трудно разобраться, себя не выставлял им, а первый сказал ему Тотлебен, и тогда не было причин Комиссарову отказываться от счастья... Тогда же некоторыми было заявлено сомнение, которое так и потонуло в бурном потоке неопишуемого энтузиазма".

Русская интеллигенция догадывалась, какие последствия ожидают Россию после каракозовского выстрела. 5 апреля, на другой день после покушения, в комитете Министров прозвучали резкие обвинения в адрес образованного и либерального министра народного просвещения А.В.Головина, который был заменен графом Д.А.Толстым, обер-прокурором синода. Следующей была отставка устаревшего шефа жандармов В.А.Долгорукова и замена его на молодого придворного генерала Н.А.Шувалова. Уволен был гуманный и деликатный генерал-губернатор А.А.Суворов, его место занял обладающий большими полицейскими способностями генерал Трепов.

27 апреля в зале Английского клуба состоялся очередной торжественный обед в честь Осипа Комиссарова. Государю уже представлен проект об усилении губернаторской власти, противоречивший только что проведенным либеральным преобразованиям. Это потрясло все общественные круги. Зачитывается всеподданнейшее письмо русских литераторов, подписанное 95-ю редакторами и писателями. Пытаясь спасти журнал "Современник" от цензурного закрытия, Некрасов читает на обеде льстивые, прославляющие монархию стихи:

*Не громка моя лира, в ней нет
Величавых торжественных песен,
Но придет народный поэт
Вдохновеньем могуч и чудесен.*

*Он великую песню поет,
И героями песни той чудной
Будут: Царь, что стезей многотрудной
Царство русское к счастью ведет...*

Кроме прочитанного стихотворения, Некрасов, отозвав в сторону Муравьева, прочитал посвященные ему стихи и спросил, советует ли он эти стихи опубли-

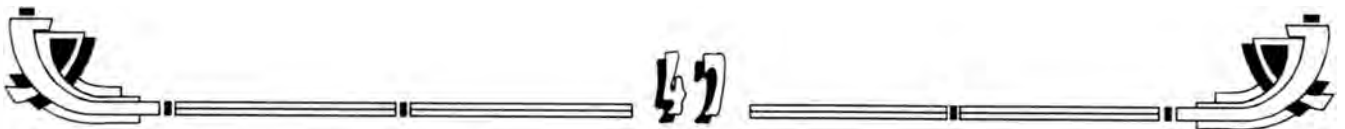
ковать. На это последовало резкое: "Не советую!". Наивность и вера в укрощении Муравьева не помогли Некрасову Н.А., и он получил гневную отповедь от Герцена в журнале "Колокол": "Браво, Некрасов, браво! Что вы написали стихи в честь крестьянина, который спас Государя, это не удивило. Мы не любили ни официальных восторгов, ни горестей, совпадающих с распоряжениями полиции, однако понимаем, что подвиг Комиссарова мог расшевелить демократическую музу вашу... Но, что вы забыли всякий стыд и всякое приличие, осмеливаетесь приговаривать палачу, оттачивающему топор: "Да, ваше сиятельство, нужно вырвать это зло с корнем"..."

Н.А.Некрасову позднее приходилось каяться:

*Не торговал я лирой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука...*

...Газеты сообщили некоторые подробности из биографии Комиссарова: оказывается, за 8 лет до подвига его родители — Иван Алексеевич и Евгения Ивановна — были помещиком сосланы в Сибирь без суда и следствия. О их судьбе сын Осип ничего не знал и не вел с ними никакой переписки. Через жандармское управление было выяснено, что старший Комиссаров обвинялся в поджоге и был отправлен в Енисейскую губернию. И 13 мая 1866 года Енисейский губернатор получил следующую телеграмму: "Государь Император высочайше повелеть соизволил отца дворянина Осипа Ивановича Комиссарова, сосланного в 1858 году в Сибирь, Ивана Алексеевича Комиссарова и жену его Евгению Ивановну немедленно возвратить к сыну его Осипу Ивановичу Комиссарову-Костромскому. Подробности почтой".

Получив такую депешу, губернатор лично помчался в глушь Ачинского округа и через несколько дней привез Ивана Алексеевича в Красноярск одного, без Евгении Ивановны, скончавшейся на чужбине. По дороге в Красноярск его везде радушно встречали хлебом-солью, служили молебны и щедро одаривали. В Красноярске в кафедральном соборе снова молебен и обед по подписке для высших сословий. Иван Алексеевич без затруднений, быстро вошел в роль отца спасителя и вместе с губернатором посетил многих почтеннейших людей города. Его доставили в Петербург, но спустя 4 месяца состоялось новое высочайшее повеление: "...крестьянина Ивана Комиссарова, возвращенного по просьбе сына из Сибири, выслать в город Нарву с учреждением там за ним строгого надзора, который возложить на особого чиновника нарвской полиции". Причины высылки неизвестны, но, видимо, сказались проведенные Иваном Алексеевичем в Сибири годы в окружении далеко не почтенных людей. Его 5 лет продержали в Нарве, отказывая даже в краткосрочных отъездах, но старик не потерял бодрости духа и в свои 66 лет сумел сочетаться браком с 23-летней девицей, о чем тут же сообщили петербургские газеты.



В сентябре месяце был опубликован приговор Верховного уголовного суда, по которому 7 сентября Д.Каракозов на Смоленском поле, окраине Васильевского острова, был казнен. Ишутину в последний момент перед повешением была объявлена государева милость — замена смертной казни на пожизненное заключение. Остальные члены кружка Ишутина приговорены к длительным срокам заключения.

Через год у главного выхода из Летнего сада на месте выстрела Каракозова была выстроена из серого мрамора часовня. На стенах часовни тексты из священного писания: "Не прикасайся к помазанику моему", "Возвеселимся о спасении твоём", "Сила Всевышнего осени тя". Осип Комиссаров стоял на помосте рядом с государем, в новом дворянском мундире с орденом на шее. Поцелуев императора Осип больше не удостоился, ограничились объятиями.

Э.И.Тотлебен больше года готовил О.Комиссарова к военной службе и, наконец, снял свои заботы, определив его юнкером во второй лейб-гусарский Павлоградский полк. Осип Иванович прослужил до 1877 года и в чине ротмистра вышел в отставку. Как утверждали, офицерская среда из потомственных дворянских семейств плохо приняла героя. Инкубаторное дворянство Комиссарова не вызывало у товарищей уважения, на службе он был совершенно одинок. Про-

грессивное направление в общественной жизни после злощастного выстрела было похоронено, а это также не вызывало симпатии к Комиссарову.

...В следственном деле Каракозова появились и другие претенденты на роль спасителей: приказчик Белов, заявлявший, что Комиссаров вместе с ним участвовал в поимке злодея, и учитель русской словесности Артоболевский, утверждавший, что это он толкнул Комиссарова, а тот уже перенес толчок на Каракозова.

Постоянное шушуканье за спиной и сплетни о влиянии Тотлебена на его судьбу, видимо, не давали Осипу Комиссарову покоя. От всеобщего внимания, которое сменилось затем забвением, Осип Иванович потерял равновесие в жизни и превратился в бесшабашного кутилу, благо этому способствовала пожизненная пенсия в три тысячи рублей, пожалованная государем. Поселился он в Константиноградском уезде Полтавской губернии, во всемирнолюбивейшем пожалованном имении, занялся садоводством и пчеловодством, где и умер в 1892 году.

О кружке Ишутина и выстреле Каракозова достаточно много было написано после 1917 года, а Комиссаров был совершенно забыт. А человек мужественный и честный, он сумел бы оттолкнуть пистолет, направленный не только в Государя...

Хронограф

* * *

В 1542 году в Буйе была заложена Благовещенская церковь, позднее она стала называться соборной. (На ее месте в 1810 году построена двухэтажная церковь Благовещения). А на посаде была построена другая церковь — Воскресения Христова — "для посацких молодчих (небогатых) людей".

* * *

За рекой Вексой стояла еще Троицкая церковь, в которой в 1629 году было всего 14 приходских дворов. Но она простояла недолго, и в переписи 1653 года уже указывалось: "Она стоит без пенья, и попа, и дьячка нет". А перепись 1718 года об этой церкви указывала: "Об оной Троицкой церкви земские старосты показали, что она церковь запустела и вся сгнила, а с какого года не указано".

* * *

Когда на русский престол возшел Борис Годунов, своих противников Романовых и Шуйских он сослал в монастыри. Дядя будущего царя Василия Шуйского, князь Андрей Иванович Шуйский, был сослан в Буй, в крепости которого была опальная тюрьма. "А князя Андрея Ивановича Шуйского в Буй городе повелеша в темнице смерти Ма-

мотову (приставу Годунова) убити и тако представляли мучениски в 97 годе (1589) месяца мая в 8-й день," — записано в "Сказании о повести еже содеяся в царствующем граде Москве". С тех пор Буй в течение веков служил местом ссылки.

* * *

В 1654 году население Буйе страдало от морового поветрия. С наступлением холодов эпидемия пошла на убыль, и жители Буйе в благодарность за избавление от мора решили построить на торговой площади новую деревянную церковь во имя Параскевы Пятницы взамен сгоревшей. А когда и эта церковь погибла в огне пожара, на пепелище была построена часовня. Ежегодно 26 октября к часовне совершался из собора крестный ход.

* * *

В 1775 году Екатерина II издала "Учреждение для управления губернией". На его основании в декабре 1778 года было создано Костромское наместничество. Оно состояло из двух провинций: Костромской и Унженской. В Костромскую провинцию вошел вместе с другими десятью городами и Буй, ставший к этому времени уездным городом.

* * *

В описании города Буй, составленном в 1778 году инженер-поручиком Федором Перелешиним, отмечалось, что в городе "церкви три, обывательских домов семьдесят, соляной казенный амбар, питейный дом, магистрат... Промысел имеют от продажи лесов и от хлебопашества... В полную ж воду делаются барки. Лес строеной; извести довольное число до Костромы отправляется, а с низу в меженную воду лодки с грузом не ходят..."

* * *

В 1797 году Павел I сократил некоторые уезды бывшего Костромского наместничества (была создана Костромская губерния), и ряд уездных городов, в их числе и Буй, были обращены в безуездные. В 1802 году городу возвращен статус уездного.

* * *

Заметное расширение города происходит в начале XX века, оно связано с началом строительства железной дороги. Официальное открытие паровозного депо станции Буй состоялось 1 октября 1905 года, а движение поездов открылось 24 ноября 1906 года на участке дороги Вологда-Вятка.

ХРОНИКА ЖАСТРОЕЖИЙ

25 минувшего апреля наш город праздновал столетний юбилей своего восстановления из заштатного в уездный...

Накануне празднуемого дня в соборном храме было совершено всенощное бдение, а в самый день, 25 апреля, там же отслужены соборным духовенством литургия, а затем панихида по в Бозе почивших императрице Екатерине II и императорах Александре I и Александре II.

После панихиды из церкви состоялся крестный ход на главную (базарную) площадь города, где на устроенной нарочно для того эстраде, а вслед за тем и в помещении городского общественного управления отслужены соборные молебны за ныне царствующего Государя императора при большом стечении народа... В городе, по постановлению собрания городских уполномоченных, целый день не производилась торговля, а вечером была зажжена маленькая иллюминация, главным образом около того же здания общественного управления, посмотреть на которую, как на диковинку, здесь собралось немало публики. Для удовольствия ее от города была приглашена временно пребывающая здесь какая-то предпринимательница с граммофоном, который на террасе здания исполнил несколько номеров песен и маршей.

А.З.

"Костромской листок", 1902 г., № 48.

22 января с.г. открыты в Бую, в здании земства, бесплатная народная библиотека-читальня и книжный магазин. Оба учреждения встречены горожанами весьма сочувственно. Для публики читальня открыта с 6 ч. вечера до 10. Главными посетителями до сих пор являются ученики местного 3-классного училища и чиновники. Ведется запись посетителей, из которой видно, что общее число посетителей на 9 февраля 150. Помещение читальни весьма просторное и хорошо освещается.

Книжный магазин весьма бойко торгует канцелярскими принад-

лежностями, благо все дешево и хорошо. Что это начинание нашего земства не по душе некоторым коммерсантам, привыкшим брать не менее 100 % пользы, — факт, не подлежащий сомнению.

Вечером 2-го февраля г. начальник губернии прибыл в г.Буй, а 3-го числа посетил земскую больницу, почту, училища, земскую управу и уездный съезд, вечером того же дня отбыл в усадьбу г. земского начальника П.Н.Травина. Отъезд г. начальника губернии совпал с базарным днем, когда обыкновенно мужички возвращаются домой подгулявшими; на этот раз в перелеске на дороге поезд наткнулся на окоченевшего мужичка, у которого лошадь убежала и который вряд ли бы добрался живым до дому. Его довели до ближайшей мельницы, где и сдали...

"Костромской листок", 1903 г., № 19.

С. Павловское, Буйского уезда. В наше село 8 июля привезен давно жданный колокол. В сельской хронике встреча колокола — едва ли не самое редкое и вместе с тем шумное явление, следы которого остаются надолго в памяти обывателя... "Без этого нельзя — колокол в 260 пудов — и без следу; на дороге —

так и там долго будут видны глубокие борозды необыкновенных полозьев", — слышишь от наивного мужика.

Но не в этих бороздах дело: 260-пудовая тяжесть бороздила не одну пыльную дорогу, а и самих крестьян. Одна павловская женщина оказалась с раздавленной ногой и ребрами, после чего последовала и скорая смерть несчастной; крестьянин из соседней Павловской деревни — с размятой грудью...

При перевозке колоколов всегда ощущается большой недостаток в полицейском и вообще всяком другом надзоре. Никакого порядка, один непрерывный шум и крик толпы, треск огородов и бревен. К тому же не в меру усердные возницы обыкновенно тоже усердно "закладывают" возбудительного. Разве визг какой-либо женщины, попавшей под полоз, может парализовать их напряженную работу? Разве стон захлебывающегося кровью мужика может заставить их ослабить веревки и дать ему возможность убраться от огорода, к которому он притиснут?

...Скоро будут наш колокол поднимать на место, того и жди, что кто-нибудь опять окажется изувечен.

Вий.

"Костромской листок", 1901 г., № 84.

Подшивки газет листала
Марина НЕДОМАРАЦКАЯ



Буйский базар. Фото 1902 г.

«МНОЮ УСМОТРЕНО...»

Из эпистолярного наследия Буйского уездного исправника

Когда перелистываешь это архивное дело (ГАКО. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 69), так и представляешь картину: исполняющий дела Буйского уездного исправника регулярно и исправно пишет своему помощнику о всех недостатках, усмотренных им на городских улицах. Хоть и сидит помощник исправника где-то рядом, возможно, в соседней комнате, а нет — надежнее не сказать, а именно "в письменной форме". Но, благодаря тому, что сохранилась эта переписка, можно

себе в конкретных деталях представить жизнь уездного городка, заботы, с которыми он вступал в первый год двадцатого столетия. И вспоминаются строчки Блока:

...Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала.
И повторится все, как встарь...

А в дополнение к этим письмам-циркулярам прочитаем и некоторые другие документы.

23 января 1901 г. Г. помощнику Буйского уездного исправника.

Ввиду приближения масленичного понедельника, 5 будущего февраля, когда на базары Буя привозится большое количество для продажи рыбы, предлагаю Вам, милостивый государь, в означенный день произвести осмотр рыбы на базаре у торговцев совместно с уездным врачом г. Фесенко и, если окажется на базаре рыба, которую, по мнению врача, не следует продавать и таковая подлежит уничтожению, то отбирать, а виновных в торговле недоброкачественной рыбой привлечь к ответственности, и об исполнении сего мне донести.

И.д. уездного исправника...

Рукою помощника исправника приписано: "5 февраля в 7 1/2 часов утра мною был произведен совместно с Буйским уездным врачом г. Фесенко осмотр рыбы у всех торговцев... причем вся рыба оказалась доброкачественною. Об этом донесли г. исправнику.

24 января 1901 г.

При осмотре мною сего числа городских улиц замечено, что в некоторых улицах тротуары не посыпаны песком, несмотря на существующую в настоящее время гололедицу, а проулок от городской управы с торговой площади к реке Вексе найден в самом скверном состоянии...

Ввиду того, что городом заведуете Вы, поставляю Вам, милостивый

государь, на вид замеченные мною сего числа неисправности по отношению улиц и предлагаю сделать немедленное распоряжение о постановке полков торговых в надлежащее место...

Содержателям трактиров и чайных заведений в г. Буе.

Повестка.

При осмотре на днях трактирных и чайных заведений замечено, что заведения эти в большинстве случаев содержатся в грязном состоянии: так полы не мыты, салфетки на столах грязные, рваные, чайная посуда недостаточно промыта, кухни загрязнены, сортиры полны нечистотами...

Повесткою этою обязываю содержателей трактиров и чайных заведений в десятидневный срок (к 20 января с.г.) привести содержимые ими заведения в чистый и приличный вид, в котором заведения впредь и содержать постоянно...

Предупреждаю, что неисполнение сего требования повлечет за собою судебное против виновных преследование.

9 января. Помощник Буйского уездного исправника...

8 февраля 1901 г.

Мною замечено, что трактирное заведение купца Кудрявцева на торговой площади, несмотря на мое предупреждение, не закрывается своевременно и вином торгует всю

ночь. Вследствие чего вновь подтверждаю Вам, милостивый государь, обязать содержателя трактира о своевременном закрытии и открытии трактира, за чем иметь строгое наблюдение...

11 февраля 1901 г.

Принимая во внимание, что сего числа, по существующему повсеместно обычаю, устраиваются молодежью костры для так называемого сжигания масленицы, поручаю Вам, милостивый государь, распорядиться, чтобы костры те были расположены в совершенно безопасных от пожара местах, на реках, вдали от строок, и лично, а также через городских наблюдю за порядком при сжигании костров и мне о последующем донести.

11 февраля 1901 г.

Мною замечено, что в г. Буе у многих домовладельцев заборы очень плохи, низки, ветхи и тому подобное, а у некоторых и вовсе не существуют.

Вследствие чего поручаю Вам, милостивый государь, лично осмотреть все заборы и, не выходя из рамки существующих на этот предмет узаконений, предупредить домовладельцев воспользоваться настоящим зимним временем для запаса нужного лесного материала и по стаянии снега немедленно же исправить или заменить сгнившие, или устроить новые заборы. Об оказав-

иемся по вашему осмотру количестве негодных заборов со списком домохозяев таковых мне донести.

20 февраля 1901 г. Содержателю мясной лавки в г. Буге Василию Ив. Белянкину.

Повестка.

При осмотре 16 сего февраля принадлежащей Вам мясной лавки замечено, что чашки весов подвешены на ремнях, которые оказались не совсем чистыми.

Предлагаю Вам по получении этой повестки в месячный срок заменить ремни на весах цепочками, которые и содержать впредь в полной опрятности... Помощник исправника...

28 февраля 1901 г.

Многу усмотрено очень много существующих в городе ветхих зданий и особенно бань. Последние настолько ветхи, что стены их, как оказалось при последних двух пожарах, не выносят влияния тепла от нагретых стенок печей.

Ввиду изложенного, предлагаю вам, милостивый государь, произвести личный осмотр упомянутых построек, как в городе, так и в слободе, и принять законные меры...

4 апреля 1901 г. Буйскому купцу Василию Кузьмичу Галантину.

Повестка.

Настоящею повесткою обявываю Вас в 2-х дневный срок убрать щепу у дома Вашего в слободе за р. Костромой (быв. Папунина) и очис-

тить навоз у лавки, предупреждаю, что за неисполнение сего многу будет возбуждено судебное преследование.

Помощник исправника...

<без даты>

На городской площади близ самого галантерейного торгового корпуса устроены два подвала, из коих один имеет худую крышу; не знаю, для чего служит первый из них, но второй, видимо, имеет назначение для склада мусора, сгребаемого на площади от лавок и препровождаемого туда через имеющуюся в крышке дыру (это видел я лично сам).

Имея в виду, что площади не должны быть ничем застраиваемы, я поручаю Вам, милостивый государь, немедленно дознаться, чьи эти подвалы, и затем по справки с законом поступить на точном основании последнего, донеся мне о последствиях.

11 апреля 1901 г.

Многу замечено крайне неприличное поведение мальчиков, стоящих впереди молящихся, близ клиросов во время богослужения в Соборе, вследствие чего предлагаю Вам, милостивый государь, иметь строгое наблюдение за прекращением сказанного беспорядка, внушая детям до начала церковной службы о должном поведении их как молящихся в храме.

9 мая 1901 г.

До сведения моего дошло, что когда в г. Буге бывает образ Феодо-

ровской Божией матери, то в это время является в город много богомольцев, которые приносят в большом количестве съестные продукты в виде яиц, масла и т.п., на то же самое время в город являются так называемые скупичики сельских продуктов и скупают их большими партиями, набивая цену и таким образом не давая возможности бедным горожанам покупать продукты по недорогой цене.

Давая об этом знать, поручаю вам, милостивый государь, строго следить за исполнением обязательных постановлений городской Думы п. 3 § 18, виновных же привлекать к ответственности, и о последующем мне донести.

29 апреля 1901 г.

Несмотря на данное многу Вам, милостивый государь, от 7 сего апреля за № 359 поручения о принятии мер к прекращению нищенства в г. Буге, сего числа я вновь лично видел, как на паперти Благовещенского собора во время литургии стояла масса нищих, которые приставали к молящимся и мешали свободному проходу в храм. Давая об этом знать, вновь подтверждаю Вам, милостивый государь, о немедленном и непременном исполнении моего поручения относительно прекращения в г. Буге нищенства.

1901 г., апреля 30 дня. Я, крестьянская вдова д. Старостино Контеевской волости Маремьяна Яковлева Грязева, даю эту подписку г. Помощнику Буйского исправника в том, что живущих со многу двух малолетних сыновей Петра 10 лет и Ивана 6 лет обязуюсь за сбором милостыни по городу не посылать и следить за тем, чтобы они самовольно не отлучались за этим...

1901 г. Апреля 30 дня. Я, крестьянин д. Глебовского Федор Иванов Клыккин, даю эту подписку г. помощнику Буйского уездного исправника в том, что я обязуюсь давать на прокормление своей жене Марье Дмитриевне Клыккиной и следить за тем, чтобы она отнюдь не сбирала милостыни по городу.

Клыккин неграмотный, и за него расписался по личной просьбе Сергеем Осипов Полушкин.



Полицейские и жандармы г. Буга. Фото начала века.

КРАСНА ШЗБА ПИРОГАМИ

Старинная пословица утверждает: что ни город, то свой норов. Но не только города, а и села свой "норов" имели, отличались друг от друга. Вот, например, даже пироги пекли по-особенному. В этом я убедилась, лет двадцать назад путешествуя по району, собирая и записывая сведения о старом быте крестьян нашей буйской стороны.

В деревнях Ванево, Вангино и некоторых других Корежской волости очень любили "преснушки неходимые", испеченные не на закваске, а на одобе. Такие пироги пекли только из ячневой муки.

А в Контеевской волости пекли кулебяку — четырехугольный пирог с яйцами, рыбой или солеными грибами — и "загибени": на одну половину раскатанного теста клали начинку (горох, капусту, картошку), а другой закрывали и края защипывали.

Лепешки из гороховой муки предпочитали в Ощепковской волости. Творили их на закваске, а позднее появились для этого и дрожжи. Пекли лепешки на углях.

В дьяконовской стороне пекли нехоженые "рогульки" с картошкой. Раскатывали сочень примерно 20 x 20 см, положив начинку (вареный в мундире картофель чистили и толкли, добавляя по вкусу соль, молоко, яйца, — начинка должна быть густая, как сметана), другой половиной сочня закрывали начинку и края прищипывали. Часто здесь пекли и "сеченки" — со свежей мелко порубленной "сечкой" капустой, которую вместе с вареным яйцом жарили на коровьем масле. Такие пироги, недрожевые, на сочнях, пришли в Дьяконово из вологодских деревень, как и рыбники. Но рыбники пекли из "хоженого" теста. Когда тесто выходило, его брали и раскатывали лепешками. А рыбу готовили в такой пирог целиком: очистив от чешуи и

кишок, вместе с головой и хвостом ее кладут на лепешку, предварительно смазанную постным маслом. Сверху рыбу посыпают слоем нежареного лука, все — и рыба, и лук — солится и закрывается второй лепешкой. Выпекают рыбники в русской печи на поду.

Когда пирог готов и, накрытый чистым полотенцем, немного поостыл, можно подавать его на стол. С рыбника срезают целиком верхнюю корочку и разрезают на



куски. Снимается рыба, ее тоже режут на части. Так же поступают и с нижней корочкой. Рыбу едят, прикусывая этими корочками.

Угощая таким пирогом, жительница Дьяконова Александра Асикрихтовна Смирнова, 1903 года рождения, поведала: "Часто наши парни находили себе невест в соседних деревнях Грязовецкого уезда. Вот молодые хозяйки и привезли к нам рыбники. А мы у них научились и стали печь".

В Шушкodomской волости пекли растегаи — круглые, начиненные картофелем или крупой, замоченной в молоке. "Но особенно славились у нас, — рассказывала Нина Павловна Ковалева из д. Заломево, — хоженые пироги с солеными грибами и луком. Такие пироги делают только закрытыми".

В Александровской волости "фирменными" были "гороховики"

и "опекушки". Тесто из гороховой муки творили с вечера на закваске. Когда оно готово, его выливали на горячую сковороду, смазанную овечьим или коровьим салом, пекли гороховики только на вольном жару. "Опекушки" же делали из ржаного теста. "Особенно любили их депи", — вспоминает М.Ф.Медведева, 1902 года рождения, из деревни Малое Федорково.

Для Боровской волости был характерен круглый "глухой пирог". Тесто здесь раскатывали толщиной 2-3 сантиметра. Начинкой служили картофель, крупа, грибы.

В Новографской волости предпочитали сметанные пироги. Дрожжевое тесто раскатывалось, сверху намазывалось сметаной, в которую добавляли сырые яйца, соль, а иногда и толокно. Прежде чем сажать в печь, после выстойки, пирог еще раз мазали сметаной. Был и другой

способ: в сметану клали немного толокна, добавляли круто сваренные и крупно порезанные яйца. А сверху вновь намазывали сметаной, в которую добавлено сырое яйцо. Когда в деревне перестали делать толокно, его стали заменять манной крупой.

Для деревень Писемской волости были характерны "опекушки" (мяконький ржаной пресной хлебец) и "перепечка". "Перепечки" пекли на Пасху и подавали бедным и нищим (их брали с собою даже в церковь) или тем, кто ходит в праздник "со славой" и носит икону.

Не только в пирогах и в обрядовом печении, но и в подовых хлебах, мягких и душистых, которые пекли повсеместно, в каждой местности была своя "особинка".

Записала Т.В.ОЛЬХОВИК



Мария ГОТОВЦЕВА

ЖИТЬЕ-БЫТИЕ НА КОРЕГЕ

Записки Гульпинской Авдотьи Степановны

В комодке моей матушки, помещицы Буевского уезда, Авдотьи Степановны Н. я нашел рукописную тетрадь под заглавием "О нашем житье-бытье".

Покойная матушка проживала в усадьбе Гульпине, на реке Кореге, и соседи, по местному обыкновению, называли ее не по фамилии, а по усадьбе.

Записки показались мне любопытными, и я решился их напечатать.

Какая надобность знать фамилию автора? Пусть и в кругу снисходительных читателей будет матушка моя известна так же, как на Кореге, то есть по усадьбе, а не по фамилии.

Гульпинский Теофан.
Усадьба Гульпино 1854 года.

I.



лесной, самой глухой, северной части Буевского уезда, вдали от городов, в Корежской волости, названной так по реке Кореге, в селцах Калинье, Дудине, Лемехове, Голявине, Кашкарове, Кошелеве и многих других проживают бедные дворяне. Эти дворянские селения, или "усадьбы", как их называют, состоят из двух, трех и много из шести домиков. Крестьянских дворов вовсе нет. Большая часть домиков почти не отличается от крестьянских изб; только через сени есть горенки, где дворяне по праздникам угощают своих гостей. Есть также и порядочные домики с несколькими опрятными и светлыми комнатами. В этих усадьбах проживают дворяне хороших фамилий, например: Сологубовы, Нелидовы, Френевы, Путиловы, Травины, князя Сынборовские, утратившие, впрочем, с незапамятных времен свое княжество, были князя Мещерские и другие. Они называют себя не по фамилиям, а по усадьбам. Как бедная дворянка, например, Польшикова из Лемехова или Гришина из Голявина, приходит в гости к богатому соседу, то велит о себе так доложить: "Пришла Лемеховская Марья Никитишна или Голявинская Авдотья

Петровна". Кто имеет семейку или две (родовых крепостных людей своих называют они семейками), тот ни за что не примется за работу, а живет сложа руки и говорит: "Я барин". Кто не имеет семейки, тот поневоле сам работает: и пашет, и косит, и дрова рубит. Не имея никаких средств к образованию, они до того огрубели, что жаль смотреть на них, но при всем том самолюбивы и обидчивы. Сохрани Бог, если в церкви подойдет к кресту дворовая прежде барыни! Если зимою встретится барин в дровнях налегке, в одну лошадку, то ни за что не уступит дороги: "Я и сам барин; тебе половина дороги, а мне другая!" Редкий барин живет в ладу с своею женою. Возвращаясь с попойки от соседа, барин почти всегда побьет жену, подчас поленом. Бедные барыни, как их величают, покоряются тяжкой своей доле и живут в совершенном рабстве. Утром, после шумной пирушки, барыни, отправляясь с ведрами к реке, спрашивают друг у друга:

— Что твой-то, смирен ли пришел?

— Какое! Притаскал супостатель.

— А меня так Бог помиловал. Я схоронилась да слышу: "Право не прибью, Катя, выходи!" — и скоро утомонился*.

* Заснул. (Здесь и далее примечания автора).

— Ах, родные мои, — говорит со слезами третья барыня, — знаете ли, что ворог-то мой вчера наде- лал? Ведь желтое-то новое ситцевое мое платье топо- ром изрубил, а ведь я его по сорока копеек ассигна- циями брала у мешешника*.

— Что ты говоришь? — замечают с состраданием соседки. — Нет уж, матушка, надо тебе сходить к Ан- фисе Даниловне.

После я расскажу, кто такая Анфиса Даниловна.

Надо заметить, что некоторые дворянские усадь- бы населены одним семейством; но как это семейство состоит, например, из трех женатых братьев или из отца с дочерьми и женатыми сыновьями, то они живут отдельными домами и по вечерам собираются вместе, и тут-то бывает чего послушать. Беседа начи- нается сказками и рассказами о домовых, леших, клад- ах и других чудесах.

— А знаете, братцы, Семен Сидорыч лешего видел? Расскажи, Семен Сидорыч, как ты лешего видел.

— Видел, братцы, видел. Мне показывал "его" ста- рик Иван, по прозвищу Козел. Вы, чай, слышали, что он с "ним-то" знался. Еду я раз в Введенскую яр- марку** и еду с Козлом. Ну вот и еду, да и говорю ему: "Правда ли, Козел, что ты знаешь?" А едем-то мы, знаете, большим лесом, дремучим. "Да, барин", — говорит. Грех мой ко мне пришел, я и ну его про- сить: "Покажи его, брат, пожалуйста". А Козел гово- рит: "Испугаешься". "Нет, мол". А он: "Смотри же, говорит, только не твори молитвы", да как свиснет. Вдруг что-то и село на сани, растяжелое, так что мой воронко почти встал, а вы помните, что за здоровен- ная была лошадь.

— Ну как же, такой нынче не найдешь, — подтвер- дили слушатели.

Вот как я глядь, ан сидит мужичина престащен- ный, а глаза-то красные. Сижу ни жив ни мертв. А Козел ему; "Ну, пошел же, да не шали". Как он встал да поравнялся с лесом, так вровень пришелся с соснами. Ну, судари мои, да и защелкал, засвистал, да как зага- гайкает***, так лошадь-то на колена припала. Козел мне и говорит: "Смотри, барин, ни гугу про это дело, а то будешь каяться". — "Нет, дедушка, — говорю, — не скажу", — и сдержал слово до его смерти, да правду сказать, боялся, чтоб не испортил. А как умирал Козел, то больно сердешный мучился: некому было сдать, никто не брал****. Уж его корчило, корчило, насилу стих, и то уж коня на избе поднимали.

Вот маленький образчик дворянских бесед.

Между барями бывают записные охотники, кото- рые ходят на медведей с ружьем и рогатинами.

Усадьбы окружены большими лесами, в которых медведей много. Бедные дворяне не имеют средств нанимать пастухов, да и не найдется охотников пасти скотину в больших лесах, которые очень близко под- ходят к селениям. А потому рогатую скотину и овец хозяева сгоняют каждое утро с дворов и отпускают на волю Божию, а в семь часов вечера в дворянских усадьбах барыни или их дети, а в крестьянских селе- ниях крестьянки отправляются в лес и кричат по лесу: "Тел, тел, гай, гай", и коровы так приучены, что выходят из лесной чащи на голос своих хозяек. Неко- торые коровы сами выходят к этому времени из чащи и кормятся по опушке леса в ожидании призыв- ного голоса, но другие забредут и пропадают дня по три. Тогда сам барин, владелец заблудившейся ско- тины, садится на лошадку и отправляется в лес на поиск, который продолжается иногда несколько дней. Лошадей не загоняют к ночи домой, как коров и овец, а как спустят на траву, так и оставляют без присмотра, и тогда только их ловят, когда они пона- добятся хозяину, а ищут их нередко по неделе и по две. Кто готовится куда-нибудь ехать, например, на праздник к дальнему родному, тот заранее отправля- ется в лес за лошадкой и ищет, если посчастливится, два, три дня, а иной проищет неделю, другую и тре- тью. Бывают нередко случаи, что лошадь совсем пропадет, или ее украдут, или она одичает в огром- ных лесах, которым не знают конца; говорят, что есть леса, которые тянутся вплоть до Архангельска. Эти леса идут так называемыми "гривами" или поло- сами: не от них ли город Кологрив, окруженный дре- мучими лесами, получил свое название? Не только лошади, но и люди пропадают в лесах. Очень недав- но нашли в лесу тело заблудившегося мужика, а в прошлом году пошла старуха за грибами и пропала. Жеребят и телят, как выпускают со двора, так и остав- ляют до осени. От этого вот какое бывает зло. В лесах сеется много овса и пшеницы на так называе- мых огнищах, то есть весною вырубает дровяной лес и тут же кладут его рядами, а в августе сжигают. На другой год тут сеют в первый раз яровой хлеб, какой вздумается, но по большей части пшеницу, особенно если огнище хорошо выгорело и мало осталось голо- вешек. На второй посев на том же месте сеют овес. Хотя огнища огораживают, но весьма плохо, осеко- вым огородом, то есть молоденькими березками и ивами, не очищенными от листьев и прутьев. Когда прутья обсохнут и лист обвалится, то скотина, иног- да чужая, свободно пробравшись сквозь редкий ого- род, стравляет почти весь посев. Жалоб и претензий на это между соседями не бывает, потому что в свою

* Так называются торговцы, которые носят свои товары по селам в мешках или коробках.

** В селе Ильи Пророка 21 ноября бывает Введенская яр- марка, на которую съезжаются все дворяне продавать масло и покупать лен, который на Кореге не родится, да рыбу, при- возимую из Грязовец и Вологды. Богатые дворяне закупают семгу, икру красную, то есть ершовую и сиговую, и рябчиков. Рябчиков покупают на месте в дешевую осеннюю пору, иног- да по 10 к. с. за пару, и возят в Москву, Петербург, где они идут иногда в продажу вместо кедровиков, или рябчиков, при-

возимых из кедровых лесов Вологодской и Архангельской гу- бернии.

*** Рассказывают, что когда леший ходит по лесу, то кричит: "Шел да нашел, шел да нашел".

**** Есть поверье, что колдун или знахарь передает перед смертью свои чары кому-нибудь из ближних или друзей. Но если не найдется охотника взять на себя эти знания, то колдун умира- ет в мучениях, которые стихают только тогда, когда кто-нибудь поднимет на избе коня. Конем называются два слега, соединен- ные крестообразно над крышей, на лицевом фасаде избы.



очередь и другие таким же образом терпят от общей беспечности и лености. Скотина травит посев, да зато и она бывает жертвою медведей, которые дерут и коров, и овец, и лошадей. Иногда барин в одно лето потеряет двух, трех скотин и останется с одною коровенкой. Тогда барыни со слезами уговаривают охотников идти на лабазы. Бывало, и ко мне приходили барыни просить охотника. У меня был дворový человек, портной Василий Никифорыч, преумо- рительной наружности, глупый и глухой, но отчаян- ный охотник; сам, бывало, является с просьбою по- пробовать счастья посидеть на лабазе. Вы спросите, что такое лабаз? А вот что: выберут два дерева, свя- жут их ветви крепко-накрепко, положат на них жер- дочки, и на жердочки сядут два охотника с заряжен- ными ружьями сторожить зверя, а к лабазу притащат убитую скотину. Охотники сидят смирно, удержива- ют дыхание и терпеливо выжидают медведя, кото- рый, наконец, показывается, привлеченный запахом мяса. В это время в него стреляют — и какое торжест- во, когда убитый медведь повалится на землю! Од- нажды утром я подошла к окну своего дома, вижу: на улице лежит убитый медведь, а перед ним стоят три охотника, в том числе Василий Никифорыч. Нельзя было без смеха смотреть на его очень некрасивую ро- жу, сиявшую радостью. Иногда охотники проси- живают на лабазах несколько ночей совершенно на- прасно. Соседки утешают бедную барыню, потеряв- шую скотину: "Не плачь, матушка, твоя коровушка, видно, выданная", то есть, видно, определена была судьбою на съедение, и барыня соглашается с ними и успокаивается.

В глубокую осень, когда снег начинает покрывать землю, баре с запасными уздечками в руках и переки- нув за плечи лукошки, наполненные маленькими ме- шечками с овсом, отправляются верхом отыскивать своих жеребят и телят. Они заезжают в деревни и спрашивают у крестьян: "Не видали ли где, ребята, моего рыжку или пеганку?" Крестьяне в эту пору занимаются рубкою леса или дерут лыко на лапти; про- мышляя для этой цели по целым неделям в лесах, крестьяне могут иногда случайно знать, где ходит скотина. "Поезжай, барин, на такую-то речку, пожа- луй, найдешь свою рыжку".

Надо заметить, что липовые лапти лучше и проч- нее березовых. Теперь баре и крестьяне реже носят лапти, а чаще ходят в шептунах: это те же лапти, только сплетены не из лыка, а из веревок. Шептуна- ми называются они потому, что не скрипят. И шепту- ны, и лапти баре носят в будни, а по праздникам обу- ваются в сапоги.

Но вот наступает зима, приходят святки, баре праздничают и затевают вечеринки. "Барышенки" за- ранее готовят наряды, из чуланов выносятся старо- модные шляпки, давно брошенные в городах и при- сланные на Корегу в подарок от богатых помещиц. Одной барышенке я подарила старинную шляпку, которую нашла в своем старом гардеробе. Надо было видеть, как меня благодарил мать этой девуш- ки за драгоценный подарок и как низко кланялась: мне было просто совестно. Дочь, не носившая шляп-

ки и убиравшая волосы куктырьком, то есть свивая косу в кружок около гребенки, в первое воскресенье вырядилась в старомодную шляпку и, стоя в церкви, боялась перекреститься, чтоб не измять. Другая ба- рыня, бывшая в церкви и смотревшая с завистью на девушку в шляпке, не в шутку рассердилась на нее, зачем она не крестится: "Уж очень заважничала в шляпке-то. Вы ей, матушка, подарили, — заметила она мне с упреком, — а мою дочку забыли".

Но вот гости с шести часов вечера съезжаются и сходятся на вечеринку, которая продолжается до одиннадцати или двенадцати часов и до петухов. На- чинается пляска, лемеховские и калиньевские пляшут под балалайку, под голос цыганских песен. В Коше- леве и других соседних усадьбах на вечеринках тан- цуют даже французскую кадрили и вальсы. Мужчи- ны танцуют без перчаток, с носовыми платочками в руках, в чепанах, некоторые в сюртуках и пальто; на всех красуются пестрые ситцевые и дешевые кашеми- ровые жилеты. Дамы — в ситцевых, а иногда пода- ренных бережевых или люстриновых платьях. Все ве- селятся от души; на столе расставлены тарелки с оре- хами, пряниками, клюквою с медом, медовым варе- ньем и лепешками на меду из толченой сухой черему- хи. Нетанцующие сидят кружками, толкуют о хозяй- стве или сообщают друг другу новости. В карты иг- рают редко, и то в дурачки, если у кого случится ста- рая колода.

— Слышали вы, Катерина Тихоновна, ведь Мат- вей Иваныч женился в полку да и съехал со службы подпоручиком?

— Слышала, мать моя, да не знаю, правда ли.

— А вот я тебе и расскажу, как он женился-то. Польку взял, да обманул ее, сердечную. Полк стоял в каком-то местечке. Там не называют уездным горо- дом, как наш Буй, а местечком. Жил там поляк-ста- ричок с двумя дочками, меньшая-то получше была старшей. И влюбился в меньшую Дмитрий Сергеич Бодеев, из-за Любима, слышали вы, богатый-то барин?

— Как же, богатый, богатый, матушка.

— Дервни у него славные, мужики зажиточные. Вот он и сватается, а поляк ему говорит: "Нет, мол, я не обижу старшую, не отдам меньшую прежде боль- шой". — Что делать! Дмитрий-то Сергеич и угово- рил Матвея Иваныча, а они в одном полку служили: "Женись, брат Матвей Иваныч, на старшей".

— Как мне на ней жениться? Я бедный человек, не смею; она за меня не пойдет.

— Полно, братец, я да и наши все скажем, что у тебя двести душ.

— Помилуйте, Дмитрий Сергеич, у меня всего один работник старик, да и тот матушкин, и матуш- ка-то сама работает в поле в летнюю пору.

— Вздор, братец, я тебя не оставляю, буду помо- гать, женимся, выйдем оба в отставку и славно зажи- вем.

Матвей Иваныч обрадовался, и стали они вдвоем ездить к поляку, а через месяц Матвей Иваныч и при- сватался. Старик поверил, что он богат, а Филисти- ме-то Тимофеевне он понравился, согласилась она, и

в одно время сыграли обе свадьбы. Пожили они в полку недолго, дождались только отставки да и поехали на свою сторону, а Дмитрий Сергеич вез их на свой счет и всю дорогу за них платил, а от Филистима-то голубушки скрывали, что муж беден. Приехали, у Дмитрия Сергеича долго гостили. Надо было, однако, и домой. Дмитрий Сергеич потихоньку от молодой дал Матвею Иванычу и чайку, и сахарку, и кофею, и из домашнего целый воз отправил с ними. А она поехала домой веселая, и в мысль не приходило, что муж такой скудный. Как приехали они в Кошелево, ах, мать ты моя! А избеночка-то у них набоку; мать, знаешь ее платьишко, встречает со слезами: "Насилу тебя дождалась, родимый". Молодая спрашивает: "Что это за старушка?" "Это моя нянька", — говорит Матвей Иваныч. А дорогой-то он твердил жене, что тут у него хорошая усадьба, скотный двор и большой посев. Но делать было нечего: надо было ему, наконец, признаться, что у него только пятнадцать десятин всей земельки. Филистима Тимофеевна, как спол, и упала. Вот и узнала Купыревская Прасковья Ивановна*. Прасковья Ивановна приходится Филистиму по мужу немного сродни, вот она и дала ей семейку. Теперь Филистима у нее гостит. А уж какая умная! Только по-русски смешно говорит. Матвею Иванычу дали бревешек да плотников; уж срубы срубили, скоро начнут ставить домишко. Говорят, выберут Матвея Иваныча в заседатели: ведь нынче баллотировка.

— Голенький охъ, а за голеньким Бог, — заметила одна барыня.

В другом кружку мужчины толковали о хозяйстве. Их занимала выдумка какого-то одинокого мужика, которого Бог благословил хлебным урожаем и который стеснялся молотьбою хлеба. Он отрубил аршина два от соснового бревна, толщиной вершков в десять. По длине кряжа наколотил несколько деревянных клиньев, а в отрубленные концы прикрепил железные кольца, продел в них вместо оглобель веревки, прицепил к ним лошадку, посадил на нее дочку лет двенадцати да и заставил девочку разезжать по разостланным в порядке снопам, а сам с женою поворачивал только разбитые уже снопы. Выдумка удалась, и мужик, несмотря на свою леность и недостаток рук, обмолотил свой овин скорее других более заправных соседей. Многие бары последовали примеру мужика и были очень довольны.

Наплясавшись вдоволь, барышни в свою очередь заводят беседу, спрашивают, которые долго между собою не видались, как провели осень, как веселились на Фроловской ярмарке, самой замечательной во всем округе, о которой с половины лета начинаются толки, готовятся наряды, шляпки, чепцы, отделяются желтые ситцевые платья (желтый цвет в большом ходу), на платья нашиваются разными манерами кисейные фалбалы; одна барыня

* Выше было замечено, что соседей редко называют по фамилиям, которых часто и не помнят, а если и припомнят, то искажают: например, они не скажут: Головнина или Макарова, а Головниха, Макариха.

сама смастерила даже чепец из черного коленкора, наколола три банта из подаренных ей кем-то пунцовых лент и была чрезвычайно довольна, воображая, что будет всех наряднее.

Фроловская ярмарка бывает в селе Воскресенье и считается самой знаменитой во всем крае. Она открывается 18-го августа и продолжается три дня. Село расположено на горе, у подошвы которой протекают две реки: Корега и Удгода, последняя впадает в Корегу под самым селом. Местоположение прекрасное, с горы, на которой расположено село, виднеются там и сям окруженные дремучими лесами усадьбы бедных дворян, а против села, на другой горе, стоит, как на страже, прекрасный каменный дом с большими службами и садом богатой помещицы Прасковьи Васильевны Головниной. Она умерла, и дом теперь опустел, потому что наследники не живут в нем. В селе Воскресенье проживают только три священника и два дьякона с причтом. Дома у них прекрасные: хозяева обязаны ярмарке своею зажиточностью. Эта ярмарка есть предмет мечтаний и нетерпеливых ожиданий всего уезда, а пройдет ярмарка — о ней долго тоскуют, да и недаром, потому что на ней бываюют смотры женихов и невест. Сюда приезжают с разными товарами купцы из Костромы, Любима, Галича и Чухломы, для богатых привозят дорогой товар. Всякого сословия сходится и съезжается до трех тысяч, а это не шутка для сельской ярмарки. Семейства богатых помещиков приезжают к родственникам и знакомым, задают большие обеды и пиры. На сельской улице и вокруг церкви, по ограде которой размещены каменные лавки и деревянные балаганы, вы встретите хорошенькую карету или коляску с прекрасными лошадьми, богатою сбруею, ливрейными лакеями и щегольскими кучерами, и тут же бог знает какие колымаги, дрожки самых старинных фасонов, разумеется, без рессор и тележки в одну лошадку с барынями и их дочками; кучером сам барин в подпоясанном красным шерстяным кушаком сюртуке из синего толстого сукна. Без кушака старый барин, отец семейства, никуда не является. В сюртуках и кушаках, как дьячки, старые бары являются и в церковь, и в гости. Как-то недавно один приехал на вечеринку верхом и вошел даже в горницу с кнутом за поясом.

Многие бедные дворяне приходят из окрестных усадеб на ярмарку с женами и детьми пешком. Дорогою они идут босиком, а перейдя по лавам (мостики из двух бревен, перекинутых с берега на берег) через речку, садятся рядком на берегу и обуваются: женщины надевают домашней самодельщины чулки и башмаки, которые несли в узелках, а бары надевают сапоги, которые несли за плечами. Некоторые барышники вынимают зеркальца и утирают голову на открытом воздухе, зачесывая друг другу косы куфтырьком и в три ряда обвивая головы красными и голубыми тафтяными ленточками с большими бантами на боку.

Многие мужики отправляются на ярмарку верхом. без седел, и нередко на одной лошаденке сидят двое или трое: спереди ребенок, а сзади отец и мать.

На ярмарке бывают преуморительные сцены. Один бедный дворянин, прослуживший сорок лет в военной службе и только что перед ярмаркой вышедший в отставку подполковником и возвратившийся на родину, вздумал блеснуть на ярмарке перед людьми своим образованием, которого не имел. Он приехал на ярмарку верхом в отставном уланском мундире, а сзади него ехал также на лошади его лакей в сером чепане с уланским значком в руках. Подъехав к меховой лавке, он спросил по-польски заячьего меха. Купец выпучил, конечно, глаза и отвечал, что не понимает. Тут случился молодой человек, знавший несколько польских слов. Он отпустил в шутку какую-то польскую фразу. Подполковник обрадовался и тотчас спросил его фамилию.

— Пан Гутовский, — отвечал проказник.

Надо было видеть, с каким забавно-важным видом подполковник стал припоминать эту фамилию. Наконец, он решил, что "милая особа" (его всегдашняя поговорка) должна быть из забраного края.

Свидетельницей этой сцены была старушка Василиса Фроловна, знавшая подполковника, когда он отправлялся еще на службу.

— Голубчик, — заметила она, прослезившись, — сколько нужды принял, и по-русски-то разучился говорить.

Добрая была покойница Василиса Фроловна, худенькая, беззубая. Она жила в крайней бедности, богатые соседи любили ее за кроткий нрав, и часто она у них гостила. Василиса Фроловна сама всех любила и всем была довольна.

— Как вы поживаете, матушка, чем занимаетесь?

— Довольно, матушка, у меня занятий, с утра в хлопотах, все по екодомии; внучку Бог дал мне хорошую екодомку, хоть и мала годочками, а все мне помогает, и какая мастерица готовить кушанье! Вчера смастерила щи с убоинкой*. Такие, что и вы бы, матушка, не побрезговали.

II.

а днях я узнала о смерти хорошей моей знакомой и не знаю, тужить ли мне о ней или нет.

В немногих словах расскажу ее историю. Она родилась в Польше, была отлично образована, прекрасно пела и страстно любила музыку.

Вышла она замуж за русского офицера и в замужестве была очень счастлива. Три ее сына были отданы в кадетский корпус. К несчастью, она лишилась старшего сына в тот год, когда этот молодой человек, отрада и гордость матери, был назначен в офицеры. Вскоре умер и второй сын, и у матери остался в живых только меньшой, который был хуже своих братьев. Потом умер на службе и муж, заслуженный полковник, человек весьма почтенный.

С смертью старших сыновей и мужа бедная женщина осталась в самом несчастном положении. Говорят, будто ей следовала пенсия, но, видно, некому

было похлопотать. Несчастливая вдова вместо пенсии получила только небольшое единовременное пособие.

С мужем она жила в Москве. Что имела, все истратила на его болезнь и похороны и должна была с старушкой матерью ехать в деревеньку мужа, в так называемые "села", в такую глушь, что хуже Кореги.

Северная часть Бувевского уезда, за городом Буем, называется селами потому, что там расположены большие экономические деревни, а между ними маленькие дворянские селения, отстоящие верстах в 60 от уездного города и окруженные дремучими лесами. В этих лесах в прежние времена целыми семействами скрывались раскольники и беглые, они жили в небольших отдельных домиках, называемых скитами и раскиданных на версту и более один от другого. Земской полиции трудно было отыскивать этих беглецов, живших в глуши дремучих лесов. Зимой все лесные тропинки заносятся глубокими снегами. Изредка, когда выходила провизия, эти люди отправлялись на лыжах в города. Узнать их на базарах было невозможно, потому что выходили за покупкою такие, которые бежали издалека, например, из-за Москвы, и проживали в лесах лет по двадцати. Летом эти скитники нанимались за дешевую цену к крестьянам на полевые работы. Если кто-нибудь из помещиков попросит, бывало, исправника отыскать бежавшего человека и возмутся они за это дело вдвоем, то местные крестьяне давали об этом знать скитникам, в благодарность за их работы, и, разумеется, те скрывались так, что их ни за что нельзя было отыскать.

У нас бежала однажды женщина и через восемь месяцев возвратилась. Истинно, не от чего ей было бежать. На вопрос, зачем она бежала,

— Так, глупость пришла, — отвечала она.

— Где ж ты жила?

— В скитах.

— Хорошо там?

— Хорошо.

— Зачем же возвратилась?

— Стосковалась, матушка. А есть там такие, что лет двадцать пять живут, и замуж вышли за беглых, и семейством обзавелись. Все-то, матушка, раскольники, хотели и меня заманить в раскол; я об этом сведения, и стало мне тошно. Кормят хорошо, рыбы не приедаешь, каша всякой день, все из разных круп.

— Откуда же они все это берут?

— Уж очень они богаты.

Нынче скитников в Бувеском уезде, кажется, немного, а все больше они теперь в тотемских лесах.

Крестьяне этого округа народ лесной, летом на полевых работах, а в зимнюю пору занимаются рубкою леса и дров, свозят на берег Костромы-реки, связывают плоты, как бревенчатые, так и дровяные (лес на дрова рубится цельными деревьями, которые распиливаются, когда уж их пригонят весною в Кострому), на плоты ставятся чистенькие избушки, совсем готовые и даже крытые тесом, с окнами, рамами и дверями. В марте, когда взломает лед и река разольется, поднимает плоты, которые вместе с поставленными

* Говядина



на них домиками и их хозяевами сплавляются в Кострому и другие города по Волге, где как плоты, так и избышки продаются по хорошей цене, и потому здешние крестьяне все живут в довольстве.

В этом-то глухом крае поселилась бедная Варвара Ивановна и убила здесь все свои таланты. Чего она, бедная, не вытерпела в обществе чужом и совершенно ей несвойственном! Маленький доход ее состоял в продаже леса, который стоял на самом берегу реки. Соседние дворяне не любили ее, вероятно, чувствуя ее превосходство. Доходило до того, что они нарочно стравляли скотиною ее хлебные поля, и без того плохие, потому что грунт песчаный и осенью червь часто подтачивает хлебный корень, так что в поле виднеются большие участки выеденного хлеба, называемые плешинами. Особенно была зла к ней Анфиса Даниловна. Бывало, придет к ней в дом, наговорит ей дерзости, разбранил и потом уйдет, как будто сделала доброе дело. Так промучилась Варвара Ивановна до самой смерти в досадах, нищете и горе, переносся безмолвно незаслуженные оскорбления.

III.



а днях, по приезде в маленькую мою деревеньку на Кореге, я была приглашена на праздник к Шатиловской Анфисе Даниловне. Она поднимала образа в день особенно чтимого ею святого и справляла "никольщину": так называются у нас все вообще церковные празднества,

хотя бы чествован был день явления Казанской или Смоленской Богоматери. В каждую ническую после обычных молебствий Анфиса Даниловна приглашает к себе соседей и угощает их на славу сытным обедом. Я никак не могла отказаться на этот раз от настойчивого приглашения.

Анфиса Даниловна — старая некрасивая девушка — замечательна по своему характеру и говорит своим особенным наречием. Она вовсе не образованна, но одарена таким тактом и такою твердостью, что умеет держать, как говорится, в руках всех соседей. Она искусно втирается в знакомство с богатыми помещиками, которые сами рады этому знакомству, потому что Анфиса Даниловна их смешит. Находясь часто в избранном обществе, сметливая барыня старается усвоить некоторые манеры, запоминает новые для нее фразы и французские слова, которых смысл и произношение искажает по-своему, и потом, возвращаясь домой, в простом, полудиком кругу своих корейских соседей умеет весьма кстати прихвастнуть приязню с знатными господами и вернуть в разговор какое-нибудь словцо — словом, она мастерица пускать бедным дворянам пыль в глаза. Уважение их к Анфисе Даниловне так велико, что они называют ее своею губернаторшею.

Вот образчики ее разговора: "Напилась я горячего чая и поехала, а дорогой меня прозерповал ветер, с тех пор я простыла (простудилась), и все пильнует в бок".

Она отвезла в гимназию племянника и, возвратясь домой, долго о нем тосковала:

"Присмотр в гимназии хороший, к детям тятки приставлены, а все Алешеньке тяжело, и науки все мудреные, а уж абрия (алгебра) упять, подлинно сказать, всех мудренее".

Ей случилось съездить недели на две в Петербург, но город ей не понравился:

"Не знаю, почему людям нравится Петербург, а для меня так Пешехонье лучше. Остановилась я у Трефольных ворот, в доме презрителя (смотрителя). Пойдешь по туртуару, вдруг встречаешь куфарку в дурдадамовом салопе. Как это можно? Куфарка должна знать куфарить, а не наряжаться, как барыня; рабы должны знать свою одежду".

Если баре между собою или муж с женою поссорятся, то отправляются к Анфисе Даниловне, и как она приговорит, так дело и кончается. Муж ли побил жену — обиженная отправляется на суд к Анфисе Даниловне.

"Терпи, матушка, — говорит барыня, — закон велит, муж глава, а не башмак, упять не сбросишь с ноги", — и жена возвращается домой утешенная. Впрочем, бойкая барыня не пропускала случая и мужу делать наставление. Если муж оправдывается, говоря, что у мужа жена всегда виновата, Анфиса Даниловна угрожала, что поедет в Кострому и пожалуется "протокурору", и барин робел, просил прощения и смирялся, зная, что Анфиса Даниловна даже губернатору может пожаловаться, так она "документовата", то есть знает законы и судебный порядок. Дворяне отдавали ей на сохранение свои деньги, заработанные или вырученные от продажи масла, холста и пр., и когда требовали их обратно, то немедленно их получали, и таким образом доверенность к ней умножалась. Прибавлю, что она была самая простосердечная и радушная хозяйка. Завидев издали мой тарантас, она выпшла на крыльцо, чтоб встретить дорогую гостью, за нею пошли на крыльцо и некоторые другие гостейки.

Я вошла в гостиную, наполненную гостями, разряженными во свои лучшие одежды. Мужчины подходили к руке по-старинному, а дамы целовались в обе щеки и в плечо*, и все заговорили:

— Насилу мы вас дождались, завеселились в Костроме.

Один барин в чепане (милиционном мундире) с медалью 12-го года сказал мне: "А я, матушка, вас не узнал, смотрю, кто это идет, а жена говорит: "Это, надобно, Гульпинская Авдотья Степановна — ее патранташ и в кларнет смотрит (тарантас и лорнет)", а я жене: уж, мол, пора ей хозяйством заняться".

Этот барин — хороший хозяин и побогаче других, я люблю говорить с ним о быте и промышленности наших крестьян и о бедных дворянах, положение которых еще более меня занимает. Жизнь крестьян привольнее, нежели дворян. Имея лесные дачи, крестьяне, отмолотив хлеб, отправляются осенью на рубку дров и бревен в лес, берут с собою хлеба, круп и проживают в лесах по неделе, а зимою вывозят наготовленный лес, делают также срубы и продают их с вы-

* В плечо целуют в знак уважения.

годою, а потому в нашей стороне мало бедных крестьян, а нищих совсем нет. Если когда случится безродный в какой-нибудь деревне, то вся деревня берет его под свое покровительство и по мирскому согласию разводит череды, то есть назначает очередь, чтобы бедный проживал по неделе в каждой избе; бедняка кормят, снабжают всем нужным, и он очень доволен. Но дворяне, имея мало земли и часто большое семейство, терпят сильный недостаток. Детей своих содержать в уездном училище на свой счет не могут, в какое-нибудь учебное заведение на казенный счет попадают немногие, притом дворянских детей так много, что не достанет для всех вакансий. Оставаясь дома и обучаясь кое-как, и то не все, грамоте у дьячка, молодые люди растут в невежестве и женятся лет двадцати от роду. Дворяне живут целыми деревнями, и как ни бедны, а многие, дорожа своим происхождением и опасаясь лишиться многочтимого ими дворянского звания, ходили пешком в Петербург хлопотать о себе в герольдии, многие и теперь стараются выхлопотать дворянские грамоты. По наружности они только тем отличаются от мужиков, что носят на шею ситцевые пестрые платки; когда вы начнете с кем-нибудь из них говорить, он никак не снимет перед вами картуза, а когда вы спросите: "Ты дворянин?", он ответит с самодовольным видом: "Вестимо".

Мне случилось встретить у мельницы статного пригожего молодца лет двадцати двух с возом хлеба. По шейному платку и картузу я тотчас узнала, что он дворянин. На вопрос мой, отчего он не служит, — "Я не обучен "словесному" (грамоте), — отвечал он, — да и матушка не благословила, я у нее один".

— А грамоту дворянскую имеешь?

— Как же, в амбаре в рамке стоит.

— Женат ли ты?

— Да.

— Что же, богатенькую взял?

— А три десятины, лошадку да коровку.

— И ты женился?

— Так что ж, матушке помога, да я и сам небогат.

В эту минуту его позвал сторож нашего прихода, бедный дворянин Василий Абрамыч Чупырев, который приехал с помолом от священника, отца Петра.

— Ты как, барин, поживаешь?

Василий Абрамыч не любил, чтоб его звали по имени, и отвечал только тогда, когда его называли "баринном". За должность церковного сторожа он получал от прихожан 1 р. 50 к. серебром в год и харчи и жил в сторожке или у священника, которому прислуживал.

— А дай Бог здоровья, живу, чего мне больше. Дай Бог здоровья, я читать, писать не доволен (не умею) и орать землю также, дай Бог здоровья, ни косить, ни жать. А погresti (сено), дай Бог здоровья, доволен, да матушке попадье воды принести (река под крутою горою, и труженик всякий день таскает ведра в гору), да скотинку обрядить (накормить: человека кормят, а скотину обряжают), за то сахаром (пищей) сыт, дай Бог здоровья.

Василию Абрамычу лет сорок. Двадцати лет от роду он взял в замужество бедную дворянку, жив-

шую верстах в пятидесяти от его усадьбы. Жена тотчас потребовала, чтобы муж ее отделился от родного брата, с которым он жил неразлучно и который имел большое семейство. На долю Василия Абрамыча следовало только семь десятин земли, при разделе он должен был взять половину строения, и без того небольшого, и половину засеянного хлеба. Он рассчитал, что этот раздел доведет семейство брата до совершенной нищеты, а как он очень любил брата, то и не согласился на раздел. "А жена, дай Бог здоровья, — говорил он, — прожила месяц со мною да и отправилась на свою сторону, и с тех пор мы не видались. Потуживши, дай Бог здоровья, я и решил вот как: я один, с голода не умру, а у брата семейство, вот я законным порядком, дай Бог здоровья, и отдал свое имение брату, а сам пошел в сторожа. Ночью стерегу церковь, а днем батюшке священнику помогаю по своему уменью".

Попадья, женщина вспылчивого характера, беспрестанно на него шумит. Не раз случалось, что отец Петр, возвращаясь домой, спросит барина: "На кого матушка кричит?"

— Наталья Федоровна изволит беспокоиться, меня бранит, — отвечает добрый Василий Абрамыч с смиренным видом.

Вот каков барин. Мало того, что отдал все имение брату, но еще находил возможность помогать ему деньгами из своих ничтожных средств. В свободное время он дерет лыко, собирает грибы, сушит лесную малину и другие ягоды и долбит для продажи из осиновых кряжей дупелки, или кадочки для масла, меда, круп. Выдолбив дупелку, ее распаривают в горячей воде, вставляют в нее дощатое дно, а когда она сохнет, то и заберет накрепко это дно.

Брат Василия Абрамыча имеет восемь человек детей, он терпел крайнюю нужду и, не имея ни одного работника, кряхтел один-одинехонек, поддерживая семейство своими трудами. Бывало, в зимнюю ночь едет кто-то мимо окон на дровнях и попевает тихонько песенку, смотрю: это идет Иван Абрамыч. Работая даже по ночам, он вырастил двоих сыновей, которых задумал отпустить на службу. Бедные соседи ему помогли: кто дал 10 копеек серебром, другой, побогаче, 50 копеек серебром. Снарядил Иван Абрамыч детей и отправил с котомками в Москву пешком. Так как они с нуждою читали и писали, то и не могли поступить в юнкера. Тогда сами мальчики явились в полк, записались в солдаты и служили в нижних чинах одиннадцать лет. Наконец, под Севастополем были произведены в офицеры. Один из них был убит; после его смерти была прислана бумага в Буевский уезд и потребовали сведения о семействе убитого. Когда узнали всю истину, то и назначили Ивану Абрамычу пенсию, 150 рублей серебром в год. Бедный человек вышел теперь из нужды, живет счастливо и благословляет милость царя.

Возвратимся, однако, на праздник Анфисы Даниловны. Она чрезвычайно обрадовалась моему приезду и пожаловала меня в самую почетную гостью, повела меня в залу, где сидел ее раненый, больной брат, про которого рассказывала, что он получил на войне

два турецкие ядра в спину и три стрелы в ноги, и пустилась бегать и хлопотать, чтобы барышни и кавалеры потанцевали. "Господа гимназеи! Что ж вы не танцуете? — говорила она приехавшим на вакацию двум высоким гимназистам. — Упять не загордились ли вы?" Гимназисты с самодовольством раскланялись. Тотчас явилась гитара, заиграли старую кадрили на голос "чижика", и начались танцы. Матушки и тетушки улыбались и чуть не плакали от удовольствия. Я обратилась к одной из них и похвалила ее дочку, сказав, что она недурно танцует.

— Ах, матушка, мы все молим Бога за Анфису Даниловну, она беспокоится, сама их учит.

— Как? Да я знаю, что Анфиса Даниловна никогда не танцевала и не имеет понятия о танцах.

— Нет, матушка, мастерица, судите по нашим детям.

Ну, подумала я, глядя на уморительные прыжки танцующих: это видно, что Анфиса Даниловна их учила.

— Да скажите мне, — заметила я вслух, — как же Анфиса Даниловна могла их учить танцевать?

— А как поедет она в Кострому с братцем своим за пенсионом, а в Костроме она живет недели по две, так и ходит она в гимназию навестить племянника и посмотреть, как учат танцевать, да и примечает все, дай Бог ей здоровья, а как вернется сюда, так соберет к себе наших-то детей да и учит. А заметили вы, матушка, как сынки наши кланяются? Все она же их учила, как шаркать ногой и к ручке подходить.

К нам подошла Анфиса Даниловна в ситцевом коротком платье, так что видны были ее толстые ноги, обутые в домашние чулки и неуклюжие башмаки из выростка.

— Гостя моя дорогая, и вы, дражайшие соседи, милости просим хлеба-соли откусать. Отец Петр, благословите.

Мы пошли в столовую.

После обычной молитвы священника все сели молча за стол, на котором было расставлено около пятнадцати разных блюд. Горячего тут не было, и потому угощение называлось не обедом, а закуской.

Нам прислуживали мальчик Алешка и две девки: Марьяца и Авдотьца*, в ситцевых сарафанах, с длинными висящими косами и с лентами, вплетенными в их концы, а обуты они были в босовики — род кожаных полуботинок. Простые же крестьянки носят косы, похожие на ботинки и отороченные красною кожей.

Пирогов к закуске были четыре сорта: кулебяка с рыбой и кашей, пирог с курицей и яйцами, маленькие пирожки с серою молодого капусты и яйцами, и к ним растопленное скоромное масло, и, наконец, слоеный пирог с вареньем. Из холодных — поросенок огромный в сметане и с хреном, полотки гусиные, студень и окрошка; соусы: красный из рябчиков с ры-

* Слуг называют всегда уменьшительными именами, хотя бы они были дряхлые старики; на вопрос, кто пришел, какой-нибудь седой слуга откликнется: "А я, матушка, Гришка, к вашей милости пришел за приказанием".

жиками и утка в сметане с груздями; жареное: гусь, заяц, утка; к жаркому огурцы, рыжики соленые и отварные, брусника и кочанный салат с яйцами и сметаной, за неимением прованского масла; пирожное — хворост узелками и разными затейливыми фигурками, розаны и скоропостижные блины, тоненькие, из муки, растворенной на молоке и яйцах.

Но прежде всех этих блюд гости принялись за глазунью, или исправницу: так называется простая яичница на сковородке. Исправницею она называется потому, что это обыкновенное блюдо исправников, которые, торопясь встречать губернатора или проезжая на следствие, на обывательских квартирах в деревнях, требуют обыкновенно глазунью, потому что она поспеет скорее всякого другого кушанья.

Перед нами стояло в кувшинах сладкое и горькое пиво, а для барышень заквасочка, то есть сусло без хмеля, которое слаще кваса; были также и наливки: чернишная, малиновка и смородиновка, подслащенные медом; впрочем, для избранных гостей были особые бутылочки с неподслащенными наливками. Налиють рюмочку для дорогого гостя да и подсыплют в нее толченого сахару.

Забавно было видеть, как пристально и умильно некоторые гости смотрели на блюда и как заранее глотали в нетерпеливом ожидании приглашения и потчеванья.

("Русский вестник", 1857, т. VII, кн. 2.)

ОКОНЧАНИЕ
СЛЕДУЕТ.

ХРОНИКА НАСТРОЕНИЙ

Некоторые благородные дамы Буйского уезда, по чувству христианской благотворительности желая доставить возможное облегчение в крайней бедности неимущим особам своего сословия, согласовались посвятить для этой цели труды свои и с дозволения начальства разыграли в потерю разные свои рукоделья. Из числа ста десяти рублей серебром, приобретенных таким образом, раздав одну половину бедным, стыдящимся просить милостыню, другую часть вырученной суммы пожертвовали на наем квартир и покупку книг и учебных пособий для бедных дворян, обучающихся в Буйских училищах, каковая сумма и доставлена к штатному смотрителю помянутых училищ для назначенного употребления.

"Костромские губернские ведомости", 1841 г., № 18.

ВОСПОМИНАНИЕ О Ю.В.ЖАДОВСКОЙ

Может быть, странным покажется, что я, двоюродная сестра, воспитанница и друг Юлии Валериановны Жадовской, прожившая с ней неразлучно с восьмилетнего своего возраста до самой кончины ее, не участвовала в издании ее сочинений моими сведениями о ее жизни. Чтобы объяснить это, я должна коснуться некоторых семейных дел. Отец Юлии Валериановны, бывший почему-то недоволен своим сыном и женой его, все свое состояние передал дочери, но Юлия Валериановна, не желая воспользоваться этим, половину суммы, полученной за имение, передала брату, а на оставшиеся у нее деньги купила усадьбу в Костромской губернии, которую, любя меня, как родную дочь, оставила мне после своей смерти. Это до такой степени раздражило ее брата, что он старался уничтожить ее духовную и даже бросить черную тень на мою беспредельную привязанность к моей второй матери, но не успел в этом. Таким образом, при издании ее сочинений он не обратился ко мне за более верными сведениями, и поэтому в биографии ее вкралось много неверностей и неполноты, что я считаю своей обязанностью исправить, в память той, которой я всем обязана.

Как известно по биографии, в 1824 году 29 июня родилась Юлия Валериановна Жадовская. Мать ее, урожденная Готовцева, была родная сестра той Готовцевой, на послание которой отвечал Пушкин. В семье матери Жадовской все обладали замечательными сценическими способностями и способностью писать стихи, но ни у кого поэтический талант не проявился в такой степени, как у Юлии Валериановны. По несчастной случайности, мать Жадовской на третьем месяце беременности упала с лестницы, и вследствие этого девочка родилась с одной правой рукой, на которой было всего два развитых пальца и

третий небольшой, только до ногтя; у левого плеча были тоже два пальца, из которых только один мог двигаться. Когда мать увидела недостаток дочери, она не только не огорчилась этим, но как будто обрадовалась, воскликнув: "Она будет моим другом и



Юлия Валериановна Жадовская.

моим утешением!", и, бывши очень несчастлива в супружестве, всю страсть молодой души перенесла на девочку. Ребенок всех поражал необыкновенной смьшленностью, ловкостью и силой. Например, ей было не более пяти или шести месяцев, как одна хорошая знакомая дала ей варенья, через несколько минут она, сидя на руках у няньки, пальцами ноги подняла тарелочку с вареньем и подала знакомой, чтобы та дала ей еще. Мать испугалась, что она будет все делать ногами, и стала обувать ее, но на всю жизнь в ней осталась необыкновенная гибкость в ногах, которыми она впоследствии, обутая в ботинки, помогала себе при женских рукоделиях, в которых была очень искусна.

Через год после рождения Жадовской родился ее брат; мать ее простудилась после родов и получила скоротечную чахотку, от которой скончалась 22-х лет. Почувствовав, что ей остается жить недолго, она сама привезла полуторагодовую любимую дочь к своей матери, Настасье Петровне Готовцевой, в Буйский уезд, в уединенную усадьбу Панфилово, в которой та жила с своей старшей дочерью, Марьей Ивановной, оставшейся в девицах, и просила ее заменить мать бедной сиротке. Жизнь свою у бабушки Жадовская описала в первой части своего романа "В стороне от большого света", несколько не идеализировав старушку, как совершенно неверно выразился биограф Юлии Валериановны. Бабушка боготворила ее, да и все окружающие обожали умную, кроткую, иногда веселую, как птичка, девочку. Никогда: ни в детстве, ни в молодости, ни в преклонных летах — она не тяготилась своим физическим недостатком, но умела так приучить к нему окружающих и даже новых знакомых, что почти никто не замечал его. Не было почти работы, кроме вязанья, которую бы она не сумела сделать своими двумя пальчиками. Способности у нее были громадные. Не шести, а трех лет она уже прекрасно читала, а так как бабушка не знала, как начать учить ее писать, то сперва одним пальцем писала ей буквы то на песке, то на отпотелом оконном стекле; потом она уже сама приоровилась, как держать перо двумя пальцами, и имела прекрасный твердый почерк.

После покойного нашего деда осталась большая библиотека, состоявшая большею частью из сочинений Вольтера, Экарстаузена, Жан-Жака Руссо и других философов. Старушка-бабушка дала девочке полную волю читать все, что ей вздумается; тетка редко бывала дома, так что руководить вы-

бором книг было некому, и девочка читала все, что ни попадало под руку, но особенно пристрастилась к философским и религиозным книгам: в уме ее всегда преобладал этот элемент, и самая любимая тема ее разговоров была философически-религиозная. До 12 лет она жила почти в полном уединении, окруженная старой прислугой, старыми соседками бабушки, бедными дворянками. Единственным другом ее детства была ее двоюродная сестра, жившая с матерью, вдовой умершего сына бабушки, в той же усадьбе. Об этой подруге и ее матери Юлия Валериановна тоже подробно пишет в своем романе "В стороне от большого света", где они выставлены под именами Марьи Ивановны и Лизы. Вообще, вся первая часть этого романа есть полная, правдивая автобиография Жадовской. Наружность Жадовской была очень симпатична. По уродливому портрету, приложенному к первому тому ее сочинений, нельзя получить даже малейшего понятия о ее физиономии. Она не была красивой; но бывали минуты, когда лицо ее дышало такой прелестью выражения, что она невольно обращала на себя внимание. Она была среднего роста, тонка и чрезвычайно грациозна в молодости, несмотря на свой недостаток. Цвет лица у нее был очень нежный; длинные, густые, мягкие, как шелк, волосы орехового цвета спускались ниже колен. Впоследствии от болезни она должна была остричь их. Глаза темно-серые, задумчивые и грустные, ноги были замечательно хороши и гибки. Характер ее был чрезвычайно ровный, веселый и даже резвый от природы; со временем горе и тяжелая жизнь уничтожили в ней живость и шаловливость, но никогда никто не видал ее мрачной и унылой; она так умела скрывать свои физические и душевные страдания, что даже самые близкие люди едва замечали их, но и тут она так умела успокоить окружающих и представить свои страдания легкими и неважны-

ми, что уже только теперь, сообщая всю ее жизнь, приходишь к заключению, что она была глубоко несчастная женщина, и удивляешься, как до самой смерти она могла сохранить такую ясность духа, такую ровность характера.

До 12 лет она почти ничему не училась, в том смысле, как учатся другие дети, но чтение дало ей много познаний и развило ее мыслительность. В это время приехала ее тетка Готовцева-поэт, бывшая уже замужем за Корниловым, и упросила бабушку отпустить с ней Юлию Валериановну, чтобы поучить французскому языку. У тетки она прожила почти год и при своих замечательных способностях изучила этот язык почти так, как другие изучают его во время полного институтского курса. Возвратясь к бабушке, она прожила с ней до 14 лет в прежнем уединении. Среди старых книг, старых людей, цветов и природы. Наконец, отец ее вспомнил, что пора заняться ее образованием и, к великому горю бабушки, поместил ее в частный костромской пансион Преве-де-Люмьер (а не Прибытковой, как сказано в биографии), где с первых же дней она стала любимицей начальниц, учителей и подруг. Ничего нового не приобрела она там: учение шло рутинное, никто из преподавателей не понял, что Жадовская

ничему не училась фундаментально, и она показалась всем более знающей, чем те из девиц, которые поступили в пансион гораздо ранее ее. Так, например, учитель русского языка Александр Федорович Акатов (Перевлесский никогда не жил в Костроме и никогда не давал уроков Жадовской в пансионе — биограф ее в этом случае сделал громадную ошибку), увидав, что она совершенно правильно пишет по-русски, нашел, что преподавать ей грамматику лишнее, и заставил ее учить наизусть "Поэзию" своего сочинения, начинающуюся так: "Поэзия есть выражение и дивный отголосок души и чувства". И в таком роде целые страницы, которые должны были декламировать ему самым восторженным голосом старшие воспитанницы, между которыми первое место занимала Жадовская, не знающая самых первых грамматических правил. То же было и с другими учителями. К концу года она сама поняла недостаточность такого учения и сказала об этом отцу, который из пансиона взял ее уже к себе в Ярославль и, по ее просьбе, пригласил давать ей уроки русского языка тогда еще очень молодого учителя ярославской гимназии Петра Мироновича Перевлесского, известного своим "синтаксисом" и другими трудами. Читая один раз поданное Юлией Валериановной сочинение на какую-то заданную тему, Перевлесский вздумал уговоривать ее попробовать писать стихи, говоря, что он чувствует, что у нее есть поэтический талант. Сперва она как будто испугалась и стала уверять его, что никогда не могла прибрать ни одной рифмы, но потом согласилась сделать опыт...

В продолжение трех уроков Юлия Валериановна угощала своего наставника этими стихами, вызывавшими у него неудержимый смех. Не имея болезненного, мелочного самолюбия, она сама от души смеялась над своими неудачными опытами. Несмотря ни на что, Петр Миронович настаивал на том, чтобы она продолжала, и вот на четвертый урок она подала ему следующее:



Петр Миронович Перевлесский.

*Лучший перл таится
В глубине морской;
Зреет мысль святая
В глубине души.
Надо сильно буре
Море взволновать,
Чтоб оно в бореньи
Выбросило перл;
Надо сильно чувству
Душу потрясти.
Чтоб она в восторге
Выразила мысль.*

Прочитавши это, Перевлесский с восторгом вскричал: "Я чувствовал, что у вас есть талант!" С этого времени Юлия Валериановна вся отдалась поэзии, особенно с тех пор, как в душу ее закралось чувство любви, глубокой и искренней, к тому, кто первый возбудил таившийся в ней огонь поэзии. Отец Жадовской с восторгом узнал о таланте своей дочери, и ей не только не нужно было скрывать свои занятия и писать по ночам, как говорит совершенно несправедливо ее биограф, но талант ее был его утешением и гордостью, и он все силы употреблял, чтобы дать ей возможность развития его. Он выписывал для нее все, что только выходило тогда в литературе; не имея больших средств, он, не жалея ничего, ездил с ней несколько раз в Москву и Петербург. Он был деспотичный, суровый человек в семейном быту, но в высшей степени был честный и добрый и страстно любил и уважал свою дочь, которая со временем своей кротостью и тактом незаметно для него приобрела над ним большое нравственное влияние. Совершенно неожиданно и помимо своей воли Перевлесский, покровительствуемый тогдашним попечителем графом Строгоновым, был переведен в Москву, и только при последнем свидании он и Юлия Валериановна высказали друг другу чувство, глубоко вкоренившееся в их сердцах. Они оба обратились тогда к отцу Жадовской, но, к несчастью, в то время сильно было развито чванное барство, и отец слышать не хотел, чтобы дочь его, председателя гражданской палаты и родового дворянина, вышла за простого учителя гимназии и сына ка-



Валериан Никандрович Жадовский,
отец поэтессы.

кого-то бедного дьячка. Этот предрассудок старинного барства разбил всю жизнь Юлии Валериановны и надломил ее крепкий от природы организм. Пятнадцать лет любили они друг друга, и ни слезы, ни страдание любимой дочери не могли переломить закоренелого деспотизма отца, для которого Юлия Валериановна, несмотря на это, оставалась до конца его жизни любящей, покорной дочерью. Единственным утешением была для нее поэзия, и ей всецело предалась она...

В 40-х годах была издана первая книжка ее стихотворений, вызвавшая лестный отзыв Белинского. В это же время она несколько месяцев жила в Петербурге, где была сочувственно встречена во всех бывших тогда литературных кружках. Всех заинтересовала эта молоденькая девушка с таким кротким, смиренным видом и вместе с тем с таким серьезным, развитым взглядом на жизнь, науку и искусство.

Когда ей было 19 лет, она, по согласию отца, взяла на воспитание меня — свою двоюродную сестру, дочь своей любимой тетки. Мне было 8 лет, и Юлия Валериановна посвятила мне всю жизнь свою, а после смерти моей матери вполне заменила мне ее...

Несмотря на болезненное состояние, вызванное сердечным

горем и тяжелой жизнью с отцом, Жадовская постоянно занималась литературой. В 1859 году она написала эпизод из неоконченного романа под названием "Первая любовь", который был автобиографией самой Юлии Валериановны и был напечатан в "Москвитяине". Михаил Павлович Вронченко, с которым она была в постоянной переписке, настаивал, чтобы она продолжала этот неоконченный рассказ, и из него составил роман "В стороне от большого света", названный Добролюбовым "замечательным романом". Не буду говорить о ее других литературных трудах, это известно из ее биографии. Стихотворений она с 60-х годов почти уже не писала. "Любовь исчезла из моего сердца, — говорила она, — и поэзия меня оставила".

Биограф Жадовской совершенно неверно приписал Юлии Валериановне очерк "Житье-бытье на Кореге" и включил его в ее полные сочинения. Этот очерк был написан нашей родной теткой, Марьей Ивановной Готовцевой, исправлен и напечатан Иваном Петровичем Корниловым, который может сам удостоверить это, так как находится еще в живых. По поводу этого очерка родной брат мой, Иосиф Петрович Готовцев, уже умерший, бывший любимым другом Юлии Валериановны, написал следующее юмористическое стихотворение, которое я привожу здесь в удостоверение справедливости моих слов:

УВЕДОМЛЕНИЕ

(По случаю статьи "Житье-бытье на Кореге", сочиненной Марьей Ивановной Готовцевой)

Что вы наделали,

Марья Ивановна!

Мирную вы взволновали Корегу:

Марья Сафроновна,

Анна Степановна —

Все поднялись на военную ногу.

Сидорыч бедный

пришел в исступление,

Бьет, хромоногий, неистово сбор,

Все собрались против вас

в ополчение,

Все вам готовят кровавый отпор.

Боже мой праведный!
 Если б вы видели,
 Как здесь волнуется мал и велик,
 Все говорят,
 что вы их разобидели,
 Тьму против вас
 представляют улик.
 Дицерь неизвестности —
 область Корежскую
 Вы посмеянью подвергли молвы,
 Даже и ярмарку нашу
 Фроловскую
 Всю распечатали вы.
 А "губернаторицу" нашу
 почтенную
 "Прозерповали" вы просто навек,
 Всех осмеяли
 печатью презренною —
 Экой вы злой человек!..
 И Сынбаровские тоже обижены:
 Прозваны вами в насмешку
 "князья".
 Вашей статьею даже унижены
 Батюшка-поп и мать-попадья.
 Были теперь уж у них совещания,
 Под председательством
 милой "упяты",
 И Звонаревский кричал
 в их собрании:
 "Слышь! Надо просьбу подать!"
 Дмитриха Марья,
 туда же с улыбочкой —
 Эта ничтожная тварь —
 "Всех не забыла, —
 пиццит им с ужимочкой, —
 Даже помянут и наш пономарь".
 Ну, одним словом,
 теперь без изъятия

Здешние все против вас, господа,
 Выдумать злые хотят
 предприятия,
 Хоть и не ездите просто сюда.
 Что вы наделали,
 Марья Ивановна!
 Мирную вы взволновали Корегу,
 Марья Сафроновна,
 Анна Степановна —
 Все поднялись на военную погу.

Здоровье Юлии Валериановны
 стало все более и более слабеть, и
 она уже с трудом могла заниматься.
 Вскоре, после "Женской Исто-
 рии", она написала небольшой
 рассказ "Отсталая", который сама
 считала слабым и неразвитым...

Не получивши нигде облегче-
 ния от своей болезни, сестра моя
 возвратилась в Ярославль и
 вышла замуж за друга нашего
 дома, Карла Богдановича Севена,
 замечательно искусного врача и
 умного, вполне симпатизирующе-
 го ей человека. Она всецело посвя-
 тила себя мужу и больному, пара-
 личному отцу, за которым, сама
 слабая и больная, она пять лет
 ухаживала, как за любимым ре-
 бенком, и неутешно плакала,
 когда он умер. После смерти отца
 Юлия Валериановна, надеясь, что
 родной воздух оживит и поправит
 ее, в 1870 году продала свой дом в
 Ярославле и купила имение в 7-ми
 верстах от маленького уездного
 городка Буя, Костромской губер-

нии, недалеко от той усадьбы, где
 она жила с своей бабушкой в дет-
 стве, и переехала туда с мужем и
 со мной. В 1881 году она потеряла
 мужа, которого нежно любила, и
 потеря эта еще более потрясла и
 без того слабое ее здоровье. Горе
 свое она, привыкшая к горю, пере-
 носила твердо, с какой-то особен-
 ной грустной кротостью; по
 целым часам она или читала еван-
 гелие и библию, или занималась
 вместе со мной цветами, которые
 страстно любила, в них находила
 она отраду и утешение в потере
 человека, вполне симпатизиро-
 вавшего ей и боготворившего ее.
 Раз как-то в разговоре я сказала,
 что если переживу ее, то брошу за-
 ниматься цветами. "Нет, в память
 мою не бросай цветов, — сказала
 она мне, — они мне дали силу
 пережить мое тяжелое горе, а для
 тебя они будут духовной связью
 со мной".

С 16-го марта 1883 года у нее
 стали делаться припадки стесне-
 ния в груди и занятия дыхания. В
 это время она чувствовала страш-
 ную боль в груди, невозможность
 вдохнуть в себя воздух, лицо дела-
 лось мертвенно бледным, глаза
 получали неопределенный взгляд,
 дыхание прекращалось на не-
 сколько секунд. Доктор, пользо-
 вавший ее, находил, что это груд-
 ная жаба, но уверял меня, что она
 безопасна. Обладая необыкновен-
 ной наблюдательностью и анали-
 зом во всех случаях своей жизни,
 она, пришедши в себя после пер-
 вого приступа этой страшной бо-
 лезни, так говорила мне о своем
 состоянии: "Не бойся смерти, мой
 друг, сегодня она заглянула мне в
 глаза, и теперь я знаю, что уми-
 рать не страшно и не тяжело:
 когда я потеряла возможность ды-
 шать, то почувствовала необык-
 новенное спокойствие во всем су-
 ществе и потом как бы полетела в
 беспредельное пространство,
 только твой отчаянный крик, как
 электрический удар, потряс все
 мое существо и возвратил к
 жизни". Сильных припадков было
 только пять, и пятый убил ее, но
 не проходило дня, чтобы она не
 чувствовала трепетания во всех
 нервах, так что с марта до послед-
 него дня не могла ни громко гово-



Усадьба Голстикова. Фото начала века.



А.П.Готовцева-Федорова,
автор воспоминаний.

рять, ни много ходить, хотя почти постоянно сидела с нами, но, видимо, слабела с каждым днем. Я описываю подробно ее болезнь, доведшую ее до могилы, потому что в ее биографии сказано, что "она скончалась скоропостижно и при довольно странных обстоятельствах"... Что хотел выразить г. биограф, написавши такую небывлицу, я не понимаю. В услужении у нее жила, и по настоящее время живет в моем доме, очень преданная ей женщина, которую сестра моя очень любила. Не желая огорчить меня, она постоянно говорила ей, что чувствует, что скоро умрет, а за два дня до своей кончины взяла с нее слово не оставлять меня, когда ее не будет. 28-го июля, в день своей кончины, рано утром она чувствовала легкое стеснение в груди и нервное волнение, но потом целый день была весела и покойна. В соседстве с нами живет семейство, состоящее из трех сестер, которое 15 лет связано с нами самой нежной дружбой. Накануне 28-го приехала к нам одна из них, г.Валухова, и в день своей смерти сестра много говорила с ней о литературе, находя в ней талант, уговаривала ее писать и благословила на труд, потом сказала: "Мне кажется, я начну опять писать, но так как сама не имею сил, то попробую диктовать Насте" (так на-

зывала она меня). Прежде она никогда не диктовала мне своих произведений, а всегда писала их сама, и в этом случае биограф ее ошибся. После этого разговора она пошла с нами в сад, позвала рабочих, при себе приказала сделать новый цветник, проложить новую дорожку и скопать грядку для пересадки малины, при этом, шутя, сказала мне: "Ну, миленькая моя, не жалея, что я оторвала работников от сенокоса; пожертвуй мне этот день — мне непременно хочется сегодня все это сделать". Три раза в этот день она сходила в сад, несмотря на мои просьбы не утомлять себя. Возвратясь последний раз домой, она почувствовала себя дурно, начался сильный припадок, вместо дыхания из груди ее вырывался страдальческий крик, так продолжалось минут десять, потом, собравшись с силами, она сказала мне задыхающимся голосом: "Вот теперь я умру". Потом попросила меня перевести ее на кровать — до этого она сидела в кресле, но не легла на нее, а села, поджавши ноги, раза три наклонилась всем корпусом вперед, по лицу пробежала легкая судорога, и она стихла. Я думала, что припадок прекратился, и была совершенно спокойна, не ожидая ничего дурного. Около ее кровати стояли я, любимая ею женщина, и меньшая сестра моя. Вдруг она откинулась на грудь моей сестры, и я увидела с ужасом, что взгляд ее сделался безжизненным и дыхание прекратилось; после этого она еще тихо вздохнула три раза, и все было кончено. Ни мои неутешные рыдания, ни мольбы не могли уже на этот раз вернуть ее к жизни... Погребена она рядом с своим мужем, в приходе Воскресения, где ежегодно бывает Фроловская ярмарка, описанная в записках Гульпинской. Церемония погребения совершилась в деревенской церкви, без оаций, без лавровых венков, но гроб ее был покрыт живыми цветами, взлелеянными ею самой, а вокруг лились непритворные слезы друзей, знакомых и простого народа, находившего в ней поддержку и помощь при каждой житейской невзгоде...

("Исторический вестник", 1887 г. т. XXX. Печатается с сокращениями)

ХРОНИКА НАСТОЯЩИХ

СЕЛО МОЛВИТИНО. В пятницу 2 января местными любителями дан был спектакль, чистый сбор поступит в пользу наших многострадальных и доблестных союзников — героев сербов.

Спектакль привлек массу публики и дал полный сбор. Поставлены были: 2-актная комедия Канаева "Бабые дело", "Хирургия" Чехова, "Не знаешь, где найдешь и где потеряешь, водевиль в 1 действии, и, наконец, живая картина "Бурлаки"...

Живая картина "Бурлаки" была недурно задумана, но исполнению ее помешала не столько слабая декламация М.Г.Лафина, сколько не предвиденное даже начальством обстоятельство, которое могло превратиться в весьма крупное несчастье.

И.И.Зимин, почетный член Молвитинской пожарной дружины (какая злая ирония судьбы), заронил часть бенгальского огня под поп сцены и громогласно возгласил: "Горим, горим!" Кто-то произнес роковое "пожар", и в результате паника. Все бросилось к выходу. Со многими произошла истерика.

К счастью, отделались только испугом. Огонь под сценой потух, но тут в инцидент вмешался местный становой пристав Вишневецкий, который объявил спектакль законченным, несмотря на все заявления распорядителя.

Только придя в себя немного, молвитинцы отдали себе отчет, какой опасности они подвергались. Спектакль происходил в гостинице Сутягина в третьем деревянном этаже. Здание уже старое, балки ненадежны, имеет два выхода с узкими деревянными лестницами, причем двери открываются внутрь помещения, а не наружу, как того требует закон... Противопожарных средств на сцене не оказалось, пожарник с гидрантом стоял на другом конце зала и не мог проникнуть на сцену, чтобы оказать помощь.

Таким неожиданным дивертисментом закончился сербский спектакль...

"Поволжский вестник", 1915 г., № 2498.

БЫЛ ТАКОЙ ГОРОДОК БЕРИСТОЛЬ...

Тринадцатого июля прошлого года исполнилось 170 лет со дня рождения Павла Валериановича Жадовского, младшего брата Юлии Жадовской. То, что он, как и сестра, был поэтом, я узнал случайно, листая каталог русской поэзии из библиотеки И.Н.Розанова. На форзаце одного из двух имеющихся в собрании Ивана Никаноровича сборников стихов была следующая запись бывшего ее владельца: "Павел Валерианович Жадовский. Род. 1825, умер 24 июля 1891. Отставной штабс-капитан, воспитанник 1-го Московского кадетского корпуса, участник венгерской комп. и "Севастопольской войны", несколько раз ранен. В 1860 Кузнецкий городничий, потом начальник (ну, не начальник, как я позже выяснил, а полицейский исправник) Чухломского уезда, получил адрес читателей с 2000 подписей. Произведения свои печатал в "Современнике", "Москвитяине", "Библиотеке для чтения", "Отеч. зап."

И мне стало любопытно.

Сам же я жил как-то невнятно, не мог выдохнуть печаль, накопившееся пустое время. Хотелось сделать какой-то легкий, незряшный жест. Вкусно пахло уходящим, исчезающим летом, но окрестный пейзаж уже туманило, застило, сносило в сторону косым, медленным, странным идущим — ни облачка, ни тучки! — дождем...

Виноват, виноват, любезный Павел Валерианович... Простите! Дрогнул. Возгорелся краеведчески, глядя на первое кленовое озарение. Потерял нюх. Ах, как отполировано заботливыми прикосновениями прошлое бытие — предметы, финтифлюшки всякие... Нельзя и отпечатков пальцев снять с чернильницы, в кою перо свое умакивал, ну, не Пушкин, а вот хоть бы тот же и Жадовский...

В общем, каюсь, что, раскрыв-таки книжицу его стихов и добросовестно прочитав с начала до конца, а также, выборочно, в обратном порядке, испытал я некоторое разочарование, убедившись в явном однообразии мятений лирического героя стихотворца. По его же словам: "Я стал воплощением печали, которой нельзя утолить".

Увы, чудес не бывает! Стихи оказались, на мой взгляд, весьма средними, с терзаниями необыкновенными, с наивным обличительным креном, учитывающим, очевидно, уже царящую рядом беспощадную некрасскую музу. Как сообщалось во 2-ом томе роскошного, но доселе, кажется, не завершенного Биографического словаря русских писателей 1992 года издания, куда Павел Валерианович попал-таки: "...его дилетантские опыты, в которых характерен мотив неудовлетворенности... растворялись в массовой стихотворной продукции... и он остался безвестной фигурой для читателя и критики".

Дух Павла Валериановича, столь неосторожно потревоженный мной, считал, видимо, иначе... Во всяком случае чрез некую драматическую паузу он дал о себе знать.

Возжигая костерок на берегу Волги, глядя на скрюченную предсмертными осенними судорогами листву, на прожилки эти капиллярные, похожие на скелетики стрекозиных крыл, на сиреневый дымок, на жучка-дохлячка, краем глаза уловил я некую интерфернацию, сотрясение воздуха какое-то...

Бог весть, какую форму имеет душа!.. С надрывным криком "у-я!" пролетело мимо моего уха и драбанулось где-то внизу, в чахлом осиннике, тяжелое цинковое ведро.

— Вот а ей! — сказал мне человек, стоящий выше, на взгорье, и тихо, навзничь руками, ушел, твердо зная, что нету порядка в этой жизни. И тут нечто чрезвычайное произошло, но не изнутри меня, а как бы в небольшом отдалении, как бы даже из того самого ведра... Из него вдруг, как из вместилища тысяч и тысяч исчезнувших навеки человеческих душ, как из божественного рупора, как некий глас Господень, раздался голос, пугающий какой-то попусторонней, но завораживающей силой. И читал он стихи из сборника Павла Жадовского, знать наилучшесть которые я никак не мог, ибо, если бы даже учил их, то все равно бы забыл, по причине ненадтренированной памяти.

*...Я вдруг услышал голос тихий;
Он был похож на чей-то вздох,
Он из волны ко мне принесся,
И я стал слушать, сколько мог.*

*"Ты хочешь знать, о чем мы вечно
Между собою говорим,
Мы говорим о нашей доле,
Мы лучшей участи хотим.*

*Взгляни! Мы так, как вы, в неволе —
Однообразен долгий путь,
И берегами, как цепями,
Навек охвачена нам грядь".*

И далее:

*"Мы ждем, как вы, шой свободы,
И знаем, что настанет день,
Когда вельнем высшей силы
Навек исчезнет ночи тень".*

Слова становились все неразборчивее, вещающий сиял как бы немного захлебываясь, страдал не то грудной жабой, не то обыкновенной одышкой, однако концовку выдал легко, с затихающим, но просветленным чувством.

*Тут с шумом ветра голос слился,
Но видел я и в тьме ночной,
Как белой пеною блистая,
Волна бежала за волной.*

Темнело. Волны и впрямь блистали, а затем истаявший вроде бы насовсем голос торжественно и назидательно произнес:

— Москва. 1861-й год.

Ну, этот год любой школьник помнит! Реформа крестьянская. Манифест 19 февраля. Конец крепостничеству. Да, стихи были помечены этой датой, и смысл их, видимо, выражал некоторое либеральное недовольство на недостаточность отмашки царственной длани.

Совершив ретираду в домашний уют, понимая, что сие мистическое происшествие не случайно, я сел за письменный стол.

В принципе, уже и того, что Павел Валерианович собрание сочинений сестры издал, хватило бы, чтобы его незлым словом помянуть! Да ведь вот еще что... Книжица цепляется за книжицу, теребит за рукав — прочти и это вот еще, тут, может, как раз то, что тебе и надо... Ах, эти сноски, библиографические отсылы, примечания, комментарии всякие!.. И уже знал я, зачем дался мне Павел Валерианович. О нем стоило писать вот с какого бока: оказался Жадовский автором творения, являющегося ныне, как выразился в журнале "Русская литература" (1967, № 1) филолог Л. Светлов, "величайшей библиографической редкостью". Проза это была, а не стихи. Роман "Житейские сцены".

Беристоль — так назывался уездный городок из запряженного навеки повествования Павла Валериановича. Беристоль — это было хорошо, красиво... Весьма романтическое название, с ассоциациями какими-то хорошими.

Но тут пора повнятней о сути дела...

В 1859 году в типографии С. Селивановского должно было появиться отцензурованное Никитой Гиляровым-Платоновым творение Жадовского. Когда отпечатанная книга вместе с оригиналом рукописи была представлена цензору для подписания билета на выпуск в свет, он заметил, что многие листы с его пометами вырезаны, заменены другими, а почерк подделан. Дело о подлоге было передано московскому оберполицимейстеру, а затем в Уголовную палату. Задето было, наверное, самолюбие надворного советника Никиты Петровича Гилярова, не привык он, когда его за нос водят. Я так понимаю, что Павел Валерианович некоторый моветон совершил во взаимоотношениях, изволив не согласиться с цензурской правкой, вот и нашла коса на камень. Пунктуальный человек Гиляров был — на Докладную записку его смотреть страшно: столько в ней цифири с указанием страниц подмененных. Не записка, а логарифмическая таблица какая-то! Представляю, как он рукопись бедного автора правил... Впрочем, человеком слыл неплохим, да и сам в журналы статьи пописывал. Главными и современными для России выделял три идеи (и тут все по пунктикам разложено!). На первое место по значимости цензор ставил... улучшение быта крестьян и искоренение крепостного права. Это несколько противоречило

тому, что он в Докладной о романе Жадовского написал: "... отношения крепостного права выставлены... в самых мрачных красках... помещик представлен... без пощады жестокосердным, а крестьяне до крайности угнетенными..." Ну, да ладно! Вторая идея, по мнению Никиты Петровича, — это облегчение физического труда человека, усовершенствование промышленности. Третья, современная, по Гилярову, идея — идея о б л и ч е н и я. Рассматривая сии животрепещущие проблемы, он ставил вопросы таким образом: "Православно ли... освобождение их (крестьян) от крепостной зависимости или неправославно?.. Православно ли заботиться об улучшении вещественного быта человека?.. Должно ли обличать пороки или не должно?" "По моему мнению, это весьма православно", — отвечает Гиляров на все три вопроса. Выходит, о том же, что и Жадовский, радел.

Реформа назревала как неизбежное явление природы. Ждали ее и "славянофилы", и "западники". Да и "обличительная" литература, с некоторыми нюансами, общим достоинством была. Вот, например, из речи славянофила Хомякова: "Обличительная литература есть законное явление словесной жизни народа..." А когда Герцен из Лондона поиронизировал слегка над этим течением, то демократ Чернышевский к нему объясняться ездил. Вещь Павла Жадовского — из того же жанра...

Вердикт по делу его был аж 1 марта 1865 г. вынесен: "...Жадовского в допущении заведомой подделки скрепы цензора в своем рукописном сочинении оставить в подозрении". В апреле же 1866 г. весь тираж, за исключением десяти экз., был уничтожен, и стали "Житейские сцены" "величайшей редкостью".

Городок Беристоль мог бы предстать передо мной в виде пыльного такого захолустья, как написал Л. Светлов, "с его затхлым обывательским бытом, сплетнями, пьянством, скрытым и явным развратом и, главное, безнаказанностью бесчисленных преступлений и злоупотреблений местных помещиков-крепостников и царских чиновников". Но мне почему-то мерещились все какие-то фигурки, наподобие фарфоровых статуэток кузнецовской, допустим, фабрики. Уж больно игрушечные фамилии героев "сцен" понравились! Частный пристав Постоялов. Судья Пуд Прокофьевич Перепелкин. Помещик Данило Пузин. Казначей Чихирдомов. Еще какой-то Кольшкин... А положительные герои — офицеры пехотного полка, вроде, тоже в позах стоят, как оловянные солдатики, и изредка изнемогающих от ига крепостных спрашивают * :

— Что ж, вы, верно, работой замучены?

На что те отвечают: "Так, что и вздохнуть некогда, а тут подушное подай, нет, так корову, альбо лошаденку последнюю возьмут — все дочиста обобрали".

— А хотели бы вы быть вольными?

"Кабы вольные были, так по крайности одной земшине платили, а тут барин себе дерет, земщина себе — с одного козла две шкуры. Тяжко, ваше благородие, невтерпеж приходится..."

Сознаюсь, к стыду своему, не гнев это во мне вызывало праведный, а чуть ли не умиление простотой письма и упованием на "хорошую власть". Однако, все это

было свойственно почти всей "обличительной" литературе, так скажем, "второго ряда".

Уже в лето 62-го журналы "Современник" и "Русское слово" закрыли и тому же критику-демократу Чернышевскому дали возможность в тиши заточения очередной русский вопрос порешать не торопясь.

Реакция, выходит, наступала.

А Павел Валерианович... Лобастый, сильный, судя по фотографии, человек с хорошими такими ручищами, коими и за грудки мог, поди ж, прихватить во гнев... Трудно судить о его, так сказать, модусе вивенди. Это для краеведов работа.

А для меня и верно, та жизнь — осколки какие-то из бисквита фарфорового... Хотя, нет! Не так, пожалуй... С какой-то грустью заглянул я в его время. Проплыли передо мной некими туманными видениями сражения Севастополя, молдавские, валлахские и крымские пейзажи, которые он видел своими очами, а более всего мерещится мне теперь иногда там, на другом берегу Волги, тоже колеблясь в розовой призрачной дымке, городок Беристоль. Только не замордованный, грязный, а уже другой, каким его, наверное, хотел бы видеть Павел Валерианович — с веселым гомоном ребятни, с гудочками фабрик, с ярмарками, где что не крестьянин — то барин, что не купец — то молодец, с каруселями, с белой церквушкой над водой, с разноцветными пересвистами птиц в прибрежных серебряных

ивах... Привет, привет тебе, славный городок благоденствия Беристоль! Что-то ведь ты привнес и в мое существование, в пустеющую душу?

Жил мой герой еще долго, но как бы по нисходящей... Выходец из старинного рода, "дослужившись" до помощника почтмейстера в Самарской губернии, вышел в отставку. Печатался. Было там еще что-то темное, не красящее его лицо, да опять же — не мне судить... Умер в бедности в 91-ом году в Петербурге. Не состоялась жизнь, как сам задумывал. Сгорел главный труд.

И чем мне закончить это повествование, я не знаю. Может, строчкой какой из него — найдется, наверное, что-нибудь подходящее? Или уж не надо?.. Так, как-нибудь... Да и что эта "концовка" даст для вящего понимания чужой жизни, тронутой мной случайно, в осеннюю пору, так неосторожно? Простите, Павел Валерианович, великодушно.

И все же:

*Чрез волны страстей и страданий
Мы к пристани тихой пристанем,
И мир сохраним благодатный.
И горести жизни забудем.*

* Цитирую по вышеупомянутой статье Л. Светлова.

ДВА СТИХОПОВОРЕННЯ ПАВЛА ЖАДОВСКОГО

КЛЕВЕТА

*Когда меч грозный херувима
Гордыни духа поразил,
Тогда исполнен злобной мести
По каплям яд он свой излил.*

*Из этих капель ядовитых
Все страсти черные взошли,
И много горя и страданий
От них осталось для земли.*

*И между ними, величаясь
Своею адской красотой,
Живут две злобные сестрицы:
Измена с черной клеветой.*

*Чтоб сокрушить любовь и счастье
И мир нарушить дорогой,
Тут клевета-змея готова,
И извивается дугой.*

*И сыплет ласковые речи,
И в душу льется, точно мед,
А между тем рукой холодной
Яд разрушительный свой льет.*



Павел Валерианович Жадовский.

*И там, где адское дыханье
Ея оставит страшный след,*

*Там больше нет уже надежды,
И больше счастья там нет.*

1864. Чухлома.

* * *

*Народной песни звук печальный
Я жадно слушал, и ко мне
Как будто вздох страданья дальний
Вновь доносился в тишине.
И было в этой песне много
Тех безотчетных грустных дум,
Что сердце смутною тревогой
Заставят биться, сдавят ум;
И там, и здесь одно страданье
И всеобъемлющая грусть,
Тоска любви, воспоминанье —
Все, что мы помним наизусть.
Народа жизнь, народа слезы
В старинной песне той слились,
И исторические грозы
Передо мною пронеслись.
Вся Русь-страдалица вставала
Передо мной опять в цепях,
В неволе тяжелой изнывала
И разливалась в слезах.*

«РОДНЫЕ ДЕТРИ ПЛЯНУЛИ К СЕБЕ»

Только что скончавшийся Алексей Александрович Писемский принадлежал к таким художникам, благодаря "искре Божией", ярко в нем горевшей и проявлявшейся не только в прекрасных картинах и акварелях, им оставленных, но и в образах речи, которые он носил в себе. Будучи земляком, младшим товарищем его юных дней и другом, знающим подробно его жизнь, я постараюсь кратко обрисовать перед читателями некоторые черты его оригинального характера, связанные с его художественной деятельностью, и дать биографические штрихи, характерные для русской жизни и судьбы талантливых людей, вмещающих в себе много недогворенного в их "публичных" произведениях. Биография же А.А. особенно интересна тем, что характеризует борьбу с жизнью русского даровитого человека, выброшенного в детстве из дворянской среды на улицу и пробивавшего себе дорогу в жизненной сутолоке исключительно своим талантом.

Алексей Александрович родился 1 октября 1859 года в городе Буге Костромской губернии, в родовитой семье помещиков Писемских. Предок его был послан царем Иоанном Грозным с посольством в Англию к королеве Елизавете. Другой его предок был причислен к лику святых под именем св. Макария Желтоводского, коего мощи покоятся в Макарьевском монастыре (в городе, названном по его имени), стоящем на реке Унже, в пределах Костромской гу-

бернии. Отец А.А., брат знаменитого писателя Алексея Феофилактовича, имел двадцать два человека детей обоего пола, из которых большая часть умерли еще в детском возрасте. Совершенно разо-

сиротой, А.А. был отдан (1868 г.) в дворянский пансион Костромской классической гимназии. До этого грамоте он обучался у дьячка. В те времена наши помещики не брезговали такими учителями.

Но такое обучение "по букварю" отразилось крайне неблагоприятно на живом, впечатлительном ребенке, внушив ему почти отвращение к школьной науке. В гимназии он учился плохо, оставаясь по два года в каждом классе. Живое воображение даровитого мальчика не переваривало царившей тогда воспитательной рутины. Неудивительно, что зубрению латинских вокабул он предпочитал чтение сочинений Фенимора Купера и особенно Майн-Рида. Обширный пансионский сад, слабое наблюдение за детьми давали возможность А.А. и его гимназическим друзьям изображать себя героями любимых авторов, сражаясь с воображаемыми врагами-индейцами, следить за ними, нападать и спасаться бегством в критические минуты, освобождать пленников, скальпировать и прочее. Чтение и игры в конце концов приводят А.А. и его товарищей, среди которых были и прежние враги семинаристы (а

гимназисты уже по традиции враждовали с семинаристами и при каждом удобном случае вступали в кулачные бои между собою), к решению бежать в Америку. Как ни хитро был задуман план бегства, но беглецы были пойманы на пристани парохода и водворены в пансион. После этого



Алексей Александрович Писемский.

ренный, отец его не мог дать никакого воспитания своим детям, и будущий художник грудным младенцем был отдан на воспитание в бездетную семью Волоцких, где и протекало его детство и куда он возвращался и в юношеские годы.

Потеряв родителей на девятом году от роду и оставшись круглым

приключения ученик Писемский был записан гимназическим начальством в разряд неисправимых "шалунов" и "лентяев" и мог дойти только до третьего класса. Будучи еще первоклассником той же гимназии, я помню его уже "велико-возрастным", носившимся по гимназической "сборной" постоянно с булками за пазухой и не дававшим в обиду нас, маленьких. Он уже тогда рисовал карикатуры на учителей. И в его классе на доске частенько была изображена мелом какая-нибудь смешная рожа, весьма похожая на какое-либо определенное "лицо". И впоследствии, когда его "выперли" (по его выражению) "из классиков" и он попал в "реалисты", в числе коих он стоял недолго, он послал свою первую карикатуру картины лермонтовского "Демона" в "Стрекозу", где ее и отпечатали в красках. В реальном училище ему тоже не повезло, в ущерб наукам живопись его влекла неудержимо. Ледея мечту попасть в академию, он начал серьезно работать.

Помню, как мы с ним тащили "напоказ" его первую акварель (головку девушки с распущенными волосами) к местному помещику и земскому деятелю В.А.Перелешину (брату севастопольского героя генерал-адъютанта П.А.Перелешина), имевшему порядочную коллекцию картин, в доме которого я постоянно бывал, будучи одноклассником и другом его сына Андрея (впоследствии сделавшегося председателем буевского земства). В.А. сразу оценил юного художника и,

купив его акварель, предрек ему большую будущность.

— Идите, молодой человек, в академию, боритесь с жизнью, и вы ее победите, — говорил старик Перелешин, и слова его оказались вещными. После этого мы с Андреем стали смотреть на него с благоговением, как на будущую "знаменитость". А между тем эта "знаменитость" отчаянно бедствовала. Вышедши из реального училища до окончания курса, А.А., оставленный родными без всякой помощи, питался грошовыми уроками рисования, поселившись чуть ли не на чердаке... Длинный и худой, он всегда куда-то спешил с папкою под мышкой и работал без устали. Наконец какими-то неисповедимыми путями, среди голода и холода, он пробрался в академию (1878 г.), являвшуюся тогда ему путеводным маяком, в которой, однако, он впоследствии, будучи зрелым художником, испытал немало огорчений...

Несмотря на все свои бедствия и рысканья из-за куска хлеба, он был виднейшим участником всех товарищеских пирушек. <...>

Любил "свою богему" покойный до конца дней своих. Интересна его история с продажей первой масляной картины в Петербурге. А.А., будучи студентом академии и постоянно гоняясь за "жратвой", занес свое "детипсе" в какой-то магазин (чуть ли не на Морской) на продажу.

— Оставьте ее, мы посмотрим, — сказал небрежно приказчик, даже не взглянув на нее.

Картина была брошена куда-то в угол, а потом попала в амбар, где

по ней случайно протащили тяжелый ящик, испортив ее окончательно. Через несколько дней А.А. приходит в магазин "наведаться".

— К несчастью, — объявляет ему приказчик, — вашу картину испортили по недосмотру... мы ее берем, сколько вы за нее хотите?

— Ну, что ж, рублей пятьдесят, что ли, — отвечает А.А., не будучи твердо уверен в ее стоимости.

— А три рубля за нее хотите? — спрашивает приказчик, пропуская мимо ушей назначенную сумму и вынимая зеленую бумажку.

"А у меня, братец ты мой, — рассказывал впоследствии А.А., — в кармане-то было копейки три, я взял эту самую трехрублевую бумажку, вышел из магазина, верчу ее и думаю, сунуть ли ее хозяйке, требующей давно от меня монет, или пропить ее..."

Поступив в академию в класс профессора Шишкина, русского "лесописателя", он оказался одним из самых талантливых его учеников. Но далеко не все было гладко в его официальных отношениях к академии художеств. При окончании ее он написал на золотую медаль "Мельницу в Малороссии". Дали большую серебряную, которых потом он получил несколько. Золотой так и не дождался, и все из-за "строптивого характера", по словам его товарищей. Он с неизменной сигарой между двумя пальцами вышучивал в глаза "комиссию" по присуждению премий или "дерзил" (по его выражению). Особенно доставалось жанристу Ш., члену комиссии, за его знаменитую фразу: "Изволите ли видеть, пейзаж что такое? Это не картина, это фон..."

Этот жанрист не придавал никакой цены пейзажу; но не так смотрели на талантливые работы А.А. в области пейзажа другие... Уже первые его картины, изображающие нашу угрюмую природу, выставленные на суд публики, создали ему имя, и его "Зиму", появившуюся в числе первых его пейзажей на выставке, приобрела в собственность Ея Величество Государыня Императрица Мария Феодоровна. До конца его жизни приобретались августейшей покровительницей русского пейзажа картины и акварели А.А.Писемского. В 1896 г. он по-



Затон. С картины А.А.Писемского.

ехал за границу, исколесив север и юг России. За границей он выбирал места, напомиравшие ему родину. Он был в Германии, Англии, Бельгии и только "зездом случайно" попал в Париж. Во время этого путешествия с ним происходили курьезы в духе его дяди-писателя, юмористические черты характера коего нашли воплощение в племяннике-художнике. Тот же сатирический взгляд на всякое кривлянье в жизни и искусстве, некоторая обломовщина в жизни, сменяемая энергиею в работе, острая наблюдательность смешных сторон жизни и меткая характеристика всего окружающего. Никто из посетителей знаменитых пятниц в обществе акварелистов не забудет его рассказов в горбуновском, а иногда и в щедринском стиле. Он был притягивающим центром веселых и серьезных кружков.

Уйдя из академии, наградившей его при окончании лишь званием третьей степени и только впоследствии давшей ему остальные две степени, он учредил вместе с прочими "Петербургское общество художников" и, наконец, "Товарищество передвижников", на выставках коих появились его картины, похвалы нарасхват. Кто из любителей русского пейзажа не помнит его укромных уголков леса или сада, а также финляндских видов северной природы с замшистыми камнями, омываемыми волнами залива? Сколько воздуха и грустной поэзии было в его картинах нашей сеньской природы, самыми малыми деталями которой он не брезговал! Какая-нибудь корзина с грибами, опрокинутая у старого пня, одухотворялась в его богатом воображении... Летом он не засиживался на своем Васильевском острове, где он имел квартиру до самой смерти, а странствовал по России, отыскивая "натуру". За последнее время он начал писать море, и хотя этот вид пейзажа не был его специальностью, но его изумрудно-зеленая "волна" может составить украшение любой коллекции. Волгу любил он больше моря, и родные дебри его постоянно тянули к себе...



А.А.Писемский. У пруда.
Картина из собрания Галичского музея.

В конце июля прошлого года я зашел к нему в мастерскую на Васильевском и застал его с кистью в руке и с неизменной сигарой около большого полотна с сосновым лесом, попавшего потом на последнюю выставку. Цвет его лица был земляной, а общий вид крайне утомленный. Его уже томил злой недуг, которым он, к сожалению, пренебрегал.

— А-а!.. Кострома, здравствуйте, — приветствовал он меня обычной своей шуткой.

— Как чувствуешь себя?

— Плохо, брат, одышка, на молоко посадили эскулапы, а и с ногами неладно, не побежишь по-прежнему, как мы с тобой когда-то бегали, вот и торчу нынче здесь, малюю по старой кухне...

— Какая кухня? Ты разве, Алеша, поваром стал?

— А как бы ты думал!.. Для того чтобы такой пирог испечь, какой я начал (и он показал на холст), нужно много начинки приготовить... ведь она здесь не растет, за ней надо поехать, в леса заглянуть, понюхать эту самую смолу сосновую... вон, полюбуйся, сколько этой начинки наворочено.

— И он начал показывать брошенные в угол и частью развешенные по стенам этюды и наброски, составлявшие материал для его "кухни".

— Вот так каждое лето и шлялся я по темным дебрям и клевал то там, то тут, а потом и приходится мазать да печь пироги к выставкам... Ведь жрать-то семье надо!..

— У, пироги-то твои очень вкусные, — заметил я.

— Ничего, невредные, хвалят иногда, — и он вдруг оживился и заходил по комнате, попыхивая сигарой.

— Петя, поедем в Кострому... на Волгу... надоела, брат, мне здешняя михлюндия...

— С великим удовольствием, — ответил я.

— Поздно, брат... — и он сел глубоко в кресло и задумался, махнув рукой.

Нам не пришлось с ним поехать на нашу милую родину... Его уже караулила смерть, и его юбилей, который был справлен так торжественно 24 февраля сего года, быть может, ее приблизил своими эмоциями к роковому для него дню 11 марта. По смертной выставке его картин, быть может, заставит строгих судей оценить его выше, чем ценили при жизни.

(Исторический вестник". Т. 132. 1912, апрель).



Виктор КУЛИКОВ:

«МНЕ СТИХОВ ВЫДУМЫВАТЬ НЕ НАДО...»

Для меня знакомство началось с бабушкиного комода. Там, в скрипучем верхнем ящике, среди непривлекательных бумаг, торжественно именуемых "документами", хранилась маленькая книжечка с загадочным названием "Сила жизни". Бабушка рассказала, что написал эту книжку человек, который живет в нашем городе, что зовут его Виктор Иванович Куликов и что книга эта — не руководство по развитию физической силы, а стихи. Для меня, шестилетнего мальчика, в то время "стихи" значило Пушкин. Пушкина знали все, Виктор Ивановича в нашем городе — тоже.

Шло время. В моей библиотеке появлялись новые книги Виктора Ивановича, иные из них — с дарственной надписью автора. Я бы сказал о нем — идущий под радугой. "Иду под радугой" — это название одного из его поэтических сборников, название, взятое из сказок детства. Успеешь пробежать под радугой на ту сторону — останутся по эту сторону все твои горести и печали, а по ту — найдешь ты свое счастье... Вся наша жизнь — это дорога, ведущая к волшебной послегрозовой арке, туда, где возможно счастье. Мы ищем его для себя, но делимся им с другими. Виктор Иванович часто повторял, что поэзия — это "езда в неизвестное". Но, наверное, это еще и путешествие под радугой.

В.И.Куликов был гордостью города, неотъемлемой частью его духовной жизни, хотя звание "Почетный гражданин г.Буя" поэту было присвоено лишь в год его 75-летия. В 1939 году в армейских газетах появились его первые стихи. Однажды в разговоре он сказал: "Когда меня спрашивают о начале творческой деятельности, я всегда отвечаю одинаково. И не думал я в то время, что напишу какое-то стихотворение, и его опубликуют, и все его будут

читать. Нет. Я писал потому, что это мне нужно было, душа требовала. Стихи, прошедшие время, становятся для меня более дорогими, чем только что написанные".

А написал Виктор Иванович гораздо больше тех семи сборников, что знакомы любителям поэзии. У него было много друзей и еще больше — учеников, которые часто тоже становились друзьями. Он всегда внимательно относился к буйской поэтической молодежи. Пока позволяло здоровье, руководил литературным кружком при газете "Буйская правда", позже пристально читал то, что публиковалось в местной печати. Да и авторы доверительно тянулись к нему, дорожили его мнением.

Как бы трудно ни приходилось ему в жизни, Виктор Иванович всегда оставался оптимистом, не искал жалостливого участия. Это был человек, обладающий заразительным чувством юмора, которое усиливало его обаяние и сокращало дистанцию между ним и собеседником. Он не искал славы, громких аплодисментов. Как-то признался, что, подобно А.М.Часовникову, считает, что все, написанное им, — "лишь капля малая, но у другого и такой нет". Но как и любому из нас, ему необходима была поддержка, признание его литературного труда, свой читатель. Не случайно свой ответ на вопрос о счастье он начал так: "Счастье — понятие относительное. Я, например, был очень горд, когда в 1975 году вдруг узнал, что меня принимают в члены Союза писателей..."

...В центральной библиотеке Буя создается специальный фонд В.И.Куликова, который мог бы в полном объеме представить наследие поэта, воспоминания о нем и т.п. Его творчество останется с нами...

Юрий РАЗГУЛЯЕВ





Мне стихов выдумывать не надо —
Я родился в песенном краю:
В день рожденья яблони из сада
Мне шептали баюшки-баю.

А зимою вьюги и метели,
Прилетев с заснеженных полей,
Мне былины северные пели
О просторах Родины моей.

Убегать весною по тропинкам
Я любил туда, где за селом
Пела звонко каждая былинка,
Каждый куст насвистывал щеглом.

Все вокруг, торжественно ликуя,
Воспевало жизни благодать!
Оставалось песенность такую
На заре записывать в тетрадь.



Бабье лето на исходе:
Сеют дождик облака,
На рябине в огороде
Мокнут сети паука.

Лист летит с плакучей ивы —
Только ветку тронь слегка,
И его неторопливо
Гонит сонная река.

Не ударит в плесе щука,
Стриж не взмлет над рекой;
Словно в мире нет ни звука —
Лишь торжественный покой.

Лишь величие простора
Да раздумий тишина...
Как весна полна задора,
Осень — мудрости полна.



В природе светло и печально:
Над скучным безлюдьем полей
Проплыл с перекличкой прощальной
Последний косяк журавлей.

Затихли тревожные горны
Издrevле родных голосов,
И стало до грусти просторно
В тиши обнаженных лесов.

Пустынно в природе и голо,
А улицей нашей с утра
Весельями стайками в школу
Вприпрыжку спешит детвора.

И нет ребятне этой дела,
Что все совершается в срок,
Что в рощах листва облетела
И падает первый снежок.

Что минут беспечные годы,
И жизнь потечет не спеша,
И будет печалью природы
Болезнь и томиться душа.

ПАМЯТЬ

Не могу никак проститься
Со своим прошедшим я —
Часто видится и снится
Юность светлая моя!

Кострома-река в тумане,
Разговоры до утра
На Астафьевой поляне
У рыбацкого костра.

Иль походы за грибами
С неизменным кузовком
То ли где-то за Лузками,
То ли где-то под Борком.

То сижу я у окошка,
Караулю, как в бреду,
Платье белое горошком —
Через улицу, в саду...

Повидал с тех пор полсвета,
В детство заперто окно...
Как недавно было это!
Было это — так давно...

КУКУШКИН ЗОВ

Т.В.Розенман

Я услышал кукушкин зов
И в кромке леса затихаю,
Но ни оставшихся годов
И ни прожитых не считаю.

Ни колдовству, ни ворожбе
Давно и искренне не верю,
И о моей гадать судьбе
Не стоит птице или зверю.

Я много видел на веку,
Я в жизни знал мороз и вьюгу,
И услышав в лесу "ку-ку",
Кукушке радуюсь, как другу.

Весны приветствуя приход,
Она в рассветы и закаты
Тоскует, ищет и зовет
Свои потери и утраты...

Теперь с кукушкой вдвоем
Былое ищем без успеха;

С мольбой аукаем, зовем,
А отвечает только эхо...

ЛЮБОВЬ ВЗАИМНАЯ

Лесом я хожу иль лугом
В голубом сиянье дня,
Все боюсь — не по заслугам
Награждает жизнь меня.

Льются жаворонка трели
Прямо с неба для меня,
Для меня поют метели,
Для меня тепло огня.

Пью цветов хмельную брагу,
Захочу — и на лугу
Я с зарей в обнимку лягу
В свежесметанном стогу.

Захочу — и до рассвета
Буду рощами бродить...
Если жизнь дает нам это —
В этом мире стоит жить!



За селом не слышно крика
Перепелки луговой;
Пахнет сладко — земляникой,
Горько — скошенной травой.

Ходят белые туманы
На лугах вокруг стогов,
А по небу ветер тянет
Копны белых облаков.

На вершину всходит лето,
И пока деревни спят —
Журавли в лучах рассвета
Учат лету журавлят.



Жить, как все, видно, я не умею,
Не могу свои чувства унять:
От цветущих черемух пьянею —
И смеяться готов, и рыдать.

Мне лихого немало досталось
Испытать в неудобной судьбе,
А по сути и нужно-то малость,
Чтобы выстоять с горем в борьбе:

Куст черемух в цвету на опушке,
Незатейливый посвист пичуг,
Уголок с родниковой речушкой
Да росистый ромашковый луг.



«Я МЕСТНОЙ ПОЧВЫ ПЕВЧАЯ ЩЕЛОТЬ»

Галина ТУВАКОВА

ДОГОРАЕТ ЛЕТО

Белые туманы по утрам,
Дни стоят прозрачно-голубые.
Солнце льется на поля седые.
Бабье лето — дивная пора.

И душа становится нежней,
И еще рапсодее, и прощанье...
Схожка с обнаженной тихой роцей,
Что в плену у солнца и дождей.

Хочется обнять всю синеву,
Хочется укрыть все от ненастья,
Чтобы было, было много счастья,
Счастья и во сне, и наяву.

Валентин РОМАНОВ

ДЕРЕВЕНСКАЯ БЕССОННИЦА

В деревне рано гасят свет:
Еще денек на свете прожит...
В деревне этой клуба нет,
Поскольку нету молодежи.
Живем теперь по городам,
Деревни старенькой внучата.
Но если нам взгрустнется там
О ней — она не виновата.
Не виноваты луг, и лес,
И это поле, и болото,
Что ищем мы иных чудес,
Свой дом оставив на кого-то.
Но как судьбу ни выбирай,
А все же будет часом звездным
Час возвращенья в отчий край,
Пока нас ждут, пока не поздно,
Пока, устав от лет своих,
Сурово думая о внуках,
Еще живет родной старик
И рядом с ним не спит старуха.
И долго старые не спят,
О всем земном заботясь мудро.
И фотографии внучат
Перекрестит старуха утром.
Вздохнет и, если дела нет,
Опять на печку залезает.
...Деревня рано гасит свет,
Да только поздно засыпает.

ФЛЮГЕР

Злая собака залаяла вслед,
В окнах мелькает угрюмый сосед...
А за околицей ветер вольней!..
А за околицей почка теплей!..
Не разгорожены в поле снега,
Нет здесь пока ни дорог, ни следа,
Только порою взметнется пурга,
Да беспокойно мерцает звезда...
Я на проталине, как Робинзон,
Слышится мне замороженный звон,
Словно, почуяв опять холода,
Лужи вздыхают под корочкой льда...
Нет! Это флюгер шумит на сосне,
Как самолетик, летящий к весне...



Вячеслав ДРОБЫШЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕТЕ

Поплыву на пароходе —
Голубая пыль в глаза.
Пролетают птицы-годы,
Не воротятся назад.

Пароход мой бело-синий,
И название "Каскад".
Чуть пониже ватерлиний,
Под волной, моя тоска.

О надеждах, что проходят,
О любви, которой нет...
Пароходы, пароходы,
За кормою — пенный след.

Валерий МОЛЧАНОВ

Александр Букову

Сочится днище старой лодки,
Когда в ней выйдеши по весне.
Как ясен мир, как тени четки,
Как трубы звуки в вышине!

То журавли, скликая дали,
Приветствуют родную весь...
И нету в кликах той печали,
Что осенью роняли здесь.

Жужжит пчела над пухом ивы,
И полон света птичий хор,
За беспредельностью разлива
Задумался былшинный бор.

Из лодки вычерпая воду,
Как будто зачеркну года...
И по разливу — небосводу —
Плыву, как легкая звезда.

Юрий РАЗГУЛЯЕВ

* * *

Провинции здоровая душа,
Ты нянчила во мне провинциала.
И дудочкой будила, и смущала
Змеением ползучего плюща.

Суровы простодушные плоды
Твоих примеров и правоучений.
Но нежен слог для ласковых влечений
И мало слов, что были бы тверды.

Как, дураку, мне все-таки везло.
Уж сколько раз я был неосторожен!
Но древнего глагола ремесло
Уста мои по-прежнему тревожит.

Я местной почвы певчая щелоть,
А в чьей руке —
зачем просить ответа?

Достаточно, что есть душа и
плоть.
Я — рана, я и боль от раны этой.

РЕДАКЦИЯ

Глава из повести "Моя Шача"

Редакция вначале занимала низ приземистой двухэтажки, что стояла рядом с горсадом, изолятором и пекарней. На первом этаже мы, на втором, над нами, милиция. Шуму было! К тому, который доносился сверху, из милиции, и с улицы, добавлялся свой, редакционный. С утра телефонные звонки, стук машинки, запальчивые голоса сотрудников, хотя их и было-то всего пять человек. Но это были молодые, здоровые ребята: трое приехали из сел, двое, старше нас по возрасту, — с железнодорожного узла — кочегар и нарядчик, самые густоголосистые.

Редактор (или Сам, как его называли), не отличавшийся здоровьем, набирал в число литсотрудников именно только крепких, выносливых, безустальных, обращал внимание даже на ноги принимаемых в газету. Редакция не имела своего транспорта, не было даже завалыщей клячи, и работникам надо было надеяться при сборе материала только на одиннадцатый номер, то есть на собственные ноги. Одним словом, в цене были скороходы.

Иногда в прокуренном коридоре слышался напев четверостишья собственного редакционного изобретения:

*Мы — скороходы,
Мы — пароходы,
Мы — машинисты
И гармонисты...*

Слово "гармонисты" вмешалось не для рифмы. Редактор любил гармонную игру. И уж так был рад, когда пришел к нему заниматься развеселый баянист (он же кочегар и рабкор) Вася Райкин. Принял. С условием, что он будет играть на праздничных редакционных вечерах. При этом заметил, что сверх оных газетчик-баянист может играть и в будничные дни. Музыку надо уважать, двигать вперед!

Каждого новичка Сам принимал с месячным испытательным сро-

ком. Но чаще всего этот срок заканчивался с получением первой "новобранческой корреспонденции".

Писатель Константин Иванович Абатуров родился в 1911 году в деревне Глазово Буйского района. В двадцатые годы работал секретарем Каплинского сельсовета, избачом, а с 1931 по 1936 год — журналистом в буйской районной газете. Ныне живет в Костроме, член Союза писателей России.

Меня редактор на второй же день по приходе в редакцию послал за "новобранческой" в дальнее лесное село. Что-то не ладилось в тамошнем колхозе, и мне было велено посмотреть на все "свежими молодыми глазами: ты, мол, уж с "наработкой", свою "Мельницу" имеешь (намек на рассказик, опубликованный в крестьянской газете), в центральные пишешь, так что должен разобраться. Словом, пилюльку подластил.

Хорошего, верно, в колхозе было мало. Вырос он из бывшей коммуны, объединявшей бездомных, бедноту. Урожай хозяйство собирало малые, во всем сказывались нехватки. Некоторые семьи, как и раньше при коммуне, жили в кельях бывшего заброшенного монастыря. Меня тоже на несколько дней определили в келью, в которой ночевал. Было холодно и сыро, низкий потолок с облезлой штукатуркой как бы давил на меня, и утром я, как нахлестанный, несся на ферму, на ходу согреваясь. Потом шел в контору, к председателю.

Раскачать его, вызвать на разговор было нелегко.

— Пиши, что сам видишь. Я тут недавно.

— Местный?

— Все у нас местные. Куда денешься?

Заговорил, наконец-то. И в первую очередь о жилье. Монастырские стены рушатся. Надо строить новые дома, согреть людей. Но это пока в будущем, когда появятся денежные доходы.

— А, может, их получить?

— Сообща-то, господи, да как же не получить? Вот готовимся к весеннему севу. Навоза хотим побольше вывезти на поля. Авось и урожай сдвинем с мертвой точки. Надо. А где урожай — там и деньги. — Помолчал и добавил: "Но чтоб не давили налогами".

Про жилье, урожай, налоги говорили и колхозники. На собрании. Раскачались все же.

Вернулся, сдал "новобранческую" редактору. Прочитав, он постучал синим карандашиком по столу, погладил редковолосую голову, после чего наградил меня одобрительным взглядом.

— Лады! "Мельница" работает. Пойдет! Только тут, вот тут подумай еще, — притушив улыбку, обвел он карандашом несколько строк. — На колхозные недочеты ты смело указал, а дошел до райземотдела, рика и забуксовал. "Недостаточно обращается внимания..." Дорогой, это щекотка, не больше. Колхоз, сам пишешь, в нужде. А помог ли ему тот же земотдел? Приезжал ли кто-нибудь в хозяйство из исполкома с этим намерением? Колхозы — новые хозяйства, только-только становятся на ноги. Подай им добрую руку — и они пойдут. Уверен: пойдут! А у нас больше-то всего их ругают, все только спрашивают, требуют.

Вот такую начальную, довольно пространный оценку своей корреспонденции услышал я, владелец "Мельницы". Пот холодил мое лицо. Потянулся за платком. Сам усмехнулся:

— Ну ничего, ничего. Начало есть. Поедешь изрядненько по нашим весям, поприглядишься, и из тебя может получиться...

Досказать, что именно, помешал телефонный звонок, позвавший его на какое-то собрание, на которые он ходил с желанием, чтобы "быть в курсе дел районного масштаба".

Наш разговор слышал секретарь редакции, старый канцелярист.

— Забывает Сам, чей мы орган. С критикой хозяев надо поосторожнее. Координация!.. — сказал мне, когда я проходил мимо него, сидевшего за столом, заваленным бумагами.

А в коридоре остановил меня Боря Баранов.

— Ты не переживай, — удерживал он меня за пуговицу пиджака. — Тебя он все-таки похвалил, а на моей "новобранческой" написал: "Тяп-ляп". Но нет, я ему еще докажу! — Он так дернул за пуговицу, что оторвал ее. — На-ка, возьми, — протянул мне, — потом пришьешь, да иди доделывай свои письма. Авось, в номер попадут. И готовься к новым походам. Теперь пойдет.

На другой день, утром, действительно, я увидел на своем столе свежий номер газеты со своим двухколонником. Секретарь поздравил меня. Но намекнул: может быть звонок из высокого управления — "уж очень драчливо начал". Ждал до конца дня. Звонка не было.

На улице, когда я шел на квартиру, меня окликнула стайка девчо-

нок. Вот те на — знакомые, те самые, что приезжали в Глазовку на лен. Среди них была и Маша, стеснительно улыбающаяся. В глазах у всех игривое удивление: надо же, приехал в город — и молчит, только по газете и узнали, кто осчастливил своим присутствием тихий городок... Смеются, голосят, перебивая друг дружку. Веселые буйские девчата!

— Теперь, — озорно заливаются, — не скроешься с наших глаз.

Короче, позвали меня на свою вечеринку. Раз, мол, не получилась в Глазовке, куда они приезжали на лен, то состоится здесь, на коей и быть именитому гостю ровно в восемь часов.

В краску вгоняли языкастые. Как тут откажешься.

Вечерину устроили в старой казарме — продолговатой кирпичной коробке. Неказиста, но ведь не стены красят дом... Девушки пришли приодетые, в цветастых платьях, парни блистали входящими в моду туфлями на высоких каблуках. Один я пришел в сапогах с хлюпающей подошвой — у одного оторвалась в дороге, а починить не успел. Застеснялся, хоть обратно. Выручила Маша, подбежала, простучав по щербатому полу каблучками-шпильками, делавшими ее повыше росточком, и быстро провела меня к столу.

— Девочки, это мой земляк, — сказала она тем, кого я не знал, усаживая за стол, за которым все уже сидели.

Девчонки захлопали в ладоши. И тут же послышался наигранно-угрожающий голосок, что вот, мол, уедешь, и мы похитим твоего земляка.

Бойкие, непосредственные бойкие девчата!

Стол был небогат. Бутерброды, печенье, лимонад, ребята выставили еще пару бутылок портвейна. Вот и все.

Наступила тишина в ожидании тамады. И вот он явился, шустрый паренек в кожаном пиджачке, разлил по стаканам портвейн и, безбоязненно перевирая пушкинскую здравницу, низким басом возгласил:

*Что смолкнул веселья час?
Драгоценные нежные девы!
Совинем стаканы и...*

Не дав ему закончить, "нежные девы" поднялись, и час веселия настал.

Какой это был вечер! Пропели, наверно, все песни, какие знали. Забывалось, что ждет тебя завтра, послезавтра, какими словами встретят редактор и секретарь.

А рядом, совсем рядышком сидела милая землячка. Сейчас она могла рассказать, как опять попала в Буй.

— Сейчас ненадолго. Приезжала в Глазовку на сыроварню навесить родителей и заодно взять зимние вещи. Ну, и сюда на денек... Завтра поездом обратно в Ярославль. А уж потом, после окончания техникума...

Заиграла радиоло, объявили танцы. Она тряхнула головой, густые черные волосы рассыпались по плечам.

— Потом — это потом, — смешливо наморщила нос. — А сейчас? Сейчас хочется потанцевать. — Сорвалась с места, потянула и меня, но я... Я с ужасом глядел на худые с отставшей подошвой сапоги и понемногу заталкивал ноги под стол.

Она отпустила мою руку, села. Тут подкатился к ней наутюженный молодец в черной, по этикету, тройке, с платочком в нагрудном кармашке, как с рождественской картинкой сошедший, и пригласил ее. Музыка в это время начала играть танго, и несколько пар уже на-



К.И.Абатуров и Б.Л.Баранов в редакции. 1935 г.

ходило в кругу. В ответ она развела руками — не может, извините.

Господи, да ведь это ради меня отказалась.

— Идите же, идите, — подтолкнул я ее.

— Нет, нет, — обернулась ко мне. — Посидим, так лучше... — Легонькое облачко, задержавшееся на ее лице, растаяло. — Давайте вместе смотреть на танцующих. — сказала она чуть спустя. — Нет, — передумала, — расскажи что-нибудь о поездке в село. Это верно, что бывшие коммунары живут в кельях бывшего монастыря? Трудно как-то представить.

— Почему? Я тоже в келье ночевал. Больше-то негде. Бездомной бедноте как раз и пригодилось заброшенное помещение. Живут.

— Я бы не могла. Нет, нет.

Уводила, уводила ведь меня от досадного переживания за конфуз? Но какой же благодарностью я-то мог отплатить ей? Ох, не знал. Помолчали.

— Знаешь, — вдруг пододвинулась она ко мне, — когда я летом уезжала сюда на практику, один мой сокурсник пострашал, куда, мол, тебя понесло — в глушь, в дыру. Со скуки помрешь. Сам он ярославец, и мне советовал остаться после техникума в "славном граде". Дальше от глуши, ближе к культуре.

Меня задело: сокурсник! А она продолжала:

— Родители тоже говорят — оставайся в городе. Хватит, дескать, покочевали с места на место, как цыгане. А я не знаю. Странно как-то.

— Есть пословица: где родился, там и пригодился.

— Но я родилась не здесь, приехала с родителями с Костромки. Хотя, — подумала она, — все равно. Да, наверное, все равно...

Тут к нам подсели девчата. Шумные, разгоряченные, заливающиеся смехом. Так им было весело. Танцы кончились, теперь бы еще попеть.

Затянули "Уральскую рябинушку". Маша только слушала, продолжая думать о чем-то своем. С грустинкой во взгляде.

Домой уходили мы вместе. И все молчала, молчала она. Видно было: теперь и пропетая песня расстрожила ее, песня о девушке, которая не могла сделать выбора в

парнях. И вдруг сама тихонько, все как бы раздумывая, пропела последние слова.

*Кто из них желаннее,
Руку жать кому.
Сердце расстрожено,
Так и не пойму...*

Пожала она мою руку.

* * *

На другой день она уехала. Ей нужно было заканчивать техникум. Мне надо было привыкать к редакционной суматохе. Впрочем, как и предсказывал Борис Баранов, в стенах редакции, в "тепле-добре", никто долго не засиживался. Саня Черемушкин, юркий, как ящерка, с каждого понедельника отправлялся в лес, к рубшикам, и потом несколько дней подряд опустошал свой блокнот, писал коротенькие зарисовки о тех, с кем встречался, кого видел в работе: серьезный, бритоголовый крепыш Леня Казаков опекал заречную-завексинскую зону, откуда и прибыл в редакцию; за мной оставалась в основном Шача.

А посланцы железнодорожников, упомянутый Боря Баранов (доказал-таки он себя своей компетентностью в транспортных делах) и Вася Райкин ни дня не теряли, чтобы посетить своих товарищей по прежней работе или встретиться с заводчанами, побывать на химзаводе, где получилась заминка в выработке смеси для чистки котлов паровозов.

Райкин иногда возвращался в редакцию чумазым, только большие выпуклые глаза поблескивали на его крупном лице.

— Ты откуда такой?

— А с паровоза. Немного пришлось покочегарить, — проходя к своему столу и вытираясь, отвечал он. Выложив из кармана тужурки замасленный блокнот и какие-то железяки, засаживался за стол.

И уж можно было не сомневаться, с душой напишет он о работе паровозников, машинистов, кочегаров, сам бывший кочегар. Потом может и развести мехи баяна. Себе на радость и редактору в утеху.

Расходилась писучая братия по квартирам поздно вечером. А утром опять кто куда. Звали дороги, дальние и близкие, в деревни и поселки (по редактору — веси),

новые встречи с селянами, заводчанами, добытчиками леса, железнодорожниками, с теми же машинистами и кочегарами. Ибо, цитирую редакторское наставление, "поездишь изрядненько (читай — пошагаешь на своих двоих) по всеям, поприглядишься и из тебя может получиться..."

Как-то вечером перед моим уходом из редакции раздался звонок.

— Узнаешь? — хрипел кто-то в трубку. — Яковлев, пред земляческого колхоза. Из гостиницы стучусь к тебе. Зайди.

Пришел. Он, кутаясь в шубенку, сидел на диване, кашлял, хватаясь за голову с пробрызнувшими первыми белыми ниточками в волосах. — Понимаешь, простудился, вот и лодырничая.

— Да где уж, как?

— В поездках. Меня, голубчика, зачислили в комиссию по чистке партии. Ново? Так вот и доездили, досиделся на собраниях. Знаешь, шумно проходят. Достается разным примазавшимся, обладателям портфелей. Но, бывает, наговаривают и на настоящих коммунистов, на трудяг-рабочих. Те же портфельные суетились с ними — одни пассивны, другим грамоты не хватает. Так подучили бы, раз вы такие грамотей. Кому-то эти недобрые кивочки выгодны.

Передал мне статейку. Вот, сказал, накарябал, ты уж подправь да и в газету.

— Признаться, так по дому соскучал, колхозные дела гребтят. Иные у нас и радешеньки, что уехал. Есть такие. Но ничего, скоро вернусь. У тебя-то как?

— Привыкаю.

— Видел редактора. Обушок.

Я долго просидел у Сергея Яковлева. Так в этот раз хотелось глядеться на него. Почему, и сам не знал. Спустя неделю после встречи он опять позвонил мне: "Еду, приезжай и ты. В гости".

Какой же радостный был голос у Сергея, так звенел у ушах.

А наутро в редакцию пришла скорбная весть: наш старшина, как называли мы Яковлева, погиб по дороге от напавших на него злых недругов.

Черное стало для меня это зимнее утро. И так трещал мороз, таким холодом обдавало душу...

В НАСЛЕДСТВО — ПЕСНИ

Жила в деревне Спас крестьянка Вера Авивовна Забелина. Почти ровесница нашего века. Все, что на долю многострадальной русской деревни в 20-м столетии выпало, так или иначе и на ее судьбе отозвалось. Но даже когда совсем невмоготу было, Вера Авивовна не заплачет — горюшко лучше песней выпоет...

И вот однажды в ее дом пришла Ирина Карепова со своими учениками, и принялись гости бабушку Веру про жизнь расспрашивать, про песни. Включен магнитофон, и зазвучали старинные песни. Девчонки и мальчишки, которых привела с собой Ирина Юрьевна, учительница музыки одной из буйских школ, были еще малы и вроде бы больше с котятками забавлялись, чем бабушку Веру слушали. Но восприимчива и отзывчива детская душа, и на это был расчет педагога. Потом были еще встречи и в Спасе, и в других селах и деревнях, с другими певуньями. Вслушивались, записывали, учились. И вот уже песни, переданные стариками, в исполнении фольклорного коллектива "Костромушка" зазвучали и в столице в Колонном зале, и в других городах на концертах и фестивалях.

Теперь выросли участники ансамбля, разъехались на учебу. Кстати, многие и дальше выбрали такую специальность, чтобы глубже постигать народную песню и вообще лад старой крестьянской жизни со всей ее мудростью, целесообразностью и поэзией. Несколько выпускников "Костромушки" учатся на фольклорных отделениях Воло-

годского музыкального училища и пединститута, а Лена Комарова — в Российской академии музыки имени Гнесиных в Москве. Приезжают в Буй на каникулы — приходят в школу, к нынешним ученикам Ирины Юрьевны, вместе поют собранные когда-то "Костромушкой" песни, показывают и новые свои находки из песенного наследия русского народа.

Недавно не стало Веры Авивовны, но песни — ее наследство — остались в памяти молодых — такие разные, вроде бы неприятательные, но которые о многом могут рассказать, если внимательно в них вслушаться.

С некоторыми из них вас сегодня знакомит Ирина Карепова.

— Больше всего напела Вера Авивовна нам свадебных песен. Самой любимой у нас была и остается "Черемушка". Ее мы везде-везде пели, на всех выступлениях, поем и просто для себя при каждой нашей встрече.

*Ты черемушка, да ты кудрявая,
Ты кудрявая, кудреватая.
Да ты когда взошла, когда выросла?
— Я весной взошла, летом выросла.
По зарям цвела, летом цвет опал.
Да Михайло-то сын Иванович.
Когда молод был, неженат ты гулял.
Он и рос, и рос у батюшки,
У родимья своей матушки,
Обседлал коня у мила братца,
У мила братца, у голубчика.
Расчесал кудри у милой сестры,
У милой сестры, у голубушки...*

"Черемушку" пели жениху, а вот на девичнике невесте ее подруги пели:

*Вечер, вечер, девушки,
Мы сидели во беседушке,
Уж мы ждали подруженьки,
Уж мы ждали голубушки.
Не могли ее дожидаться,
Не могли доглядеться.
Уж мы вышли на улицу,
Уж мы вышли на широкую.
Там в округе светел месяц,
Во тумане красно солнышко,
Во печали подруженька,
А во печали голубушка.
Ты о чем больше печалишься —
Об отце али об матери,
Об своей ли дивьей красоте,
Об подруженьках-голубушках?
— Вы, подруженьки-голубушки,
Только как мне не печалиться,
Не расстаться мне молоде...*

А вот еще одна песня девушек, обращенная к своей подружке-перелестнице. Слова-то какие дивные, к сожалению, нами забытые!..

*Уж ты свет наша изменница,
Ты лютая перелестница,
Уж ты вспомни, как божилася,
Да вспомятуешь ли, правдалася:
"Ой, право, право, я замуж не пойду,
Вот и ей Богу, не подумаю!.."
Да жениха ли себе выбрала,
Али место хорошее?
— Не моя да воля — батюшкова,
Не моя да воля — матукишна,
Спотакали миль братцы,
Однодумицы-тетушки,
За одну за думу думали,
За одну за единую —
Меня молоду
на чужую дальню сторону,
Ко чужому ко чужанину,
Ко чужому отцу с матерью.*

Нигде, кроме Спаса, не доводилось нам слышать вот эту хо-

роводную песню. В ней две части: одна — медленная, а под другую, быструю, девушки в хороводе кружились. Песня могла повторяться до бесконечности, пока не надоест девушкам хоровод водить и кружиться.

*Во ненастную погоду
Заставляли работать.
Отпусти меня, мамаша,
Во лесочек погулять.
Во лесочек на часочек
Разгуляюся схожу,
Я малинки наберу.
Здесь дороженька большая —
Я малину распродам,
Я малину распродам
Ерославским господам.
Ерославски господа,
Вы пожалуйте сюда.*

*Вы подите, разьясните,
Почему Москва славна.
Почему Москва славна,
Вся по плану строена,
Вся по плану, по фасону
И стоит на берегу,
И стоит на берегу,
На высоком на лугу...
Во ненастную погоду
Заставляли работать...*

В более позднее время хороводы были полностью вытеснены пришедшей из города кадрилию. От Веры Авивовны мы записали вот такую кадрилиную песенку:

*Я из саду из окна
Выпускала сокола,
При полетике соколику
Наказывала:*

*— Ты лети, лети, соколик,
Высоко и далеко —
На родную сторону.
На родной-то на стороне
Родной тятенька живет.
Он и грозен, и сурьезен,
И немилостлив —
Не отпустит молодю
Гулять до вечеру одну.*

Сразу видно, что эта песенка, как и сам танец, принесенный в деревню из города, тоже родилась где-то далеко, в разлуке с родными местами. У каждой песни, как и у человека, своя судьба. Прикасаешься к ним, и понятнее и ближе становится судьба народа.



Участники ансамбля "Костромушка". 1991 г. Сидит вторая справа И.Ю.Карелова.



ОТВЕТЫ

на викторину для учащихся начальных классов
"Знаешь ли ты родной край?" ("ГД" № 1/96).

1. Наш город основан в 1152 году, значит, в 1995 году ему исполнилось 843 года.

2. В селах Бортниково и Бортково занимались бортничеством, добывали дикий мед. В Дегтярах и Дегтяреве гнали деготь, в Смольнице — смолу. В Соли Галичской, то есть в Солигаличе, варили соль.

3. Конные полчища Батыя разрушили и сожгли Кострому, в Галиче уничтожили древний кремль. Галичане мужественно защищали свой город, но силы были неравны, и город пал. Однако татаро-монгольская орда задержалась здесь на целый месяц.

4. Ивану Сусанину.

5. Федора Волкова, сына небогатого костромского торговца, называют отцом русского театра.

6. Невельской и Бошняк. Об их открытиях можно прочитать в сборнике "Твоя земля рассказывает" (Костромское книжн. изд-во, 1960).

7. Н.М.Сипягин, П.И.Каблуков и другие. Особенно прославился в 1812 году разведчик, командир партизанского отряда, кологривец А.С.Фигнер. Костром-

ские крестьяне-ополченцы отличались своим мужеством в сражениях с наполеоновскими войсками.

8. Н.А.Некрасов в стихотворениях "Бурлак", "На Волге".

9. Н.А.Некрасов, А.Н.Плещеев, А.Н.Островский, Е.В.Честняков, А.Ф.Писемский, П.А.Катенин.

10. А.А.Новиков, Ю.Смирнов, А.Голубков, Ю.Беленых и другие.

11. До 1929 года наш край назывался Костромской губернией; затем он входил в состав Ивановской, а позднее — Ярославской областей.

12. В 1944 году была образована самостоятельная Костромская область.

13. В Костромской области развиты железнодорожный, речной, воздушный транспорт, автотранспорт.

14. Ипатьевский монастырь — историко-архитектурный музей-заповедник, музей изобразительных искусств, драматический театр имени А.Н.Островского, филармония, кукольный театр, памятники архитектуры.

15. В деревне Рай Вохомского района.

Полные и содержательные ответы прислала в "Губернский дом" третьеклассница Маша Власова из с. Сумароково Сусанинского района. Однако на последний вопрос она ответила иначе, чем предполагали авторы викторины, а именно: "Каждый хотел бы жить на своей малой родине, я - в селе Сумарокове, где живу сейчас". "Губернский дом" благодарит всех юных краеведов за участие в викторине, а Маше Власовой готовит гостиницу.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ("ГД" № 2/96)

По горизонтали: 2. Старшинов. 9. Болгария. 10. Распутин. 11. Ямб. 13. Вереш. 14. Скарб. 15. Поляк. 20. Лион. 21. Руставели. 22. Кони. 25. Дурова. 26. Ангара. 28. "Город". 29. Артем. 30. Краска. 32. Калина. 35. Иван. 36. Кириллица. 37. Чили. 40. Вазов. 41. Месяц. 43. Ляссе. 45. Тын. 47. Казанцев. 48. Голодный. 49. Ломоносов.

По вертикали: 1. Фельетон. 3. Трир. 4. Ширма. 5. Опал. 6. Фатьянов. 7. Гашек. 8. Апрош. 11. Якутка. 12. Бровка. 16. Аллегория. 17. Чуковский. 18. Глаголица. 19. Писемский. 23. Чудра. 24. Франс. 25. Док. 27. Ара. 31. Алитет. 32. Кальян. 33. Карамзин. 34. Кирсанов. 38. "Война". 39. Лядов. 42. Сытин. 44. Перо. 46. Соло.

Любезные читатели!

Всем, посетившим "Губернский дом", — сердечное спасибо.

Особая благодарность всем, кто помогал в нашем путешествии по буйской земле — администрации г. Буя и его жителям, коллективу Буйского филиала Костромского музея-заповедника и костромским краеведам Нине Басовой, Татьяне Войток, Елене Сапрыгиной, Ларисе Сизинцевой, Ирине Тлиф.

ГУБЕРНСКИЙ 4/96 ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Время Общество Знание

Ксения Котляревская. Жизнь с вещью.
Татьяна Державина. Сиреневый сад детства.
Народное образование Костромы: история и современность.

Свидетельства Архивы Документы

Виктор Бочков. Из дневников.
Александр Лаговский. О Костроме и костромичах.
К 300-летию Российского флота. Первооткрыватели.

Литература Искусство Культура

Зри и помни.
Записки поручика лейб-гвардии Семеновского полка.
Владимир Максимов. Стихи.
Бранделясы. Выпуск второй.

Редактор Николай Муренин
Художественное оформление Юрия Бекишева и Василия Чистова
Фото Георгия Белякова
Исторические снимки из фондов Буйского филиала
областного музея-заповедника, Костромского художественного музея
и частных коллекций

Компьютерная верстка — Дмитрий Кротков
Адрес редакции: 156000, г.Кострома, пр.Мира, 7, тел. 51-67-38.
Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

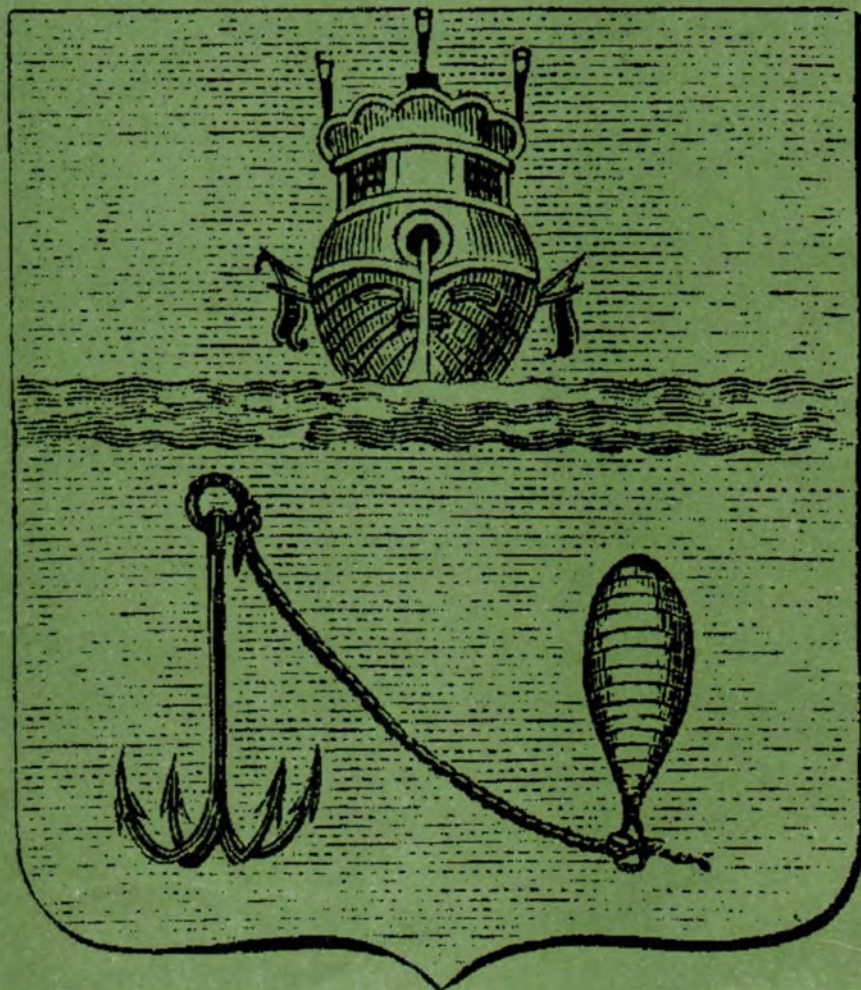
Сдано в набор 5.05.96 г. Подписано к печати 5.06.96 г. Заказ № 1495.
Печать офсетная. Объем 10 п. л. Тираж 2500 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала "Губернский дом",
отпечатано в областной типографии им.М.Горького
управления по делам печати и массовой информации администрации
Костромской области, г.Кострома, ул.Щербины, 2.

Высочайше утвержден:

29-го Марта 1779 года.

Костромского Наместничества.



Б у й.

Костромской губернии. Уездный.

В 1-й части щита часть герба Костромского: в голубом поле корма галерная с тремя фонарями и с опущенными лестницами. Во 2-й части в голубом поле железный якорь с привязанным на золотой веревке буюм, означающим имя сего города.